

Уильям ГРЭШЕМ

Человек проходит сквозь стену

ПОСТОН

Правда

и вымысел о ГАРРИ ГУДИНИИ



БИБЛИОТЕКА ТАЙН

Уильям ГРЭШЕМ

**Человек проходит
сквозь стену
Правда и вымысел
о ГАРРИ ГУДИНИ**

Москва

Общество по изучению тайн
и загадок Земли



«Мистерия»

1993

Перевод с английского *А. Шарова*

Об этом удивительном человеке отечественный читатель знает лишь по роману Э. Доктору «Рэгтайм». Между тем о Гарри Гудини (настоящее имя иллюзиониста Эрих Вайс) написана целая библиотека книг, и фенсмен его таланта не разгадан до сих пор.

В книге использованы совершенно неизвестные нашему читателю материалы, проливающие свет на загадку Гудини, который мог по свидетельству очевидцев, проходить даже сквозь бетонные стены тюремной камеры.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Российское общество по изучению тайн и загадок Земли, к/ф «Мистерия», 1993.

© А. Шаров, перевод с английского, 1993.

© В. Харламов, оформление, 1993.

ISBN 5-86422-096-5

ПРОЛОГ

Пляшущий вигвам

Если у человека и есть инстинкт более сильный, чем самосохранение, то это инстинкт освобождения от опутавших его оков — «свобода или смерть!»

Любимые герои сказаний — освободители: Моисей и Маккаби Гарибальди и Боливар. И в течение веков заставляли учащенно биться сердца великие беглецы из заточения: барон Фридрих фон дер Тренк, неутомимо копавший туннели из темниц Фридриха Великого; Анри де Латюд, который будучи на волоске от смерти, выскользнул из Бастилии по веревочной лестнице длиною в несколько сотен футов, сплетенной из холщовой нитки. Эти рассказы волнуют душу, как клич трубы. Но все они известны нам в лучшем случае лишь из письменных источников, а не от очевидцев.

Но вот на пороге XX века из ряда безвестных фокусников вышел человек, который захватил воображение людей на двух континентах и находился в центре внимания два десятилетия. Добивался он этого, выковывая совершенно новый вид искусства, в котором воплощал в жизнь мечту каждого человека — чудесное избавление от оков.

Каким бы великим, однако, он ни был, искусство его не вырвалось, подобно сполоху огня из собственного разума, а имело долгую и захватывающую историю последовательного роста...

Искусство всегда манило нас. Возможно, оно действует на нас больше, чем мы думаем. Для начала взгляните на эти записки. Они — часть истории вол-

шебного, рассказ о человеке, который сделал волшебство смыслом своей жизни.

До прихода белых людей в железных шкурах и с изрыгающими огонь палками народ анишинабегов жил на землях, которые Лонгфелло назвал «землями у большой сияющей морской воды». Анишинабеги (другие племена называли их ожибва) были великими охотниками, искусными рыбаками, кормившимися своим большим «морем» — озером Верхним, и великими воителями. Но когда решения, которые затрагивали все племя, как, например, война с племенами лис с юга, выносились на совет старейшин, те обращались за помощью к потустороннему миру.

Круг, начертанный на земле на месте заседаний совета, символизировал для совета горизонт, на который опирается небосвод. Пять прочных молодых деревьев с обрубленными ветвями вкопали на три фута в землю, после чего грунт вокруг каждого из них был плотно утрамбован.

Покрывало из лосиной кожи было наброшено на деревца, стоящие на месте произнесения заклинаний, так, чтобы ничей посторонний взгляд не мог подсмотреть священное таинство.

Затем вперед, в свет костра, вышел шаман. На нем была лишь повязка из шкур бобра, сделанная в виде фартука, а на голове возвышалась колдовская шапка, украшенная чучелами голов орла, совы, журавля и гагары. После церемонии приветствия четырех ветров он начал призывать древних духов, танцующих свою пляску теней в северном небе.

Один из храбрейших молодых воинов племени, известный тем, что намертво связывал пленников кожаными ремешками, вышел вперед. Шаман вытянул перед собой левую руку, и ремешок был крепко завязан на запястье. Потом он скрестил руки за спиной, и воин намертво связал его запястья вместе. Другими ремешками были стянуты вместе колени шамана. И хотя теперь он был практически беспомощен, его ноги согнули в коленях и связали с запястьями. Воины торжественно подняли связанного, внесли его в вигвам и оставили там, причем открытой оставалась только верхняя часть вигвама, в которую могли бы влететь небесные духи.

Уханье совы, гогот гагары. Изнутри вигвама, столь маленького, что там мог уместиться только один чело-

век, опутанный кожаными ремешками, доносилась какая-то неземная какофония. Толпа застонала от страха, когда пальцы духов рванули стены из лосины. Колдовской вигвам затрясся, деревца гнулись из стороны в сторону. Ясно, что духи спустились с неба, ибо не мог связанный, беспомощный человек заставить дрожать крепкие стены.

Огонь умер. Краснели лишь последние огоньки. Но крики зверей и птиц не стихали. Вой великих ветров, шелканье пальцев духов, нарастающий скрежет и треск черепаших панцирей доносились из вигвама, который плясал будто под натиском урагана.

По мере того, как тускнели огоньки костра, вокруг вигвама стали появляться пятна зеленого света. Все знали, что тени умерших воинов сейчас поделятся с племенем своей мудростью.

Вот они объявили, что все здесь и в сборе; каждый назвал свое имя. Вождь, чьи деяния были легендой племени, громогласно призвал к войне (кто мог подумать, что это голос шамана?). Дух вождя предупреждал об опасности. Сотрясения вигвама придавали его словам еще большую весомость.

Но вот духи улетели, крепкие молодые деревца перестали шататься. Старейшины открыли вигвам и нашли шамана по-прежнему надежно связанным.

* * *

В лекционном зале рассаживающиеся по местам дамы были облачены в пышные юбки, как того требовала мода шестидесятых годов прошлого века. Сейчас начнется представление, за которым они будут наблюдать в великом изумлении.

Пожилой господин вышел на середину помоста и выдержал небольшую паузу. Мягким чистым голосом, как проповедник, выступающий перед простыми прихожанами, он рассказал странную историю о двух молодых людях, которые сейчас должны появиться на помосте, и о том, что они, судя по всему, обладают способностью вызывать из бездонных глубин духов. Способность эта выражается в том, что предметы, рядом с которыми находятся братья, начинают двигаться сами по себе. В доказательство тому братья будут заранее связаны представителями аудитории. Под аплодисменты, прерываемые одиночными выкриками и свистом скептиков он представил удивительных бра-

тьев Айру Эрастуса и Уильяма Генри Давенпортов.

Энергичные статные молодые люди с отросшими по последней моде волосами, длинными усами и аккуратно подстриженными «императорскими» бородами заняли свои места. За ними возвышался их знаменитый «ящик». Размерами он не превышал узкой скамьи, на которой мог бы улечься человек среднего роста. «Ящик» имел три дверцы. В центральной дверце было небольшое занавешенное окошко.

Добровольцы из зрителей, слегка ослепленные юпитерами, размещенными перед яркими медными рефлекторами, нерешительно вышли на сцену. Ассистент достал два куска веревки и смотанный в бухту канат. Добровольцев попросили связать молодых людей так, «чтобы нельзя было заподозрить, что демонстрируемое необыкновенное явление — дело рук выступающих». Айра Давенпорт протянул свою левую руку, веревка была завязана крепким узлом. Энергичный молодой человек, с черными локонами и загадочно блестящими глазами, заложил за спину левую руку, затем правую и повернулся к зрителям спиной, чтобы те могли видеть, что руки сложены сзади одна на другую. Представитель зрителей плотно прижал запястья рук артиста друг к другу, обвил концы веревки вокруг правого запястья и быстро завязал веревку, проверил узлы и дернул руки, чтобы убедиться в крепости узлов. После того, как с братом Айры Уильямом Генри была проделана такая же процедура, братья сели в ящик на полочки лицом друг к другу. Добровольцы из публики обмотали длинный канат вокруг коленей и локтей одного из братьев, а потом таким же образом обмотали тем же канатом второго.

В недра ящика положили гитару, трубу, бубен и колокольчик, и дверцы закрыли. Но едва крючок на дверце был защелкнут, как бубен и колокольчик вылетели из окошка центральной дверцы. Церемониймейстер немедленно открыл боковые дверцы: оба молодых человека по-прежнему были крепко связаны.

В 1914 году сорокалетний мужчина и атлет, ветеран водевилей, а прежде — актер бродячего цирка, дешевого театра¹ театра магии и пивнушек, начал послед-

¹ В конце прошлого — начале нынешнего века не существовало разделения на театр, цирк, эстраду и т. д. в нынешнем понимании. Театральные представления включали и песни, и танцы, и выступления акробатов, и спортивную борьбу, и фокусы.

нюю мистерию своего ныне знаменитого представления.

Ростом он был ниже среднего, коренаст, но не грузен, густоволос и чуть-чуть косолап. Его лицо с живыми серо-голубыми глазами отличалось острыми чертами, но оставалось при этом красивым. Сильные быстрые пальцы в первые минуты представления растегнули пряжки смирительной рубашки изнутри через жесткую ткань. Потом, демонстрируя буквально чудеса, он разорвал вдоль пальто и непонятно как восстановил его. Затем последовал знаменитый трюк с иголками. Он проглотил три упаковки иголок и тридцать футов белой хлопковой нитки и тут же продемонстрировал свисающую с его губ иголку с продетой в нее ниткой! Вручив кончик нитки ассистенту, он отступил вглубь сцены. Маленькие блестящие стальные точки, каждая с продетой в нее ниткой, появились у него изо рта. Все нитки были продеты в иголки!

И вот он объявляет последний номер программы — его собственное изобретение — прославленная, леденящая кровь «Китайская камера пытки водой». Занавес поднялся, открывая в центре сцены зловеще блестящий под лучом единственного прожектора ящик из красного дерева. Сверкающая стеклянная панель закрывала его переднюю часть.

Оживившийся зал смотрел с восторгом и испугом, как ассистент с помощью брандспойта заполняет ящик водой. Человек-загадка отступил на минуту вглубь сцены и вернулся обратно в халате. Сбросив халат и оставшись только в купальном костюме, он лег. Ассистент привязал его ноги к плите из красного дерева с двумя отверстиями, весьма напоминающей колодки XVII века. «Колодки» были пристегнуты к канату, свисающему с колосников. Человека подняли, а затем опустили вниз головой в воду. Проворные ассистенты заперли крышку емкости. Ящик, обитый рамой из стальной трубки, покрытый темно-синим бархатом, подняли и подали вперед, чтобы клетка пыток ни с чем не соприкасалась. Пленник в клетке был ясно виден: он висел вверх ногами в воде.

Когда занавес закрыли, ассистент с пожарным топором в руках встал рядом с ним. Взирая на топор, которым можно было в любую минуту разбить водяную тюрьму, зал в течение двух с половиной полных напряжения минут пребывал в уверенности, что траге-

дия неминуета. Но топор так и не был пущен в ход. Занавес раздвинулся, и фокусник, с которого текла вода, вышел из-за него. За ним стояла мрачная клетка, крышка ее была по-прежнему закрыта и заперта.

Когда рукоплескания, наконец, пошли на убыль, человек, выбравшийся из клетки, поднял руку.

— Дамы и господа, — начал он довольно высоким голосом, который достигал самой галерки, — позвольте мне поблагодарить вас за ваши щедрые аплодисменты. А также сделать первое публичное объявление о моем новейшем достижении в области невозможно-го. В понедельник, шестого июля, когда в городе Нью-Йорке я открою Театр Виктория господина Уильяма Хаммера, я исполню там сложнейший трюк, который с глубокой древности считался абсолютно невозможным. Я намереваюсь пройти сквозь сплошную кирпичную стену.

Именно это Гарри Гудини и сделал. Или кажется, что сделал. Стена была и впрямь кирпичной, построенной на стальной балке шириной в один фут бригадой рабочих на глазах у публики. Над большим ковром в центре помоста был натянут кусок ткани без единого шва. Представители зрителей встали по его краям. С каждой стороны стены были установлены экраны, и фокусник прошел внутрь. Они услышали его голос из-за экрана: «Я прохожу, я прохожу... я прошел!» И затем спокойно, с другой стороны стены: «А вот и я!» Он вышел, чтобы приветствовать публику, первой реакцией которой было изумленное оцепенение. Все могли видеть, что никакого прохода под стеной в виде туннеля быть не могло. Ковер и ткань делали это невозможным. Обойти стену артист тоже не мог, поскольку представители зрителей стояли по краям с обеих сторон. И все видели, что он не перелезал через стену сверху... Тогда как? Как человек прошел сквозь нее?

Во время предыдущих выступлений он освобождался от веревок и наручников, из опечатанных мешков и запертых сундуков, из накрепко заколоченных ящиков, из различного вида колодок и из гробов, из заклепанных железных котлов, из гигантской заполненной водой молочной банки, крышка которой была заперта на замок. Но до трюка со стеной король «самовысвобождения» всегда оставлял недоумевающему зрителю хотя бы маленький простор для сомнения.

«Он открывает наручники магнитом». «Ящик сделан так что, когда его опускают в воду, он разваливается». «Помощники выходят на сцену через потайные двери и вытаскивают его из клетки». Это было все не так, но люди хотя бы могли пофантазировать. А на сей раз ухватиться оказалось не за что. Гудини совершил абсолютно невозможное. Что же будет дальше? Что?

На следующий год он вошел в ящик и был закопан глубоко в землю. Через двадцать минут он появился на поверхности. Он выбрался из ящика и прорыл себе ход сквозь толщу земли обратно к воздуху и свету, к свободе. Человеку, проходящему сквозь стены, было доступно любое избавление.

Когда он умер, рассказы о нем придали лишь пущую таинственность появившейся еще при его жизни легенде о том, что он знал Тайну и унес ее в могилу. Последнее утверждение умерло в сознании людей только тогда, когда имя Гудини вновь появилось на первых полосах газет. Он вернулся из могилы. Голос медиума передал его жене зашифрованное послание из десяти слов. И заявление Бесс Гудини о том, что послание духа предназначено ей одной, не помогло: легенда крепла. И, пока Гудини помнят, легенда эта будет жить.

Время, говорит Лорд Дансени, в конце концов победит даже богов. Эта книга — попытка человека, который помнит Гудини во времена его славы, сохранить очарование легенды, и в то же время в какой-то степени показать самого человека, гневного и ласкового, жестокого и добросердечного, бескорыстного и себялюбивого. Понять Гудини непросто. Им управляли эмоции. Его естественная практичность часто тонула в импульсивности. Он был одним из самых несносных и славных, одним из самых непредсказуемых гениев, когда-либо живших на свете.

Важно ли для нас то, кем он был и что делал?

Автор уверен, что да. Гарри Гудини начал с нуля — у него не было ничего, за исключением мужества и веры в собственное дарование, которые превратились в неискоренимое убеждение. Как образец героя, которого нельзя заковать или заточить, он стал кумиром миллионов мальчишек, другом президентов и увеселителем монархов.

Таков был Гудини, который вышел из-за кулис и

стал живой легендой. Но что за человек кроется в этом легендарном ореоле?

Несмотря на все его причуды, Гудини обладал неистощимым источником силы. Источником этим была храбрость, и он знал, что ею можно пользоваться также, как ловкостью рук. Несмотря на свое желание остаться в памяти ловким фокусником, он не был мастером манипуляций с картами или монетами. Но он манипулировал жизнью, обстоятельствами и представлениями людей.

Проследим же его жизненный путь.

Открытие, сделанное при свете газового фонаря

Ранние сумерки осеннего вечера упали на Манхэттен, и тьму за углами домов разгонял свет, струившийся от газовых фонарей, мягкое сияние которых скоро должно было уступить место яркому электрическому сиянию XX века. Под одним из таких фонарей замер мальчик: в руках у него была открытая книга. Это был потертый экземпляр, купленный за 10 центов в букинистическом отделе книжной лавки. Парнишка, подсчитав свои гроши, решил, что может потратить десять центов. Пять центов он должен был оставить, чтобы пойти на ярмарку на Третьей авеню.

В одном кармане штанов у него лежала потрепанная колода карт. Обычно по дороге с работы домой, а работал он на фабрике по производству галстуков «Г. Ричтерз Санз» на Бродвее, он развивал ловкость рук, проделывая карточные фокусы. Но сейчас он обнаружил нечто более увлекательное — необычный мир искусства волшебства, и этот мир был готов принять его. Он нашел себя! Все неумные стремления юноши к славе и богатству, к путешествиям и дружбе с великими людьми, будто в зеркале отразились в этой книге, автору которой довелось пережить нечто подобное.

Книга называлась «Воспоминания Робер-Гудина, посла, писателя и фокусника, написанные им самим». Если уж молодой помощник нотариуса Жак Эжен Робек смог терпением и упорством добиться того, что стал «отцом современного фокуса», то он, Эрик Вейсс, раскройщик галстуков, сможет сделать то же самое.

С того дня — и это доказано всей его жизнью — Эрик Вейсс точно знал, что составляет его земное предназначение. Сокрушительные поражения, унижения, увещевания домашних, другие увлечения — ничто не остановило его. И хотя беспрестанные упражнения

не развили в нем утонченности, присущей звездам сцены, тем не менее он смог ценой огромных усилий пробиться к вершинам, придумывая, создав совершенно новую форму магии. Он бросил миру вызов: свяжите, закуйте, заточите меня, и я, вот увидите, вновь обрету свободу. Он вышел победителем в борьбе с кандалами и тюремными камерами, мокрыми смиренными рубашками, ячеями рыбацких сетей, закрытыми железными ящиками, короче, со всем тем, что могла предложить изобретательность людей, стремившихся удерживать его в заточении. Его талант и отвага в конце концов помогли сбыться подсознательному желанию каждого человека на земле вырваться из цепей и колодок, гробов и веревочных петель, вырваться, совершив чудо.

Семья Вейссов прибыла в Новый Свет из Будапешта. Эрик, сын раввина, родился в гетто Пешта незадолго до того, как семья уехала в Америку. В суматохе переезда точная дата его рождения, судя по всему, была забыта. Сначала семья Вейссов поселилась в Эпплтоне, штат Висконсин. Поскольку мать Эрика всегда писала ему 6 апреля, он считал эту дату днем своего рождения, а Эпплтон — местом рождения.

Незадолго до фашистского вторжения в Венгрию в ходе второй мировой войны венгерский любитель магии доктор Вилнос Ленард нашел в одной из синагог запись, свидетельствующую о рождении сына Эрика у жены Самуэля Вейсса 24 марта 1874 года. Книги не были украдены, и открытие доктора Ленарда, таким образом, вносит ясность в вопрос о точной дате и месте рождения Эрика. Но вряд ли это имело большое значение: важно то, что он сам очень гордился тем, что был американцем.

Семья Вейссов была многочисленной. Эрик был пятым сыном. Первенец семьи умер в Венгрии, второй сын — в Нью-Йорке вскоре после переезда сюда семьи из Висконсина в 1888 году. Два других брата были старше Эрика, еще два — моложе, так же как и его единственная сестра. В доме на Восточной 69-й улице шестеро детей Вейссов учились гордиться своим семейством. Жизнь их была исполнена достоинства, уважения к наукам, и домашняя атмосфера весьма отличалась от той, в которой Эрику предстояло жить впоследствии. Факты доказывают, что он никогда не забывал и всю жизнь любил отчий дом.

Он почти не помнил детства. Позднее охладев к своему первому кумиру, он написал о Робер-Гудине: «Ясно, что из-за крайней самовлюбленности он стремился всячески расцветить свою биографию в ущерб правде... Практически невозможно логично или последовательно изложить факты его жизни». Это заявление равно справедливо и по отношению к самому Эрику Вейссу.

Существует романтическая история, основанная на материалах печати и сувенирных программках-биографиях. Она повествует о том, что артист по имени Гудини был талантливым ребенком, который никогда не плакал и мало спал, и который, будучи еще совсем маленьким, так искусно управлялся с замками, что профессиональные слесари брали его в подмастерья. Если верить этой истории, в возрасте девяти лет Гудини обратился в дешевый балаган Джека Гоффлера, когда тот давал представления в Эпплтопе, и его пригласили выступить с им же придуманным номером: вися вниз головой на трапеции, Гудини при помощи век собирал с пола булавки!

История эта — вымысел. Гораздо более вероятно, что Эрик Вейсс познакомился с фокусами в шестнадцатилетнем возрасте. Его первым учителем был Джек Хейман, который работал вместе с ним на галстучной фабрике. На эту работу Эрик пошел после того, как его отец в мягких выражениях высказался против работы сына в качестве уличного продавца газет. Человек огромного достоинства, доктор Вейсс объяснил, что продажа газет на улице не делает чести сыну равнина и ученого человека.

В свободное время Эрик постоянно посещал «Атлетический клуб Пастайм». Там он тренировался и выиграл несколько соревнований по бегу. Он также научился хорошо плавать, тренируясь большей частью в грязных водах Ист-Ривер вместе с другими соседскими мальчишками.

Интерес Эрика к спиритизму возник после того, как они с Джо Ринном, приятелем из спортклуба, посетили дом известного медиума Минни Уильямса. Дом госпожи Уильямс на 46-й улице был приобретен ею у страстного поклонника спиритизма, которому духи посоветовали продать его за один доллар и без каких-либо иных условий. По словам господина Ринна, молодой Эрик Вейсс, войдя в этот шикарный дворец та-

инственных духов, подтолкнул Джо локтем и прошептал: «Тут пахнет большими деньгами».

Нет ничего удивительного в том, что такая мысль пришла ему в голову: это был, пожалуй, самый богато обставленный дом, который Эрик когда-либо видел. Определенно, он был совсем непохож на полную народу квартиру джентльмена и ученого раввина Вейсса.

Пока звучали гимны, Эрик уселся рядом со своим другом Джо. Комната была освещена только тусклым зеленоватым светом лампы, помещенной в коробку. Время от времени нечто вроде духа выходило из занавешенного угла комнаты, называемой «кабинетом». Среди теней, вызванных в тот вечер, был доктор Генри Уорд Бичер. Молодые люди обратили внимание, что, когда духи передвигались по полу, тот скрипел самым «неприятным» образом.

После сеанса Эрик подсчитал, что госпожа Уильямс заработала сорок долларов: сорок зрителей — по доллару с каждого. Даже после уплаты двум головорезам, которые служили у нее телохранителями, она получила, вычислил он, неплохой чистый доход. Эрик знал, что его работа на галстучной фабрике никогда не принесет ему столько денег, сколько получают здесь. Но, поскольку у него уже давно возник глубокий интерес к иллюзионизму, в тот миг он не испытал желания заняться спиритизмом. И, помимо трезвой оценки и отсутствия опыта, были и другие причины. Одна из них — отец: он никогда бы не допустил этого. Если уж сыну раввина негоже продавать газеты на улице, то быть медиумом — и подавно.

Скоро часы упорной тренировки стали приносить отдачу. То там, то здесь Эрик начал выступать на публике как фокусник. Иногда ему даже платили то доллар, то два. Это была освященная веками учеба. Любитель набирался опыта перед живой аудиторией, что давало и определенный шанс на профессиональные выступления. Для Эрика, как и для всех новичков, карьера начиналась в пивных барах и дешевых театрах водевилей. И ему, как любителю, пришлось попотеть, чтобы взойти даже на эти подмостки.

На своих первых представлениях молодой Вейсс величественно появлялся как «Эрик Великий». Зачастую, его ассистентом был парень с фабрики, Джон Хэйман, который не только научил Эрика первым

простым трюкам, но и свозил его в Бовери, где за стеклянными витринами магазинов фокусов были выставлены сверкающие аппараты для профессионалов. Такой инвентарь был им абсолютно не по карману. А вот карты стоили дешево как и шелковые отрезы. Поэтому первые номера Эрика состояли главным образом из карточных фокусов и трюков с шелковыми платками, хотя он использовал и несколько «волшебных ящичков», и некоторое другое оборудование собственного изготовления.

Джон Хэйман ввел Эрика в мир магии. Теперь он, сам того не ведая, помог Эрику выбрать сценическое имя, которое стало бессмертным. Джек сказал, что если добавить букву «и» к французскому слову, оно будет означать «подобный» (похожий на).

Эрик не усомнился в этом. И буква «и», добавленная к имени его кумира Гудина, в итоге дала жизнь имени Гудини. Это было за много лет до того, как Эрик понял, что написанная через дефис фамилия Робер-Гудин означала, что Робер — вовсе не христианское имя его кумира. Ну а поскольку артист обычно использует вымышленное имя, и поскольку Гарри Келлер в то время был виднейшим факиром, Эрик Вейсс стал Гарри Гудини. Выбор, пожалуй, predetermined с того дня, когда он раскрыл книгу воспоминаний Робер-Гудина.

2.

Книга откровений

Вторая половина XIX века была великой эрой прикладного оккультизма. В течение сорока лет движение, называемое спиритизмом, набирало силу невзирая на презрительные усмешки скептиков. Все началось в доме фермера возле Гудсвилла, штат Нью-Йорк, где в 1848 году две маленькие девочки, Кэтти и Маргаретт Фокс, начали дразнить свою суеверную мать — они подвешивали за веревку яблоко и по ночам стучали им об пол. Затем сестры научились негромко щелкать, цепляясь большим пальцем за указательный. Под руководством своей старшей сестры Лих, тупой и жадной до денег мегеры, девочки поеха-

ли по стране с представлениями, заключающимися в ответах на вопросы при помощи стука. Вскоре сентиментальный американец шотландского происхождения, Дэниел Даглас Хоум из штата Коннектикут, начал заниматься выстукиванием сам. Но еще до того, как Хоум добился известности и получил за свои заслуги алмазные запонки, братья Давенпорт покорили специалистов своим ящиком, в котором шумно возились духи.

Но вот в 1891 году в мир светящихся ночных рубашек и гармоник, играющих без помощи человека, была брошена бомба в виде дешевой книжки в мягкой обложке, озаглавленной «Откровенная спирита, или правда о спиритуальной магии (детальное исследование методов, используемых спиритами-мошенниками). Автор А. Медиум». Книжонка стоила один доллар.

Автором ее значился Чарльз Ф. Пиджн. Серьезные исследования в области телекинеза и литературы по этому вопросу считают действительным автором некоего Мэнсфилда, или Донована (впрочем, список возможных авторов достаточно длинен). Но кто бы ни написал ее, он, скорее всего, сам был медиумом «магического феномена» — воспроизводителем голосов, призрачных фигур, звуков и так далее. Или, по крайней мере, консультантом по этим вопросам.

Возмущенные медиумы, как говорят, начали скупать экземпляры книги и сжигать их в первых попавшихся печках. К сожалению, даже такой ажиотаж не смог спасти издателей. Они вылетели в трубу, а книга стала библиографической редкостью.

Один экземпляр ее каким-то образом оказался в руках начинавшего свою карьеру Гарри Гудини. В то время у него временно пропал интерес к спиритизму и скандалам, связанным с мошенничеством иных медиумов. Его, однако, интересовал сам процесс околпачивания. «Клевета» на спиритизм представляла отличные возможности для артиста-беглеца. В книге, например, содержалось подробнейшее описание технологии освобождения от веревочных пут (спириты называли такую связку «контрольной»). Более того, текст был иллюстрирован рисунками, раскрывающими секреты «петли привидения» — железного обруча, который закреплялся на шее привидения защелкой. Естественно, обруч никогда не выполнял своего пред-

назначения — удерживать медиума у стены, поскольку легко открывался хитроумно придуманным крючком. В книге также содержались исчерпывающие инструкции и рисунки, объясняющие, как делить «привиденческие» замки-устройства для того, чтобы привязать медиума к твердой опоре. Гарри узнал, как эта конструкция из кольца-замка открывается, чтобы освободить медиума. Он также нашел в книге указания, как двумя «магическими» методами можно выбраться из мешка, который затянут шнурами, завязан и опечатан.

Его увлечение возможностями самоосвобождения все крепло и вскоре завладело всем его существом. Если ему удавалось уговорить своих друзей по атлетическому клубу, они, немало при этом удивляясь, связывали его. Именно кропотливая работа в конце концов позволила ему достичь совершенства в искусстве, в котором он остался непревзойденным.

Однажды он увидел великого Гарри Келлара, дававшего сольное вечернее представление. Артист показывал известный трюк Давенпортов со связыванием рук, для комического эффекта хватая при этом добровольца из зрителей сразу же после того, как он связывал фокусника и убеждался, что тот беспомощен.

Трюк восхитил юного Гудини. Но особенно его взволновал вызов, брошенный Келларом: «Попробуйте завязать этой веревкой мои руки так, чтобы я не смог освободиться!»

Это очень понравилось Гудини, и с тех пор он всегда прибегал к сходному приему. Вся его карьера свидетельствовала, какое глубокое влияние оказал на него трюк Келлара, произведенный с полной уверенностью в успехе. Но еще долгие годы отделяли Гудини от постижения этого великого искусства, от мастерства, дававшего возможность бросить публике такой вызов, и полного постижения способов самого эффективного показа трюка. Легенда будет крепнуть с ростом славы Гудини. Ибо он бросил публике свой вызов в очень самобытной форме. Год за годом он предлагал всякому связать его, и год за годом, по крайней мере, по словам самого Гудини, он неизменно освобождался.

В семнадцать лет Гудини сделал решающий шаг, определивший всю его дальнейшую жизнь: он стал

заниматься шоу-бизнесом как настоящий профессионал. В апреле 1891 года он бросил работу у «Г. Ричтерз Санз», получив от босса хорошие рекомендации и обеспечив себе неприятности дома. Его родители никак не могли смириться с тем, что он сменил приличное место и верный доход на сомнительное место ученика фокусника. Но для Гарри иного выбора не было.

Так или иначе, весной он сумел договориться о пробе в театре Хубера на 14-й улице — рядом с нынешним рестораном Лачоу. Управлял заведением Джордж Декстер, высокий, обходительный австралиец. Декстер, краснбай и душа общества, ставил цирковые интермедии. Он был прирожденным режиссером варьете и, главное, мастером освобождения от пут.

Пока существуют ярмарки, балаганы, цирк и жаждущая увеселений толпа, трюки со связыванием всегда будут излюбленными номерами бродячих шарлатанов. Собственно эта форма «освобождения» была предшественницей организованных представлений. Колдуны племени ожибва, судя по всему, связанными творили «чудеса» во время совершения племенных ритуалов. Трюк, возможно, был не нов, когда стал достоянием племени, и, должно быть, существовал уже на заре человеческой истории.

Вполне логично, что великий мастер «самовысвобождения» начал учиться этому искусству в буквальном смысле слова с азов. Декстер с удовлетворением обнаружил, что молодому манипулятору особенно близко искусство «побега». Он сразу же научил его основам техники освобождения от пут, а также манипуляциям с наручниками. Когда-то выступавшие на карнавалах артисты заметили, что вид человека с защелкнутыми на запястьях наручниками производит сильное впечатление на праздную публику. Кроме того, номер включает в себя все тот же элемент вызова: сможет ли артист освободиться? И если сможет — то как?

Сегодня освобождение от наручников не представляет сложности даже для посредственного циркового фокусника и, как во всяком простом деле, эффект зависел от того, как его подают. Вот такое типичное для Гудини представление мог наблюдать зритель. Внимание толпы, празднующей прогуливающейся по засы-

панной стружкой площадке и сбитой с толку множеством предлагаемых развлечений, неожиданно привлекает шум с платформы для интермедий. Грузный, чиновного вида мужчина, надевает наручники на девушку, облаченную в вызывающе короткую юбочку. «Изюминка» этой сцены заключается в самом факте «ареста». Вот не повезло красавице!

Зазывала — человек якобы со стороны — привлекает толпу ближе. Для этого на платформе он завязывает оживленную беседу с «офицером». Диалог раскручивается, переговоры ведутся все более оживленно, а девушка тем временем стоит на платформе, закованная в наручники.

Какое-то своеобразное и глубоко волнующее чувство возникает у мужчины, который видит симпатичную девушку, закованную в наручники или цепи. Пока публика с интересом наблюдает сцену, человек, убеждающий «полицейского», набрасывает на руки девушки кусок материи. Завлеченная толпа начинает понимать, что все это — часть представления, но продолжает глазеть. Девушка, притворно корчась от боли, делает усилие, и наручники со стуком падают на пол платформы. Кусок материи взлетает над ее головой и она стремительно исчезает внутри шапито, куда, собственно, без всяких на то причин направляется и группа зрителей, которые просто хотят посмотреть, куда она пошла и что будет делать.

Лицо чиновничьего обличья — любой крупный мужчина, который задействован в представлении или карнавале, или, как случилось, настоящий детектив, пользующийся доверием хозяина цирка. Что касается девушки, то ей надо просто найти замочную скважину в наручниках, в которой уже торчит ключ, и, пока ее руки накрыты куском материи, открыть их, корчась при этом и делая вид, будто она как бы вытягивает запястья из колец наручников. Это, собственно, и есть суть трюка с наручниками — трюка, который, пожалуй, существует с того момента, как были изобретены сами наручники.

Гений Гудини был в том, что он изобретал новые трюки «с чистого листа». Средний артист, лишенный таланта, освобождаясь от наручников при помощи ключа, редко превращает это в драматическое действие. И в течение долгого времени Гудини, приобретая пару наручников в каком-то ломбарде, попадал впро-

сак потому, что освобождался от них слишком уж легко. А трюк как раз и состоял в том, что сделать это чрезвычайно трудно, чего он не мог понять довольно долго.

Он также довольно поздно понял, как можно использовать информацию — «секрет» наручников, который известен немногим, кроме полицейских: практически все наручники одного производства и модели, выпущенные до 1920 года, открываются одним ключом.

Большинство считает, что все ключи разные. И если они покупают полдюжины пар наручников, то считают, что у них и шесть разных ключей. Но замки наручников достаточно просты — так же как замки, например, портфелей. «Полицейский» может надеть и пять разных наручников на запястья фокусника. Но если они одной модели, практически все они могут быть открыты одним ключом.

Гудини рано узнал об этом секрете наручников, но он долго не понимал, как можно использовать это знание. И когда он, наконец, это понял, то проявил недюжинную фантазию. Имея собственные ключи ко всем моделям наручников, которые использовались полицией какого-либо города, он спокойно мог бросить вызов любому полицейскому. И в любом городе он, соответственно, мог укреплять свою репутацию фокусника, который способен освободить себя при помощи «волшебства».

После весенних выступлений у Хубера Гарри решил попытать счастья на Конни-Айленде. Он недолго проработал с Эмилем Жарроу, силачом, который мог написать свое имя на стене карандашом, держа его на вытянутой руке, к которой была подвешена шестифунтовая свинцовая гиря.

Жарроу и Гудини работали «на подачках» — то есть устраивали представление в шапито, а потому пускали по кругу шляпу. Жарроу, после того, как о нем написали хвалебную статью в нью-йоркской «Сан», занялся другими делами, и, по иронии судьбы, стал одним из самых ловких жонглеров-фокусников (трюк его состоял в следующем: доллар, занятый у кого-либо из зрителей и специально помещенный, исчезал и оказывался в лимоне, который, до того как его разрезали, находился в руках у зрителей). А вот

жонглер-виртуоз, Гудини, наоборот, стал чем-то вроде силового акробата.

Невозможно проследить путь Гудини от одного незначительного выступления до другого. Он побывал везде. В декабре 1891 года он послал письмо Джо Ринну из Колумбии, штат Канзас, в котором сообщал, что выступает здесь с представлениями, зарабатывая десять, пятнадцать или двадцать пять центов, и что он сам расклеивает свои афиши. Скорее всего, он раздавал рекламные листки, в которых рассказывал о своих возможностях — недорогая форма рекламы, которую он использовал всю жизнь.

После смерти в 1892 году доктора Вейсса ответственность за содержание матери и сестры легла на Гудини и его братьев. У Гарри, таким образом, появился еще один побудительный мотив, чтобы выступать как можно чаще. Он заверил мать, что в один прекрасный день насыплет ей полный подол золота, но она усомнилась в этом.

Приехав домой, Гарри не стал бить баклуши. День за днем он репетировал трюк освобождения от веревок на крыше дома по Восточной 69-й улице. Его младший брат Теодор, которого прозвали «Дэш» за пристрастия к одежде броского покроя, с воодушевлением проводил долгие часы в обществе Гарри, связывая его. А Гарри часами неугомонно выпутывался. Упражнения сыновей озадачили мать. Никогда в истории семьи Вейссов (из которой вышли несколько раввинов и талмудистов) и ее собственной семьи Стейнперсов никто не позволял связывать себя бельевыми веревками безо всякой видимой цели и смысла.

— Ну, и этим ты зарабатываешь себе на жизнь, мой сын?

— Да ладно, мам, у меня появилась идея.

У Эрика была тайна. Впервые в жизни он занял денег — достаточно, чтобы купить у разорившегося фокусника «волшебный ящик». У этого ящика размером с небольшой сундук была скрытая панель, открывающаяся внутрь. Ящик с находившимся в нем человеком можно было закрыть, а затем обвязать со всех сторон канатом. При закрытой шторе, чтобы скрыть способ побега, пленник мог в течение нескольких секунд оказаться вне ящика, не притрагиваясь при этом к замкам и канатам. Фокус был изобретен английским иллюзионистом Джоном Невилем Маскей-

лином. Этот трюк и сейчас показывают фокусники на любой сцене. Конечно, конструкция теперь значительно усовершенствована. Ящик становился воистину волшебным, когда с ним работали два проворных человека.

Гарри был проворен, а его младший брат Дэш — старателен. Братья Гудини исполняли с ящиком любопытный трюк. Оба были уверены, что прекрасно отрабатывают перед публикой ее деньги. Многие наблюдатели считали, что это перебор. Но Гудини уже ступил на тропу успеха!

3.

Братья Гудини

В 1893 году Средний Запад захлестнула волна представлений под открытым небом. Америка еще не видывала зрелищ, подобных Всемирной чикагской выставке.

Выставка планировалась в честь 400-летия открытия Америки Колумбом и должна была открыться в 1892 году. Но никто не возражал против открытия ее годом позже — это давало лишних двенадцать месяцев для проведения дополнительной рекламной кампании в прессе.

Из всех аттракционов выставки настоящим чудом была Мидуэй Плэзанс (которая дала английскому языку новое слово — *midway* — на полпути, полдороге). Это была улица настоящих чудес — там располагались эскимосская деревня, деревня с островов Южных морей и «улицы Каира», где Египет впервые показал Западу танец живота. Кажется все, кто выступал в стране с представлениями под открытым небом, направились в этот памятный сезон в Чикаго. Туда же подался и Гудини со своим новым партнером Дэшем.

Ребята, назвавшиеся «Братьями Гудини», взяли с собой и «волшебный ящик». Позднее они вспоминали, что на выставке участвовали и в интермедиях, и в массовых выступлениях на этой гигантской улице. Возможно, так оно и было. Выставка была достаточно велика, чтобы вместить всех желающих. Даже

Минни Уильямс был здесь со своими телохранителями и менеджером Багом Макдональдом.

На этом величайшем шоу XIX века начинающий фокусник и его новый партнер не снискал лавров. Нет никаких сведений об их успехах и неудачах, достижениях и провалах на выставке. Но есть свидетельства, что Гарри, уже без Дэша, был нанят цирком Коля и Миддлтона, чтобы выступить с самостоятельным номером за двенадцать долларов в неделю.

Цирк был самым подходящим местом для быстрого приобретения опыта. Гарри давал по двадцать представлений в день! Между выходами он, по мере возможности, наблюдал за выступлениями других артистов. Труппа была хорошая. Многих пригласили в цирк из-за определенных уродств или физических недостатков: карлики, мальчик с крокодиловой кожей, девочка-птица. Другие исполняли трюки с голосом или показывали номера, которые озадачивали или пугали публику, и это будило профессиональное любопытство Гудини. Шпагоглотатели, как он выяснил, на самом деле заставляли твердые стальные клинки скользить по горлу, при этом они подавляли в себе рвотный инстинкт. Он обнаружил, что глотатели огня могут брать в рот очень горячие вещи и держать их там, потихоньку выдыхая воздух так, чтобы огонь не касался мягких тканей нёба.

Гудини восхищался этими номерами. Но его любимцем в копеечном цирке, однако, был Хорас Голдин, чей иллюзион «быстрый огонь» уже завоевал известность. Голдин выступал во флигеле цирка, что уже само по себе было свидетельством успеха, поскольку доступ туда стоил на десять центов дороже.

Когда Гудини обратился к Голдину как один известный факир к другому, Голдин надменно сказал ему: «Послушай, парнишка, ты получаешь двенадцать долларов в неделю. Я получаю семьдесят пять. Поэтому здесь я выше тебя на шесть голов». Гудини вспылал. Только через двадцать пять лет он простил Голдина. В конечном итоге они стали добрыми друзьями, как и подобает великим представителям золотого века vodevilia.

Однажды Гарри вернулся домой в расстроенных чувствах: попытка договориться о выступлениях со своим номером не удалась. А он возлагал на этот номер большие надежды. Теперь они рушились. Но ве-

чером того же дня мамаша Вейсс возродила их испытанным способом — нагоняем и ворчанием.

В это время «Братья Гудини» вновь объединились и выступая в Нью-Йорке, переживали такую тяжкую пору, что все, кроме Гарри, окончательно пали духом. Но Гарри никогда не поддавался соблазну поступить на обычную работу и регулярно раз в неделю получать зарплату. Он всегда знал, чего хочет, и всегда бывал одержим.

Гарри начал свою карьеру, имея целый ряд серьезных недостатков. Большинство тех, кто платит за представление, полагает, что фокусник — внушительный человек высокого роста, худощавый, мрачный, как Мефистофель (таким был Херманн), или крупный и величавый, как Геркулес (таким был Келлар). Гудини не был ни тем, ни другим. Он был невысокого роста — около 5 футов 5 дюймов — и, подобно многим другим малорослым мужчинам носил пышную шевелюру. Его одежда как в молодости, так и в более зрелом возрасте всегда выглядела так, будто он в ней спит. Речь его изобиловала грамматическими ошибками, так что даже цирковые импрессарио сразу же списали Гарри во второсортники.

Пришлось избавляться и от недостатков, которые вредили ему самым непосредственным образом. Он был молод, а фокусы показывал перед требовательной и потенциально неблагоприятной аудиторией. Он работал слишком охотно и слишком упорно. У него не было какой-то модной аппаратуры. Он не был искусным жонглером. Он был слишком горд, чтобы торговаться из-за гонорара, и по этой причине как делец никуда не годился.

Он был здоров, умен и настойчив. Эти качества стороннему наблюдателю могли показаться его единственным достоинством. Но было и еще одно. Гудини имел лицо настоящего мужчины. Стоило сосредоточиться, и его пламенная энергия могла пленить, завожорить публику. А потом — улыбка, и вот уже сероголубые глаза, горевшие секунду назад, весело искрятся. Он мог улыбаться победной, чарующей улыбкой, которая заставляла толпу забыть о неудачном трюке. Эта чистосердечная, живая улыбка была на его лице до последнего дня. Она нередко выручала его из серьезных передряг. В пивных, где он выступал, без обезоруживающей улыбки было не выжить.

Есть шумные ночные клубы, где посетители все время болтают, пока артисты пытаются привлечь их внимание. Основная трудность для артистов в таких местах состоит в том, что посетители приходят сюда пообщаться друг с другом, а не посмотреть представление и выступления талантов. Пивных с антуражем девяностых годов сейчас практически не осталось. Столики в них были маленькими и стояли настолько близко друг к другу, что официанты едва протискивались между ними. Драки тут были в порядке вещей. Представление, однако, продолжалось и тогда, когда официанты пытались выставить драчунов вон.

Артисты иногда выступали уставшими, хотя среди них были «дежурные звезды», которые, кажется, никогда не уставали и так громко пели, что пьяная болтовня тонула в их руладах. Сценой обычно служила узкая платформа с раздвигающимся занавесом. Иногда даже и занавеса не было. Девушки «в линии», когда на сцене был хор, старательно выпячивали «мясо», как требовали нравы того времени. Выступавший с новым номером должен был работать особенно упорно, чтобы обратить на себя внимание. В таком «дворце развлечений», украшенном прибитыми к потолку бумажными «осенними» листьями, заполненном табачным дымом и едким удушливым пивным перегаром, молодой Гудини выходил «показать вам несколько примеров ловкости рук».

Недостатка в желающих связать его никогда не ощущалось, ибо завсегдатаями пивных были моряки.

На шумной «игровой площадке» у моря, Кони-Айленде, есть улица Бовери с многочисленными кабаре, знаменитая сейчас тем, что именно на ней стал выступать честолюбивый юноша. Позднее на ней выступали Эдди Кантор, Ирвинг Берлин, Джимми Дюран и Винсент Лопес.

«Братья Гудини» выступали теперь в кабаре и дешевых театрах водевилей Кони-Айленда.

Гарри сделал шаг вверх из своего балагана в театр Джэрроу. Вместе с Дэшем он демонстрировал в театре трюк с ящиком.

Они поставили его добротню. Одному из партнеров связывали шнурком запястья и запирали его в ящике. Занавес опускался. Второй партнер, высовывая голову из-за занавеса, считал: «раз, два...» (тут его голова исчезала). Возглас: «три», и появлялась голова

второго брата. Занавес раздвигался. Ящик был открыт, и внутри, связанный шнуром, сидел Гудини, в начале фокуса стоявший снаружи.

Это были последние дни «Братьев Гудини». Скоро на афишах стали писать просто «Гудини». Ибо на сцену выступила девушка — миниатюрная, меньше ста фунтов весом, совсем недавно пришедшая в шоу-бизнес. Ее артистический псевдоним был Бесси Рэймондс. Впоследствии Дэш неизменно утверждал, что первым познакомился с ней. Но она влюбилась в Гарри и вышла за него замуж.

4.

Волшебный остров

В биографии, разрешенной к публикации Беатрис Гудини, и озаглавленной: «Гудини: его жизнь, описанная Гарольдом Келлоком на основе воспоминаний и дневников Беатрис Гудини» (Нью-Йорк, 1928), история встречи Гудини с Беатрис, его неистового ухаживания и женитьбы на ней описана в подробностях. Во время представления в институте он, исполняя номер «чернила из воды», пролил кислоту на платье маленькой Вильгельмины Ранер. Он взял у нее адрес, зашел, чтобы попросить прощения и отдать платье в починку. Затем он пригласил девушку посетить Кони-Айленд, где она прежде не бывала, допоздна задержал ее, и, когда она запаниковала, боясь получить взбучку от матери, тотчас же попросил ее руки. Их брак по-быстрому оформил Джон Маккэйн, глава администрации Кони-Айленда. Это произошло 22 июня 1894 года. Так пишет Келлок.

Но что-то в этой истории явно не стыкуется. Небезызвестный Маккэйн в то время отбывал наказание в тюрьме Синг-Синг. Ветры перемен в конце концов разрушили его вотчину, и власти решили присмотреться к тому, как он управляет Кони-Айлендом.

Забавный эпизод из жизни Гудини на Кони-Айленде тоже вызывает сомнения. В одном из ранних альбомов, куда он наклеивал вырезки (альбом принадлежит ныне Сиднею Раднеру из Массачусетса), есть одна любопытная газетная заметка о Гудини.

Она датирована 22 июня 1894 года, днем, который Бесс всегда отмечала как годовщину их свадьбы, и написана с грубоватым юмором, присущим прессе тех лет. В заметке говорится, что некто Ризи (видимо, довольно известная личность, хотя о нем ничего не сообщается), судя по всему, был жестоко проучен за то, что критиковал Гудини. Заголовок заметки звучит весьма пикантно: «Ризи в ящике. Кони-Айленд показывается со смеху». Дальше шел такой текст: «Ветеран сцены пытается развенчать трюк «Братьев Гуниади» с ящиком и терпит неудачу — жалкая фигура на сцене концертного зала».

Статья, в которой имя Гудини нарочито искажено, поведствует о том, как Ризи, похвалившийся тем, что он — ветеран цирка и сцены с тридцатилетним стажем и «Самый великий чародей театра Вакка», осмелел трюк с ящиком «Братьев Гуниади», заявив, будто бы видел такой же номер в исполнении братьев Даверпорт двадцать лет назад и вывел их на чистую воду. В статье далее говорилось: «Ризи столкнулся с одним из братьев Гуниади, который прогуливался в обществе девушки из вокально-танцевального ансамбля «Сестры Флорал». Услышав, как бахвалится Ризи, Гуниади бросил на него свирепый взгляд. Ризи болтал что-то о мошенниках и пиратской подделке трюка с ящиком. Гуниади, услышав эти ядовитые слова, быстро повернулся и крикнул: «При даме я тебе ничего не скажу, но проучу тебя, когда вернусь». Братья Гуниади предложили Ризи 100 долларов, если он разгадает тайну их ящика. Смелость Ризи под стать его сомнению, и в тот же вечер на одной стороне сцены появилась вывеска: «Следующий номер: Ризи садится в ящик».

Как писал репортер, театр был набит газетчиками и местными политиками, которые знали о ждущем их развлечении. Ризи поместили в шелковый мешок, а потом — в ящик. Через пять минут он уже взывал о помощи. Его освободили, но куда ему было деться от поднявшей его на смех публики? Газетная заметка, написанная в ироничном ключе, заканчивалась уничтожающим резюме: «Ризи попал впросак».

Нетрудно догадаться, что произошло на сцене: хвастун, подвизавшийся на какой-то черной работе в театре, но мнящий себя артистом, был побит — возможно, Гудини, а более вероятно, театральным им-

пресарио — за попытку выбраться из ящика. Еще более вероятно, что Ризи был платной подсадной уткой в зале во время тщательно подготовленного трюка, или просто ветераном цирка, готовым на все за кружку пива.

Непонятно, почему Гудини вырезал и сохранил эту заметку. Разве что она имела для него какое-то особое значение. Годы спустя, Дэш, известный тогда под именем Харден, говорил Сиду Раднеру, что его брат не распространялся насчет этой забавной истории в театре Вакка, потому что начинал тогда ухаживать за Бесс, которая была одной из сестер Флорал. Очевидно, Дэш заглянул к обеим сестрам и договорился встретиться с ними на пляже. Гарри пошел четвертым, и так Беатрис Рэймондс, урожденная Вильгельмина Ранер, встретила Гарри Гудини, урожденного Эрика Вейсса. В этой истории есть, видимо, большая доля правды.

Другое свидетельство, подтверждающее рассказ Дэша — заметка на следующей странице альбома. Вырезка из нью-йоркского еженедельника «Клаппер» из раздела о театральных новостях от 28 июля 1894 года: «Братьев Гудини», в течение многих лет озадачивавших мир своим фокусом с волшебным ящиком, больше нет, и теперь группа называется просто «Гудини». Новый партнер — мисс Бесси Рэймондс, маленькая субретка, которая вышла замуж за господина Гарри Гудини 22 июля в присутствии преподобного Дж. С. Льюиса из Бруклина. Гарри выкупил долю своего брата в деле и теперь номер будет исполняться мисс Бесси Рэймондс».

Нет почти никаких сомнений, что Гудини справляли свадьбу, по крайней мере, два раза: один раз это была гражданская церемония, и второй раз — в присутствии священника, поскольку Бесс исповедовала католичество. Вполне возможно, что была и третья церемония, в присутствии раввина, чтобы сделать приятное мамаше Вейсс.

Но как бы ни было правдиво изложение этих подробностей, совместная жизнь супругов продолжалась до самой смерти Гудини — тридцать два года.

Джерри Андерсон из Иллинойса, собиратель рассказов о Гудини, писал в официальном издании Международного братства фокусников «Линкинг Ринг», что Бесс рассказала следующую историю о том, как

она стала выступать в номере: «Через две недели после свадьбы Гарри выступал в театре. Последнее представление заканчивалось поздно вечером. До меня дошли слухи, что Гарри встречается с какой-то рыжей девицей, которая выступает в этом представлении вместе с ним. Тем вечером я дождалась на улице конца представления. И точно, Гарри вышел с рыжей девицей. Я вскипела и набросилась на нее с кулаками. Гарри пришлось оттаскивать меня. В конце концов он заставил меня выслушать его и объяснил, что поскольку это «грязный» район, он просто согласился проводить девушку домой. Я успокоилась окончательно после того, как пошла с ними и убедилась, что она действительно живет в нескольких кварталах от театра и, как и сказал Гарри, район действительно был беспокойный. Девушка пригласила нас обоих зайти немного перекусить, и все кончилось благополучно. Но с тех пор я решила работать вместе с ним. В любом случае я помещалась в ящике лучше, чем Дэш, поскольку была в два раза меньше».

Молодожены Гудини не могли иметь собственного дома. Часто они жили в комнатухах над театрами, в которых выступали. Плата за жилье вычиталась из их заработка. В других случаях они приезжали к маме Вейсс.

Бесс Гудини утверждала, что госпожа Вейсс относилась к ней как мать. Возможно, Бесс очень не хватало родительской любви. После того, как умер ее отец, иммигрант из Германии, ее мать вышла замуж за сына раввина и стала для Бесс чужой. Но есть свидетельства тому, что госпожа Вейсс и ее невестка испытывали друг к другу несколько иные чувства. Видимо, правда лежит где-то посередине. Так или иначе, она уживалась в большой семье. У нее самой было девять сестер и брат. Возможно, это облегчило ей жизнь в квартире Вейссов.

Гарри, судя по всему, скопил какие-то деньги или же сумел быстро договориться с типографией. Скоро его выступления в паре с женой уже сопровождались рекламными листками с иллюстрациями, показывающими, как делается трюк с ящиком: «Гудини представляют свою чудесную тайну. МЕТАМОРФОЗА. Смена в три секунды. Величайший новый трюк в мире! Все принадлежности, используемые в этом номере обследуются представителями публики. Руки гос-

подиана Гудини связывают на спине. Его накрепко затягивают в мешок и концы шнуров опломбируются. Затем его кладут в большой ящик, который запирают и обматывают канатом, после чего ящик закатывают в шкаф и госпожа Гудини закрывает занавес, трижды хлопая в ладоши. При последнем хлопке ее рук занавес открывает господин Гудини, а госпожа Гудини исчезает. Когда ящик открывают, она оказывается в мешке на месте мужа. Пломбы целы, и ее руки связаны точно также, как руки господина Гудини, когда тот сидел в мешке. Только задумайтесь над этим: чтобы поменяться местами, нужно ВСЕГО ТРИ СЕКУНДЫ! Мы предлагаем всем желающим поставить номер более таинственный, молниеносный и ловкий. Искренне ваши ГУДИНИ». За это чудо таинства, быстроту и ловкость они получали двадцать долларов в неделю, давая иногда по двадцать представлений.

Номер нелегко было продать, и Бесс считала, что виновата в этом она. Ее фигурка была слишком миниатюрной и не считалась привлекательной в эту эру тучных красоток. Художник, делавший их афиши, рисовал ее в туго облегающем платье. Он увеличивал объем бедер и груди, которых молодая супруга на самом деле не имела. Но она по-прежнему чувствовала себя виноватой во всех сложностях, с которыми была связана продажа номера. Впрочем, худосочность Бесс не очень мешала кассовым сборам. Слова «маленькая субретка» на афишах даже помогали привлечь к номеру внимание.

В немногочисленных воспоминаниях о Гудини упоминается о данном ему совете, который повлиял на его карьеру. Менеджер шоу Кони-Айленда (рассказывают, что это был знаменитый Сэм Гампертц, который играл главную роль в двух легендах о Гудини) однажды отозвал молодого фокусника в сторону и сказал приблизительно следующее:

— Гарри, почему ты говоришь: «Леди и джентльмены, как видите, в руках у меня ничего ниет!»?

— Потому, что ничего и ниет. А что особенного в том, что я так говорю?

— Ничего. Кроме того, что это грамматически неправильно — говорить «ниет».

Очевидно, в основу этой истории положен действительный факт. Согласно достоверным данным, Гудини никогда больше это выражение не употреблял. Его

речь никогда не была гладкой, поскольку его родители не говорили дома по-английски; он научился только языку улицы. Но больше он никогда не говорил «ни-ет». Он всегда стремился достигать совершенства во всем.

Гудини спал ночью не более пяти часов. Просыпаясь, он тут же выскакивал из кровати, готовый к борьбе с любой проблемой, которую мог принести новый день. Обычно первой проблемой был завтрак, который, зачастую, исчерпывался чашечкой кофе из «кормового» фургона. Бесс просыпалась чуть позже, когда Гарри уже бежал на ближайший рынок. Чтобы поддерживать форму, он обычно бегал трусцой, а не ходил обычным шагом. Дневной рацион семьи зависел от того, сколько денег он имел в кармане.

В лучшие времена это было тушеное мясо. В пост — хлеб с сыром. В меблированных комнатах или в холодной артистической уборной, где гуляют сквозняки, Бесс могла сделать кофе и сварить что-нибудь на керосинке (если было, что сварить). Годы спустя, когда они могли позволить себе зайти в «Дел-монико» или «Джек», Гудини все равно любил легкие закуски, которые Бесс готовила на их «артистической походной кухне».

В тот период Гарри время от времени подумывал о том, чтобы использовать наручник как дополнение к своему номеру. Старый ящик уже был заменен настоящим сундуком, который мог выполнять сразу две функции — во время переездов в нем возили одежду, реквизиты и рекламные афиши. Постепенно, хотя для этого приходилось экономить на продуктах и других необходимых вещах, Гудини скопил достаточно денег для продолжения карьеры.

Он предлагал пари на сто долларов любому, кто был готов надеть на него наручники так, чтобы он не смог освободиться. Это всегда был риск. Только гораздо позднее он открыл практически верный метод, гарантирующий от проигрыша. Если зритель, принимающий вызов, пытался надеть на Гарри наручники неизвестной ему марки, то он просил такого зрителя предъявить ему сначала «для порядка» сто долларов. Теперь бросать вызов Гудини стало рискованным.

Никто не хотел биться об заклад на сотню за то, что маленький Гений Освобождения не сумеет выбраться откуда бы там ни было.

Выступления в концертных залах, с привлечением зрителей расклеенными афишами, позволяли платить только за жилье и питание. Чтобы купить билеты на поезд, требовалось проявить изобретательство и нахальство. Кроме того, без везения тоже было не обойтись. Так продолжалось до тех пор, пока не настал тот день, который изменил всю их жизнь.

Гудини выступали на крайнем Юге в самом заштатном балагане самого заштатного городишки, когда пришла телеграмма, от которой Гудини возликовал, а Бесс пришла в неопиcуемый восторг. Телеграмма была от агента в Нью-Йорке. Им было обещено выступление в открытом театре Тони Пастора на 14-й улице!

Они не могли отметить это событие ни шампанским, ни даже пивом. Театральному импресарио пришлось одолжить им денег, чтобы они могли оплатить проезд до Манхэттена. Но они отправились туда с ощущением близкой доброй перемены. Новый 1895 год сулил много хорошего и значительного.

5.

Аншлаг

Театр Тони Пастора давал три представления ежедневно. Первое начиналось в 10.30 утра. Первое отделение обычно бывало «мертвым» — не собирало почти никакой публики. В нем выступали акробаты, жонглеры и фокусники. Сюда же включили и номер Гудини. Настоящие знатоки цирка обычно или пропускали его вовсе или потихоньку стягивались в театр по ходу действия. Но Гудини было плевать на то, что его имя напечатано в афише самым мелким шрифтом и выступает он первым. Главное — его фамилия значится на афише Пастора. И это Нью-Йорк. Значит, он стоит на первой ступеньке высочайшей лестницы.

Гарри и Бесс выступали так, будто перед ними был не пустой зал, а восторженная зрительская аудитория. В воображении Гарри театр был забит до отказа; он видел, что даже задние стоячие места ломаются от зрителей. И он был Гудини — величайший фокусник в мире. Ну и что, если мир пока еще этого

не знает? Скоро узнает. Когда горстка зрителей хорошо принимала трюк, Гудини улыбался, как великий триумфатор.

Годы спустя, Бесс вспоминала, что другие артисты, выступающие в первом акте, даже не знали, кто такие Гудини и что они делают, пока одна из доброжелательных участниц труппы не заметила случайно Бесс. Мэгги Клайн, которая исполняла в первом акте главный номер, втащила маленькую девушку в свою артистическую за несколько минут до выхода Гудини на сцену и спросила: «Господи, детка, кто же тебя так загримировал?»

Бесс призналась, что гримируется сама. Мэгги в ужасе запричитала и принялась щедро накладывать на лицо Бесс крем, а затем загримировала ее как положено. Увидев Бесс, Гарри почти забыл про свой номер. Окрыленный красотой своей жены, он смог заразить переполнявшими его чувствами и публику.

Правда и то, что его костюм знавал много лучшие времена, хотя, быть может, некогда принадлежал какому-нибудь официанту. Колода карт, которую Гарри вытягивал в ленту на руке, а затем подбрасывал и ловил (только одна или две карты падали на пол), уже давно утратила всякий глянец. Шелковые платки, которые он заставлял исчезать, а затем триумфально извлекал из кармана в виде связки (платки, кстати, были взяты взаймы) давным-давно нуждались в утюжке. Но на том вечере ничего не имело значения: он воспламенил аудиторию, которая наслаждалась трюками; ей передалось его настроение. Он был наверху блаженства и упивался своей работой.

И, конечно, чувства аудитории передались Гарри. Время от времени он слышал аплодисменты. Закончив номер с ящиком, он показал другую необыкновенную сцену, которую исполнил быстро и непонятно как. Этот трюк отлично вписался во всю показанную Гудини программу. Взволнованный триумфом, он взял Бесс за руку, они поклонились... И последнее, что запомнила публика, была улыбка факира.

Заинтересовавшись своей новой протеей, Мэгги Клайн решила посмотреть их номер из-за кулис. Более того, она зазвала великого Тони Пастора смотреть номер вместе с ней. Когда Гудини завершили свое выступление, Пастор неплохо отозвался о них.

На следующий день он перевел их в четвертое действие.

Гарри никогда не сомневался в своем высоком предназначении. Следующая неделя была посвящена самоутверждению и мечтам о будущем. Когда срок контракта истек, он попросил и получил рекомендательное письмо от Пастора, которым всегда очень гордился. Записка Пастора датировалась четвертым февраля 1895 года и гласила: «Номер Гудини, который он исполнял у меня, я нашел удовлетворительным и интересным».

Но это не произвело никакого впечатления на театральные агентов. Гудини вернулись в цирк Хабера. Гарри уверял Бесс, что это лишь на время. Большие цирки скоро сами будут гоняться за ними.

Вернувшись на старое место, Гудини не пал духом. Он дополнил свой репертуар новым номером — «Свистком Панча»¹. Это было устройство, имитирующее резкий гогочущий голос, произносящий: «Вот тебе! Вот тебе!» С этими словами Панч дубасил свою жену Джуди палкой.

Весной 1895 года Гудини ввязались в новое приключение. Они добрались до Ланкастера в штате Пенсильвания, где зимовал цирк братьев Уэлм, к которому они и присоединились, подписав выгодный контракт. Гудини должен был показывать фокусы с картами и с освобождением от наручников, а Бесс — петь и танцевать. Кроме того, когда цирк выступал на ярмарках, она «читала мысли», а Гарри делал номер с Панчем. И, конечно, вдвоем они исполняли трюк с ящиком. Кроме того, в их обязанности входило все, чего могла потребовать администрация. Все споры выносились на рассмотрение импресарио, который выступал в роли «арбитра». Такой кабале вполне могли бы позавидовать другие цирки.

Гудини приехали в Ланкастер глубокой темной ночью. Дул пронизывающий ветер и шел дождь. Кое-как они нашли цирковой фургон. Один из братьев Уэлш показал им их «апартаменты» — койку за занавеской. Артисты цирка Уэлшей жили в этом старом грузовом фургоне, который во время переездов превращался в пассажирский: вместо кроватей ставились дощатые скамейки.

¹ Персонаж балаганных комедий, известный у нас под именем «Петрушка».

Гудини получали двадцать пять долларов в неделю плюс «полный пансион».

«Могучая Кавалькада Братьев Уэлш и Гигантский Атракцион» — был не просто фургонным увеселением. Зверинца Уэлши не держали, зато могли похвастаться тем, что цирк передвигается по железной дороге. Гудини любил цветисто описывать этот цирк и свое положение в нем.

Цирк имел вывеску с изображением «Дикого человека», которая осталась с предыдущего сезона, когда среди артистов был некий мускулистый темнокожий парень, изображавший людоеда. Отсутствие его номера обычно проходило незамеченным. Но как-то во время вечернего выступления толпа местных начала буйно требовать «дикого», угрожая в противном случае «сорвать, к чертям, дешевое представление». Джон Уэлш потому и держался на плаву долгие годы, что быстро ориентировался в обстановке. Он крикнул Гудини: «Эй, парень! Ты, с копной волос! Гримируйся и залезай в этот ящик. У нас должен быть дикий человек».

Гарри сделал так, как требовали босс и контракт. Он придумал костюм: балахон из мешковины, черные круги вокруг глаз, красные полосы на щеках. Войдя во вкус, он покрыл подбородок ярко-синей краской. Его мычание и рык были настолько убедительными, что номер оставили в программе.

Окрыленный таким успехом, церемониймейстер придумал новый ловкий ход. Он описывал родину «Дикого человека» — влажные джунгли Борнео, и то, как это создание, пойманное там, не ело ничего, кроме сырого мяса, но позднее научилось глотать сигары. Зрители тут же поспешили проверить это утверждение. Гудини, будучи жонглером, искусно делал вид, что кладет сигары в рот. Он очень убедительно пережевывал их и глотал. Поскольку сам Гарри не курил, цирковая обслуга после представления с удовольствием делила сигары между собой.

В труппе были японские акробаты. Одного из них, Сама Китчи, Гудини взял обучать английскому языку. За это Сам уговорил одного из старых членов труппы научить Гарри некоторым фокусам, в том числе и так называемому «изрыганию». Старик был как это называлось у артистов, «глотателем». Он мог достать неизвестно откуда шарики из слоновой кости,

жонглировать ими, поймать один шарик ртом и вроде бы проглотить его. Когда он открывал рот, шарика там действительно не оказывалось. А потом он появлялся между губами гримасничающего фокусника. На самом деле, шарик не оставался во рту, но и не попадал в желудок: факир просто научился задерживать его в пищеводе, а потом «отрыгиванием» вновь поднимать вверх. Артисты, в совершенстве освоившие эту технику, могли проделывать такие трюки с лягушками, золотыми рыбками, часами, монетами и даже мышами.

Гудини никогда не пробовал проделывать это с лягушками или мышками, но трюк, как и всякий любопытный номер, заинтересовал его. Старик посоветовал Гарри тренироваться с маленькой картофелиной, привязанной к нитке. Ведь если картофелина проваливалась в желудок, она попросту переваривалась там.

Гудини с удовольствием брал эти необыкновенные уроки. Но, несмотря на все перипетии его бродячей жизни, в душе он оставался самым обычным земным человеком. Поэтому одно происшествие, случившееся во время турне «Братьев Уэлш», мучило его до конца жизни.

Гарри провел ночь в тюрьме!

6.

Полоса неудач

В течение многих лет Гудини тщательно скрывал этот факт. Позднее он придумал, как обратить его к своей выгоде, и обнародовал (правда, совсем в другой интерпретации), чем еще больше укрепил легенду о себе. Иными словами, он превратил свой позор в триумф!

Цирк двигался на север, давая обычно одно вечернее представление. В маленьком городке в штате Род-Айленд, недалеко от Провиденс, «Братья Уэлш», открыли цирк в воскресенье. Но по закону этого штата воскресные представления там все еще были запрещены, и шериф уперся как бык. Он засадил весь персонал цирка за решетку, и там они и оставались, пока

на другой день Джон Уэлш не приехал из Нью-Йорка и не вызволил трупку.

То, что он не совершил ничего предосудительного или бесчестного, не имело для Гарри никакого значения. Сын раввина Вейсса провел ночь в тюрьме! Он был уверен, что если его мать когда-нибудь узнает об этом, она умрет от сердечного приступа. Как и многие любящие чувствительные люди, Гудини недооценивал силу воли матерей.

То, как он потом рассказывал эту историю, дает нам возможность заглянуть в его душу. Гудини превратил ее в подвиг, в одно из приключений юных дней. Талантливо создавая легенду о собственном гении, Гарри добавил к истории драматичную концовку после того, как тюремщик запер всех в кутузку. Он одолжил у Бесс заколку, и за несколько секунд открыл замок и выпустил задержанных артистов на свободу.

Опыт, приобретенный в цирке, сослужил ему добрую службу. Не научившись «подавать» свой трюк с наручниками, Гарри использовал этот опыт для придания пикантности трюку с ящиком. Вместо того чтобы использовать куски веревки, он стал заковычивать заложенные за спину руки в цепи. Освобождаясь, он неожиданно появлялся рядом с ящиком. Затем он развязывал, расстегивал и открывал сам ящик и растягивал мешок, в котором сидела Бесс с наручниками на запястьях.

Потом Гарри с присущим упорством начал изучать наручники. В ламбардах наручники лежали рядом с полицейскими дубинками, револьверами и биноклями. Судя по всему, их было несколько видов. Он покупал две-три штуки разных моделей. Но даже когда на его запястьях защелкивали сразу три пары наручников, и он освобождался (естественно, руки его были закрыты «волшебным» покрывалом), это не вызвало особого восторга. Многие зрители догадывались, что он использовал копии ключей.

Заработок циркача составлял двадцать пять долларов. Двенадцать из них Гудини отсылал мамаше Вейсс. Обедали они на цирковой походной кухне, спали на раскладушке в фургоне, который хотя бы защищал от дождя. Они копили деньги.

С наступлением осени цирк вернулся на зимние квартиры, вновь оставив Гудини без средств к существо-

вованию. На этот раз, однако, Гарри использовал неожиданно появившийся шанс. Его двоюродный брат Генри Ньюмэн взял под опеку разорившуюся труппу под ничего не говорящим названием «Амэрикэн Гэйти Герлз». Гарри вложил в предприятие скопленные деньги, чтобы помочь поправить более чем плачевные финансовые дела.

Вместе с Гудини команда насчитывала шестнадцать человек: восемь женщин, шесть мужчин и двое детей. Платья хористок в те дни отличались пышностью, но все равно уместались в один сундук, не то что сейчас. И это давало некоторые преимущества, поскольку перевозка багажа тогда стоила недешево.

Программа, которая возникла под руководством Гарри, часто получала признание редакторов газет маленьких городов как «нехитрое, здоровое семейное развлечение». Но надо честно признать, что двоюродный брат Генри, посещая местных издателей, щедро оделял их сигарами и контрамарками.

Поборов сомнения, Гарри оставил в программе один номер, который был частью всех фривольных представлений девяностых годов. Публика требовала, чтобы на подмостках обязательно шла драка между здоровенной комендантшей и клоуном. Но хотя этот номер и был оставлен, Гарри несколько облагородил его.

Так «Гэйти Герлз» и тащились со скрипом от одного представления к другому. После вступления в труппу Гудини никакого чуда не произошло. Народ не спешил сбегаться, чтобы послушать смешные куплеты Бесс, которые она исполняла с большим бантом на голове, тонким девичьим голоском и без всякого жеманства. Никто не рвался смотреть трюки Гарри с картами, наручниками и ящиком.

Однако гастроли с «Братями Уэлш» дали Гарри нечто большее, чем просто средства, чтобы стать совладельцем «безнадежной» труппы. Он приобрел опыт, который теперь помогал ему хотя бы удерживать собственное шоу на плаву. Он следил за разгрузкой багажа, за тем, чтобы зал был подметен и убран и чтобы два «банана» — клоуны — не слишком напивались и могли стоять на сцене. Он также присматривал и за мистером Харви, импресарио, который отвечал за продажу билетов. (В те времена, до создания профсоюза артистов, отличительной чертой импресарио

бродячих артистов была исключительно слабая воля.) Но что важнее всего, теперь он стал постигать новый вид искусства — искусство общения с прессой.

Статью в газете города Холиока, штат Массачусетс, от 5 декабря 1895 года обычно считают первым прорывом Гудини в прессу. Это, однако, не совсем так. В альбоме Гудини есть и более ранние вырезки. Спрингфилдская «Репабλικан» и холиокская «Дейли Демократ» опубликовали статьи (соответственно 29 ноября и 2 декабря) о молодом человеке, выступающем в «Гэйти Компани», который посетил местный полицейский участок, предложил надеть на него наручники и через несколько минут гордо вышел из соседней комнаты уже без них.

Гарри изучал способы привлечь внимание прессы, которые он позднее доведет до совершенства. Он понимал, что газетного репортера редко можно уговорить написать статью, но импресарию или любой, кто тратит деньги на рекламу в прессе, может пробить в газете заметку наподобие той, в которой говорилось о случае в полицейском участке.

Некоторых редакторов вообще не интересовали публикации о представлениях. Другие гонялись за чем-то новеньким. Заголовки статей свидетельствовали о некоторых успехах в этом деле: «Представление в полицейском участке» — уорчестерская «Дэйли Стар»; «Ускользнувший от всех» — фолл-риверская «Дейли Глоб»; «Гудини удивляет полицию» — паттерсонская «Гардиан».

Но все же Гудини был напрочь лишен изобретательности. Шоу в конце концов умерло, и произошло это в Вунсовете 14 апреля 1896 года. «Ивнин Колл» сообщила о трагедии: «ИМПРЕСАРИО АРЕСТОВАН. У Компани «Гэйти Герлз» большие неприятности».

Харви, судя по всему, был обвинен в утаивании доходов и сокрытии активов. Это действительно были неприятности. С «Гэйти Герлз» было покончено.

Но не с Гудини. С неукротимым оптимизмом человека, стоявшего перед выбором Наполеона, следовать ли за своей звездой, двадцатилетний фокусник отказался признать поражение. Среди людей, работающих в шоу-бизнесе, бытует поговорка: «Каждый провал чуть-чуть приближает вас к успеху, до которого рукой подать». Для Гарри это было чем-то вроде кредо, непогрешимого догмата.

И удача вроде бы улыбнулась ему, когда они с Бесс встретили Джеймса Дули, добродушного церковного органиста, который незадолго до того стал профессиональным фокусником. Будучи в течение многих лет фокусником-любителем, Дули вложил свои сбережения в программу, связанную исключительно с «волшебством». У него хватило, однако, ума набрать себе в помощь профессионалов. Он подписал контракт на турне с Гарри и Бесс.

В качестве псевдонима Дули выбрал имя «Марко». В имени было что-то экзотическое, однако, как оказалось впоследствии, Дули ошибся в своем выборе.

Компания открыла сезон в Новой Шотландии, и дела сразу пошли из рук вон плохо. Лишь немногим зрителям нравился Марко. Их интерес несколько возрос, когда Марко стал шумно представлять свою компанию следующим образом: «Леди и джентльмены, — говорил Марко, — в этом своем последнем турне я решил не перетруждаться и теперь представляю вам мою дочь (Бесс, конечно) и ее мужа Гудини, который в качестве моего преемника покажет мой знаменитый трюк с наручниками!»

К счастью, представление пользовалось некоторым успехом, однако было заметно, что дела идут все хуже. В конце концов Гарри и Бесс поняли, почему. В предыдущем сезоне еще один артист, использовавший имя Марко, уже «прогулялся по территории». Он громко рекламировал себя, но выступал ужасно. Новая Шотландия не хотела больше никаких «Марко». Деньги, ушедшие на рекламные афиши и объявления в городах во время турне, затрачивались на пустые залы.

За утро у Гарри это был уже второй прокол, и он понимал: надо что-то делать. Неудачи способствовали росту его таланта в области рекламы. Он придумал трюк. Его привяжут к лошади, как будто он бандит с Дикого Запада, которого привозит в город шериф. Его руки будут связаны за спиной, а ноги — под брюхом лошади. И он выпутается из безнадежной и потенциально опасной ситуации!

Чтобы обеспечить хорошую рекламу, он пригласил владельца местной газеты стать свидетелем великого трюка. Но в организационной суете Гарри забыл первое правило искусства высвобождения: прежде, чем исполнить трюк, отрепетируй его без свидетелей.

Верно, что на конюшне он потребовал самую спокойную лошадь. Но то ли хозяин конюшни любил пошутить, то ли у него была плохая память. Гарри получил заурядную клячу, которая, едва ее отпустили, начала брыкаться. Поскольку Гарри был крепко привязан, лошадь не могла сбросить его. Можно было опасаться самого страшного: устав бить копытами, лошадь могла начать кататься по земле. Гари знал, что лошади так делают. Знали, наверное, и зрители.

Никогда еще на спине этого животного не привязывали человека. Оно предпринимало все усилия, чтобы сбросить его. И вот Гарри «докатался». Когда лошадь начала уставать и понимать, что ей не удастся избавиться от упрямого седока, Гудини смог сосредоточить все усилия на борьбе с веревками. Но он был уже в нескольких милях от города, на пустынной дороге, где не нашлось ни газетчиков, ни зрителей.

В альбоме Гудини не упоминается об этом унижительном, опасном и смешном эпизоде. Гудини всегда был слишком тщеславен, чтобы собирать вырезки, в которых сообщалось о его конфузах. Но местная газета, наверное, от души потешалась над ним, и Гарри, должно быть, предпочел бы, чтобы ему крепко намяли бока в драке. Никогда в жизни не сносил он насмешек и даже дружеских подтруниваний.

Мистер Джон «Марко» Дули к тому времени утратил почти все свое воодушевление и был готов забросить увеселительный бизнес. С щедрым ирландским размахом он подарил имя Марко и все шоу в целом — занавесы, реквизит и афиши — своему «духовному сыну» и вернулся в Хартфорд, штат Коннектикут, к своему органу.

Начав в Галифаксе, Гарри и Бесс поехали с выступлениями куда глаза глядят. Замерзшие, они въезжали в города и расклеивали афиши, договаривались с местными воротилами о благотворительности и распространении билетов под процент. Часто аренда помещения было под вопросом. За исключением представлений, когда приходилось пускать шляпу по кругу, аренда представляла для Гарри и Бесс самую большую сложность.

В Сент-Джоне Гудини познакомился с доктором Стивзом, директором большой психиатрической больницы. Доктор пригласил молодого мага посетить его заведение.

Гудини всегда привлекали тюрьмы и другие места лишения свободы, и в этот раз ему удалось посетить тот уголок заведения, который мало кто видел из «экскурсантов» — так называемые «закрытые палаты». Здесь, в обитой войлоком комнате, беспомощно катался по полу пациент, на котором было непонятное одеяние из ткани и кожи. Руки его были скрещены, стянуты толстым ремнем и завязаны на спине.

Очень мало людей обращают внимание на смирительную рубашку, называемую в больницах «камзол». Гарри заметил, что устройство смирительной рубашки похоже на хорошо известные ему веревочные путы, с помощью которых спириты часто имитировали паралич, не дающий им исполнить бурный танец духов. Такие путы крепко стягивают запястья, руки скрещены на груди и концы ремней связаны за спиной. Такой способ, по идее, должен полностью обездвижить человека, но это не совсем так. Энергично извиваясь всем телом, можно поднять веревку над одним плечом, а затем над головой. Запястья по-прежнему связаны, но теперь веревка достаточно длинна, чтобы можно было действовать руками. Такой узел перед проверкой можно быстро восстановить в первоначальном виде.

Гудини задумался: сумеет ли он, будучи закутанным в смирительную рубашку, поднять руки над головой и расстегнуть пряжки, расположенные над манжетами, даже если их придется расстегивать через ткань. С типичным для него упорством он погрузился в обдумывание способа освобождения из смирительной рубашки. Возможно, доктор Стивз, пораженный изобретательностью Гарри и его настойчивостью, подарил ему старую смирительную рубашку.

Эксперименты продолжались. В ходе тяжелого, монотонного турне Гарри каждое утро, обычно с самого рассвета, боролся с завязками и тканью одеяния, устроенного так хитроумно, что его название стало синонимом беспомощности.

Умозаключения Гарри оказались правильными: выбраться из смирительной рубашки можно. Бесконечные утренние упражнения доказали это и подтвердили его раннюю гипотезу. Он понял, что, когда за спиной стягиваются узлы, нужно попытаться оставить себе хотя бы мизерный простор для движения. Тогда, напрягшись, можно постепенно поднять завязки рука-

вов через голову. Задачу эту вполне можно облегчить, зацепив завязки за нечто вроде крюка. (Гарри проверил этот метод, используя жесткую вертикальную металлическую скобу, которая оказалась под рукой во время его утренних тренировок — набалдашник спинки кровати.) Догадка, что пряжки можно расстегнуть через ткань, имея достаточно сильные пальцы, тоже оказалась верной. Для достижения успеха необходимо давление и тянущее усилие, и чем плотнее ткань, тем больше.

Опыты со смирительной рубашкой помогли Гарри усвоить другой основной принцип подготовки номера: всегда будь начеку, когда выходит доброволец из зрителей. Ибо, приложив чрезмерное усилие от прилива энтузиазма (либо от большой сообразительности или просто случайно), он может испортить все дело. Например, добровольцы, которые упаковывают тебя в рубашку, всегда могут сделать освобождение невозможным, если расчетливым, ловким или случайным движением пропустят один ремешок под другим, который застегивает смирительную рубашку на спине.

Несомненно, эксперименты со смирительной рубашкой помогли Гудини более-менее сносно прожить в Новой Шотландии и Нью-Браунсвике. Увлеченность Гарри новым трюком, его упорство и уверенность, очевидно, помогли Бесс пережить дни, которые становились все более серыми.

Как раз на сером пасмурном закате цирка Марко Гарри впервые попробовал выбраться из смирительной рубашки на публике. Но он не только не «зажег» Сент-Лоуренс, но даже не услышал аплодисментов. Он выбрался из мешка за занавесом, и публика наверняка решила, что кто-то пробрался туда и развязал его. На какое-то время он забросил смирительную рубашку, правда, ненадолго, и начал обдумывать другой трюк, который должен был помочь преодолеть безразличие к имени Марко.

Вновь Гудини использовал инвентарь из психиатрической больницы — так называемую «бешеную детскую кроватку». Она представляла собой железную койку с кольцами, припаянными к раме. На ней буйные пациенты пребывали без движения, привязанные ремнями за колени, запястья и талию. Освобождение из такого плена наверняка выглядело бы эффектно. Но это означало бы, что нужно таскать с собой жест-

кую стальную койку. Единственной альтернативой была складная койка, приблизительно такая, которую в гостиницах предоставляют детям. Но тогда номер значительно проигрывал в зрелищности. «Бешеная кровать», как и смиренная рубашка, была на время забыта. Такого рода освобождения не годились для быстрого зажигательного номера, который показывался в пивных, последнем прибежище Гарри в отчаянно трудные времена, которые, судя по всему, вот-вот должны были настать. Гарри вернулся к картам и наручникам, завершая программу номером с Бесс и дорожным сундуком. Шоу Марко продолжало умирать.

Вскоре Гудини вынуждены были продать занавесы и реквизит, чтобы выручить деньги для продолжения турне. В труппе остались только Гарри и Бесс. Джек Кирни, который присоединился к труппе в качестве импресарио, бутафора, плотника, помощника Марко и мальчика на побегушках, оставался в шоу до последнего. А конец наступил в тот вечер, когда наличность составила десять долларов, восемь из которых ушло на аренду старой церкви и еще два — на подвоз багажа. Трое артистов остались без гроша. Им приходилось спать в фойе, укрывая Бесс своим пальто.

Это был кошмар. Большинство людей, ведущих оседлый образ жизни, должны согласиться, что оказаться вдали от дома, без денег, без друзей и с пустым желудком, — едва ли не худшее, что может случиться с человеком. Гудини хлебнули и этого горя. Но теперь, вдобавок ко всему, наступили холода. Вскоре супругам предстояло сесть на пароход, отходящий в Бостон, но их не волновало, сумеют ли они оплатить проезд: речь уже шла об элементарном выживании.

И тут удача вновь улыбнулась бродячим артистам. Капитан оказался понимающим и добрым малым. Он согласился взять на борт Бесс и Гарри при условии, что в дороге они будут развлекать пассажиров. Но когда настало время представления — оплаты проезда, — Гарри лежал, парализованный морской болезнью. В заливе Фанды была ужасная качка!

Представление не состоялось. Пассажиры пустили по кругу шляпу, и Бесс наконец смогла что-то съесть. Но Гудини еда не интересовала. Он лежал на палубе, весь зеленый, и между приступами тошноты думал о смиренных рубашках и «бешеных кроватях». Пу-

тешество было вдвойне ценно. Оно позволило несколько иначе взглянуть на представления под открытым небом. Кроме того, Гарри получил возможность увидеть, что ограничение личной свободы существует не только в форме вызова мастерству чародея, а является неотъемлемым атрибутом нашей повседневной жизни.

7.

Бывают же провалы!

Опыт, приобретенный в Новой Шотландии, был полезным, но угнетал Гарри все время, пока он и Бесс двигались на юг от Бостона. Это была длинная дорога домой. В Нью-Йорке мамаша Вейсс суетилась вокруг своего заблудшего сына, непрерывно повторяя, как он отощал и как исхудала Бесс. Как и всякая добрая старомодная еврейская мать, госпожа Вейсс рассудила, что «добрая тарелка куриного супа» — лучшее лекарство от всех болезней, телесных и духовных, умственных и даже финансовых.

Она неоднократно намекала на то, что работа слесаря хороша и безопасна. Но у ее Эрика были другие идеи. Да, он намерен заняться делом, и уже выбрал, каким.

Он договорился с одним из нью-йоркских агентств о приобретении аппаратов для фокусов, которые предлагал чикагский торговец Огаст Ротерберг. Одновременно Гарри объявил (использовав свое любимое средство — рекламный листок), что профессор Гудини готов принять нескольких студентов для обучения искусству волшебства. На этом он не остановился. В каталоге трюков и оборудования для фокусов, который он выпустил, он также приглашал в ученики любого, кто хотел заняться спиритизмом. «Обучаю полному курсу спиритизма, грифельному письму и ловкости рук. Консультирую по почте» — заявил он.

На другой странице он предлагал: «Спиритическим медиумам — уроки по завязыванию узлов, фантасмагории и т. д. Обучение медиумов лично или по почте... Условия по обращении». Предлагались вещи на любой вкус: «Как читать закрытые обложкой бу-

маги в темных комнатах — 50 центов». «Замок спиритов, полностью в сборе — 2 доллара, секрет — 50 центов». «Как заставить играть аккордеон, который завязан и опечатан, секрет — 50 центов». «Как материализовать спиритические формы, формы как бы возникают из сплошного пола. Секрет — 50 центов».

Для случайного читателя каталога, верившего в ясновидение, он добавил следующий интересный обзац: «Я обучаю скурометрике и чтению при помощи ясновидения, которые расскажут вам о вашем прошлом, настоящем и будущем. Я расскажу вам ваши сокровенные секреты. Успех гарантируется! И я не задаю никаких вопросов! Могу обучить любого. Условия — умеренные».

Все эти предложения, какими бы искренними ни были, не могли быть осуществлены. Основная часть каталога была посвящена непосредственно рекламе фокусов. Трюк с иголками, которому «научил меня индус на Всемирной выставке 1893 года», оценивался в 5 долларов.

Профессор Гудини, обещала другая реклама, научит любого «Великой Метаморфозе подмены, своему оригинальному трюку». Эту фразу можно понимать двояко. Без сомнения, это был номер, который первым исполнил Гудини. Но вот изобрел ли он фокус? Это — другой вопрос. Никто из изучающих историю фокусов ни на йоту не сомневается в том, что автором был не он. Цена в каталоге не указывалась. Однако профессор объявил: «В стоимость входят право показа, чертежи, исчерпывающие инструкции, пояснения, введение и все секреты ящика, мешка, пальто, шнурка, а также методика быстрой работы. Некоторые пытаются имитировать нас, но безуспешно».

Предложение купить «право на демонстрацию» чужого фокуса — это то, что евреи называют *hudspeh*. Слова «бесстыдство», «нахальство» и «наглость» — лишь бледные синонимы слова *hudspeh*. «Человек, который убивает своих родителей и затем взывает к состраданию суда на том основании, что он — ребенок, это *hudspeh*», — говорят иудеи.

Гудини, кажется, предлагал фокусы, украденные у полудюжины артистов. Мальчишка, росший на улице и торговавший газетами, несомненно, сохранил свой желчный и насмешливый нрав, превратившись в мужчину, который никогда не сомневался в своем высоком

предназначении и пробивался наверх. Но этим его характер не исчерпывался. Выло в нем еще нечто. И это нечто, будто семя, постепенно прорастало сквозь трудные годы работы в пивных. Со временем Гарри утратил ощущение реальности и стал вести себя, мягко говоря, эксцентрично.

Врожденная гордыня Люцифера и жажда славы, превратившаяся в одержимость, помогали Гудини воспринимать удары судьбы с оптимизмом, которому можно позавидовать. Он был просто убежден в своем величии. Правда, он еще не до конца понял, в чем же оно состоит.

В каталоге фокусов Гарри предложил «Панч и Джули шоу», снабженное чертежами и указаниями по исполнению «свистка Панча», за 10 долларов. Кроме того, он предлагал купить свой трюк по освобождению от обычных наручников и колодок.

Однако наплыва заказов не последовало. Спросом не пользовались ни секреты освобождения от наручников, ни указания, как стать спиритическим медиумом. Финансовое положение Гудини становилось все хуже.

В мире шоу-бизнеса есть поговорка: «Вы не банкрот до тех пор, пока хоть один из ваших друзей может занять деньги, чтобы одолжить их вам». Гудини, похоже, переступили эту черту. Гарри обошел все газетные редакции Нью-Йорка, предлагая секрет трюка с наручниками за двадцать долларов. Он столкнулся с безразличием, веселой терпимостью, подозрительностью. А денег не нашел. Заплатив гордыней, он купил себе унижение. Не слишком ли высока цена? Так или иначе, он принес все свои секреты обратно в квартиру на 69-й улице. Они оказались никому не нужны.

Если Гудини попадали в отчаянное положение, они всегда могли подработать недельку-другую в цирке Коля и Миддлтона в Чикаго. Импресарио цирка, Хеджес, был жестким человеком, но питал слабость к артистам, попавшим в беду. Кроме того, все знали, что он оплачивал проезд по железной дороге.

Гарри и Бесс вновь отправились в путь. После работы у Коля они подались на юг. В Сент-Луисе их цирковая карьера пережила едва ли не самый длительный застой. Все усугублялось приближением зимы. Было ужасно холодно. А их бесценный «волшеб-

ный сундук» изъяла транспортная инспекция за неплату 10 долларов за провоз багажа.

Бесс и Гарри наскребли полтора доллара, на которые сняли сроком на неделю маленькую спаленку. Нерешенной оставалась проблема питания. Комната не обогревалась, хотя в ней и стояла чугунная печка, и Гарри опасался, что в неотопливаемой комнате Бесс, которая никогда не отличалась крепким здоровьем, может заболеть воспалением легких. Он обратился в театр водевилей, и ему разрешили поселить Бесс на теплом балконе в зрительном зале. Такие услуги были в порядке вещей и оказывались бесплатно. Сам же Гарри занялся поисками работы, хлеба насущного и дров для печки.

Работы не было — пожалуй, никогда в истории Сент-Луиса его жители не проявляли такого безразличия к карточным фокусам и освобождению от пут (Гудини временно отказался от титула Короля наручников: наручники остались в конфискованном сундуке).

Тогда Гарри, безумно голодный и замерзавший на улицах чужого города, пошел на крайность. Молодой человек, которому было стыдно за ночь, проведенную в тюрьме, и который был послушным сыном ученого и учителя, стащил полдюжины картофеля. Он использовал свое умение отвлекать внимание и украл их у какого-то лавочника.

По пути домой, забрав Бесс из театра, он нашел на помойке большой упаковочный ящик. С шестью украденными картофелинами и запасами бросового дерева для печи молодые люди вернулись в комнату, которую снимали, и заперлись в ней, отгородившись от темного холодного мира.

Через несколько минут древняя печка завывала, занялись доски упаковочного ящика. Бедняги испекли картофелины и стали ждать, пока благословенное тепло не распространится по всей комнате.

Когда Гарри разбивал ящик, писала позднее Бесс, у него возникла мысль, которую он позже воплотил в своем знаменитом трюке освобождения из упаковочного ящика. Эта мысль пришла к нему, когда он ломал доски ящика кулаками. Он задумчиво сказал: «Лучше бы они сколачивали ящик не такими длинными гвоздями».

Когда истек недельный срок аренды комнаты, Гу-

дини не пали духом. Утром Гарри, как обычно, проснулся полный уверенности в том, что наступил его великий день. Так и случилось. Он вернулся домой с вестью, что «Гудини» временно прекращают существование. Отныне есть «Ранер-Спарклинг Комеди Тим». Гарри удалось устроиться в «Ишер мьюзик-холл», заявив там, что они — клоуны!

Бесс знала, что жизнь с Гарри полна неожиданностей и потрясений. Она уже ко всему привыкла, поэтому у нее возникли только сомнения относительно ее гардероба. Но Гарри развеял и их.

«Ты прицепишь на голову бант и выйдешь в ночной сорочке, подвернув ее таким образом, чтобы получилось детское платьице. А я оденусь «под карту» — заявил он. У них не было выбора: приличная одежда осталась в сундуке вместе с наручниками.

Сложнее всего было с деньгами. Другие артисты эстрады, если им внезапно нужен был новый текст, могли истратить доллар на экземпляр мэдисонского «Баджета», ежегодника, в котором печатались шутки, скетчи, драматические и комические рассказы, остро- ты и вообще всякая всячина. Гудини были настолько разорены, что не могли потратить даже такую мизерную сумму. Гарри и тут нашел выход: он пошел в парикмахерскую, просмотрел старые юмористические журналы и наметил план представления.

Тирольские песнопения Бесс и неистовые усилия Гарри-клоуна дали неожиданный результат. Публике они понравились! Быть может, зрителям нравилось смотреть, как молодые люди из кожи вон лезут, чтобы рассмешить их. Так или иначе, Гарри и Бесс оставили в шоу, правда, на низкой зарплате. За вторую неделю они получили двадцать пять долларов вместо первоначально оговоренных тридцати. В последний день выступлений Гарри торжественно объявил, что он не клоун, а Гудини — Король карт и наручников. Импресарио холодно ответил: «Никогда о тебе не слышал. Что за номера ты делаешь?»

Гарри описал свою программу, изрядно привирая и приукрашивая ее. Но говорил он так убедительно, что ему предложили забрать свои «магические» принадлежности со склада и остаться в театре на третью неделю. Естественно, при условии, что он исполняет свои трюки ненамного хуже, чем живописует их. За эту третью неделю публика насмотрелась фокусов

вволю. Гудини оставили с повышением зарплаты до тридцати долларов. Маятник их судьбы вновь качнулся вверх.

Но затем удача изменила им. В Милуоки директор мюзик-холла обманул молодых людей, не заплатив ни цента. Тогда они опять послали сигнал бедствия Хеджесу и были на неделю приглашены в Чикаго. Чувствуя, что судьба вновь благосклонна к ним, Гарри поставил все оставшиеся деньги на кон в карточной игре и продулся. Теперь у него не осталось ничего, кроме непоколебимой уверенности (то спокойной, то временами неистовой) в свое величие и в то, что признание не за горами.

Но будущее готовило ему встречу с «Калифорния Консерт Компани», иллюзионном под руководством «доктора» Хилла. Хилл был видным бородатым мужчиной с длинной, до плеч, шевелюрой. Он любил поболтать о чудесных свойствах изобретенного им элексира и отличался пристрастием к виски. Его партнер, «доктор» Пратт, играл на маленьком переносном органе, называемом «мелодик». Это был престарелый джентльмен похожий на священника на покое. Парочка очень напоминала Короля и Герцога у Марка Твена. Воистину, природа копирует искусство!

В ходе представления Бесс исполнила несколько сентиментальных песенок, забавляя праздных оболтусов. Пратт сидел у шкафчика в конце фургона. В конце концов «доктор» Хилл принимался громогласно превозносить уникальные возможности своего целебного снадобья. Гудини ходил в толпе с бутылочками «элексира». Во время дневного представления рекламировался вечерний «большой концерт и драматическое зрелище», который состоится в местном общественном центре. Здесь Гудини уже не ходил среди публики. Во все же это было совсем не то, что у Тони Пастора.

Артисты, присоединявшиеся к труппе, чтобы прокормиться, с удовольствием ее покидали, как только подворачивалось что-нибудь получше. Опыт, приобретенный в «великой фармацевтической фантазмагории», был отнюдь не уникален. Китоны, Джо и Мюра тоже отбывали повинность. У них был резвый, хотя еще грудной сынишка, которого Гарри сразу прозвал Кутилой. Но даже работая на «Калифорния Консерт Компани», он внес свой вклад в историю цирка.

В биографии Гудини, написанной Гарольдом Келлоком, приводится история, рассказанная Бесс, которая свидетельствует о том, что турне с «Калифорния Консерт Компани» было таким же унылым. Даже у Гарри (когда у него, уже стоявшего на вершине, было время оглянуться назад) их похождения оставили приятные воспоминания. Но в то время мало что могло порадовать гордого молодого человека, торговавшего «эликсиром».

У предприятия Хилла и Пратта были свои взлеты и падения. После недельных выступлений в Галене и Канзас-Сити, жители которых проявили прямо-таки обескураживающее нежелание покупать эликсир «доктора» Хилла, добродушный «доктор» собрал компанию и объявил об изменении планов. Он сказал:

— Мои дорогие друзья — нет, больше чем друзья, ибо узы, которые связали нас под рукоплескания публики и выдержали все удары жестокой судьбы, стали крепче, чем кровное родство. Итак, насколько нам известно, все попытки принести культуру и здоровье в сельскохозяйственные районы нашей великой страны столкнулись в последние недели с полным непониманием со стороны населения. По сути дела...

Гарри прервал этот поток красноречия:

— Кончай болтать, док, что у тебя на уме?

— О да, мой милый юноша. Дело в том, что мы разорены, в долгах по самые уши, и нам надо уносить отсюда ноги. Гарри, ты должен нам помочь. В воскресенье мы дадим специальное представление. Не беспокойся, — он вновь принял театральную позу, — это будет представление для поднятия духа, полумистического толка. Рекламные афиши уже распечатаны. Вот, взгляните. «Необычайное знамение. Опера-Хаус, воскресенье, 9 января. Великий Гудини дает воскресным вечером спиритический сеанс при ярком освещении. Единственный сеанс на публике, когда либо данный Гудини в сельской местности. Плата повышенная. Гудини выступал на прошлой неделе в Опера-Хаус, демонстрируя освобождение от наручников, ножных кандалов, цепей и замков. Вы сами это видели. Применяв свои необычные способности, он, если это позволят условия, заставит стулья летать по воздуху, а музыкальные инструменты играть сладчайшую музыку. Вы увидите руки и лики духов, парящие над сценой — и все это — при ярком свете! Видных

предпринимателей города покорнейше просят войти в проверочную комиссию, дабы убедиться в достоверности результатов. «Калифорния Консерт Компани» не допустит обмана своих клиентов ни в коем случае... Вход — 10, 20 и 30 центов. Вечер волшебства!»

«Доктор», со своей клинообразной бородой и шелковистыми волосами, ниспадавшими на плечи, сейчас как никогда походил на изображение Иисуса Христа с учебной литографии для воскресной школы.

— Ты не огорчишь нас, Гарри?

Гудини насупил брови. У него была привычка хмуриться в моменты наивысшего сосредоточения.

— Положитесь на меня, — сказал он. — Мы зададим им жару.

8.

Призраки

После выступлений Минни Уильямс, тяжело топающие призраки которой оставили у Гудини смешанное чувство изумления и отвращения, Гарри прочно утвердился в убеждении, что он мог бы заткнуть за пояс любого медиума. Ему претила вульгарность шоу Минни, отсутствие в нем «хорошего театра». Гудини удивляло легкое простакство, оказывающих ей покровительство. Да, это был подходящий случай показать спиритам настоящую работу.

Он рассматривал свое новое предприятие просто как часть обычной работы. Он вспоминал самого крупного профессионального мага, которого когда-либо видел. Раби Вейсс взял с собой в Милуоки маленького Эрика, мальчик увидел там магическое шоу доктора Г. С. Линна, где среди прочих чудес были чтение мыслей и спиритические опыты.

Будучи профессионалом, Гудини понимал, что его коллеги не преминут вскочить в «поезд спиритизма», развивший большую скорость благодаря сестрам Фокке, братьям Давенпорт и Дэну Хоуму. На волне всеобщего увлечения оккультизмом многие хорошие иллюзионисты устраивали полусутольные пародийные сеансы, предоставляя зрителям самим решать, что они видели — то ли подлинные чудеса телепатии и спии-

тизма, то ли просто ловкие трюки. Граница между честным искусством иллюзиониста и оккультным шарлатанством довольно размыта, и многие иллюзионисты, движимые нуждой, пересекали ее. Другие вошли в сумеречные области оккультизма из чисто циничных соображений, так как 75 процентов зрителей в любой аудитории считают «чтение мыслей» подлинной телепатией и ясновидением, несмотря на все уверения иллюзиониста в том, что все делается исключительно земными средствами, и никакими сверхъестественными способностями он не обладает.

Благодаря рекламе Хилла, первый воскресный сеанс Гудини удался на славу. Были проданы даже билеты на стоячие места. Похоже, что еще до поднятия занавеса на первом спиритическом сеансе Гудини Бесс побывала в гардеробе и обшарила карманы гостей. Если гардероб примыкал к аудитории, то сообразительной девушке нетрудно было заметить, в какой части зала находится владелец того или иного пальто. Достаточно одного взгляда на письмо, счет, почтовую карточку, рецепт от врача в кармане пальто, и «медиум» получит все необходимое для сногшибательно го чтения мыслей.

Но гвоздем программы было ясновидение. Красно-речивый доктор Хилл свел близкое знакомство с двумя городскими жителями, старым сторожем самой большой городской церкви и неким дядюшкой Руфосом, ходячей энциклопедией слухов, как все его называли. Пятидолларовая банкнота каждому, и Гарри узнавал все, что хотел, об интимных тайнах некоторых горожан. Теперь он мог поразить кого угодно.

Несколько представлений позволили Гудини полностью овладеть положением. Шоу теперь держалось на Гарри и Бесс, и им, естественно, пора было начинать работать самостоятельно, так как публика приходила в основном на спиритические сеансы, ради которых и терпела другие номера программы.

Итак, Гудини стал сам себе хозяином. Он работал как одержимый, чтобы усовершенствовать свое мастерство. Но если публика хочет видеть проявления оккультных сил даже в номере, где Гудини освобождается от наручников, он представит свой номер именно таким образом. Номер получился загадочным и таинственным. Молодой парень с густой копной волос четко произносил, хмуро сдвинув брови: «Здесь ста-

рый человек, его имя Элиас или Илия. Да, Илия. У него сообщение для племянника, Оливера. Он говорит: «Оливер, дорогой мой мальчик, не оставляй надежды. Не продавай ферму первому встречному. Придут лучшие времена, и в конце концов ты продашь ферму с хорошей прибылью. Не вешай носа».

Откуда молодой парень мог знать христианское имя зрителя? Откуда он мог знать о дяде Илии и об оставленном им наследстве — ферме, которая была предметом его гордости при жизни, и, вполне возможно, могла беспокоить его даже после смерти? Гудини узнал о дяде Илии, посетив городское кладбище и поговорив с местными сплетниками. Он и Бесс держали ухо остро. В маленьком городе можно услышать всякое. Разговоры в универмаге, парикмахерской, за ужином в пансионе были золотой жилой, из которой черпались интимные детали последующих посланий с «небес».

Настольная книга Гудини «Разоблачение медиума» сообщала, что, заглянув в семейную библию в любом доме, можно узнать о рождениях или смертях, о детях, умерших при родах или в младенчестве (довольно болезненная тема в XIX веке). Гудини, как агент по продаже, поддерживал контакт с фирмой, продающей музыкальные библии (крошечная музыкальная шкатулка, швейцарского производства, спрятанная где-нибудь в укромном месте, играла «Ближе к тебе, Господи»). Собирая заказы на музыкальные библии, Бесс и Гудини получали возможность заглянуть в семейную библию и собрать нужные сведения.

Чтобы расширить программу своего шоу, они разбили представление на три части. В первой Гудини освобождался от наручников и веревок, но делал это так, чтобы аудитория не видела. Между тем, происходящие при этом события никак не могли быть спровоцированы человеком со связанными руками и ногами или закованными в ручные и ножные кандалы. Чтение мыслей Бесс и Гудини демонстрировали во второй части программы. В принципе этот трюк восходит к самому началу истории сценического иллюзионизма. Этим занимались еще Филипп Бреслоу и шевалье Пинетти в Англии в 1781 и 1784 годах. Читал мысли и первый кумир Гарри Робер-Гудини, показывая это представление во Франции в сороковых годах прошлого века. Телепатом был Роберт Геллер, вся про-

грамма которого состояла только из чтения мыслей. Он разработал простые методы, с помощью которых помощник в зале мог сообщать медиуму с завязанными глазами, как выглядят монеты или драгоценности.

Возможности росли. Иллюзионист мог не только сказать своей помощнице, что у нее в руке кольцо, но и указать инициалы, выгравированные на нем. Гудини научил Бесс устному коду собственного изобретения и добавочным сигналам, передаваемым руками, ногами, наклонами головы. Бесс видела эти знаки, так как повязка у нее на глазах была с секретом.

Именно спиритические сеансы способствовали широкому распространению увлечения магией. Бесс впоследствии рассказывала о совершенно невероятной ловкости медиумов. Гарри с женой двигались на север, давая представления и в конце концов оказались в Канаде. В программе их представлений были ответы на письменные вопросы аудитории. На одном из представлений женщина, подписавшаяся «Мери Мерфи», спросила: «Где мой брат Джо? Я девятнадцать лет ничего не слышала о нем».

Вопросы о местонахождении пропавших людей требуют большой осторожности. В этот раз, однако, Бесс, всегда имевшая склонность к шалостям, не смогла удержаться. Она дала на вопрос точный ответ, вместо обычного для «ясновидящих» набора туманных расплывчатых фраз. «Ваш брат живет в Нью-Йорке», — сказала она женщине. Она дала точный адрес: Восточная 72-я улица в Манхэттене. Бесс сорвала бурю аплодисментов, но на душе у нее кошки скребли. К счастью для Бесс, женщина, задавшая вопрос, не устремилась немедленно в Нью-Йорк на поиски пропавшего брата. Но она послала туда телеграмму и получила ответ. Бесс нашла Джона Мерфи!

Со стороны Бесс это было не безрассудство, а одно из тех озарений, которые бывают у многих иллюзионистов, демонстрирующих «ясновидение». В нескольких кварталах от квартиры Вейсса на Восточной 69-й улице находилась кондитерская. Ее владелец, мистер Джон Мерфи, был хорошо известен в округе. Бесс просто вспомнила имя.

Гарри тоже столкнулся со сверхъестественным. Однажды вечером он разглядывал толпу зрителей, проходивших через вестибюль в зал. Его внимание привлекла одна женщина, шедшая на сеанс. Она

сказала своему маленькому сыну, который ездил на велосипеде, не держась руками за руль, чтобы он был осторожнее, и вошла в театр. Во время представления Гудини решил рискнуть. Он получил «спиритическое послание» для этой женщины: «У ее маленького сына сломана рука. Нет, несчастный случай еще не произошел, но беда уже близко».

Конечно, на другой день малыш упал со своего велосипеда и сломал руку! Эта новость облетела весь город и попала в местные газеты. Гудини имели такой успех, какого не знали еще никогда. Во всем этом было только одно неудобство — публика теперь каждый вечер ждала от них чуда.

Может быть, Гарри понимал, что требования публики будут расти. Во всяком случае, ему не нравилось внушать ложные надежды людям, понесшим утрату, что он постоянно был вынужден делать как медиум. Поэтому они с Бесс решили бросить спиритизм.

Какое-то время они регулярно питались, Бесс хорошо себя чувствовала, была тепло одета. Но посетители, точнее говоря просители, те, кто потерял близких, шли к Гудини со страстной мольбой помочь связаться с мертвыми родными. Однако совесть не позволяла Гарри и дальше наживаться на их горе, надежде, страстных желаниях. И когда подвернулось местечко в бродячем цирке, он тотчас же с огромным облегчением прекратил сеансы.

9.

Побег из тюрьмы

Вторая поездка Гудини с братьями Уэлш была весьма бедна событиями. Гарри и Бесс проделывали десятки различных трюков, обычных для маленьких цирков. И в этом сезоне Гарри занялся акробатикой, что было для него внове. Когда они играли в Харрисбурге, штат Пенсильвания, в мае 1898 года, он пробовал делать стойку на руках на перекладине — одно из самых сложных упражнений, требующее от человека большого мастерства и хорошей координации.

Как всякая сложная задача, брусья приводили

Гудини в восторг. Они давали ему возможность блеснуть своим искусством. Но Гарри все равно не чувствовал удовлетворения. «Молчащий» номер был бесполезен для человека, рожденного, чтобы вещать и чутко внимать аудитории, ловящей каждое его слово. В сентябре, когда цирк возвратился на зиму домой, Гарри пребывал в состоянии полного душевного упадка.

Когда они вернулись домой, Вильям Бартолмс, муж сестры Бесс, предложил Гарри работу на фабрике автоматических замков. Замки были единственным изделием, хоть немного интересовавшим его, и Гудини испытал искушение покинуть сцену, подкрепленное и другими соображениями. Мать Гарри предпочла бы, чтобы он был рядом с ней. Бесс могла бы стать домохозяйкой и не насиловать себя, выходя на сцену. При ее слабом здоровье!

Гарри снова и снова обдумывал это, часами гуляя по знакомым улицам Манхэттена. Он всегда любил ходить пешком и гулял в любом настроении. Целыми днями он ходил и размышлял, а после одной из долгих прогулок решил еще раз попытать счастья на подмостках.

Зная, что в восточных штатах фокусников принимают прохладно, Гарри подумал, что можно было бы пару недель поработать у «Коля и Миддлтона». И там его ждал успех: в Чикаго для иллюзионистов было подлинное раздолье.

Говорят, что по пути домой Гарри беседовал с Сэмом Гампертсом, которому суждено было вскоре стать знаменитостью, и тот дал ему совет, как вести рекламу. Совет этот помог Гудини сделать карьеру. Так или иначе, именно эффектная реклама трюка способствовала росту популярности Гарри.

Безразличие прессы часто приводило Гудини в отчаяние. Его способность таинственно избавляться от наручников не была оценена по достоинству. Время от времени появлялись заметки, похожие на те, которые печатались три года назад, когда Гарри гастролировал в Массачусетсе. А вообще, как говорил Гудини, начальник полиции упоминался в прессе раз в пять чаще, чем он.

Приехав в Чикаго, Гарри тотчас же осуществил свои замыслы. Первым человеком, с которым следовало встретиться, был лейтенант полиции Энди Роан,

впечатляющий мужчина, похожий на персонаж из классики: огромный ирландец весом под триста фунтов, с рыжими усами в форме велосипедного руля. Обитатели городского дна говорили, что Большой Энди, навещающая публичные и игорные дома, носил с собой маленькую черную сумку. По мере того, как она становилась тяжелее от денег, полицейский гнет над этими заведениями делался легче. Совершенно очевидно, что Энди был человеком, который заправляет всем, и жизнь города зависит только от него.

Раньше Гарри часто пытался договориться с полицией, просто приходя в квартал и объявлял: «Я — Гарри Гудини, король наручников, я играю в театре «Бижу». Я думаю, может, вы захотите увидеть парочку трюков с наручниками? Пожалуйста. Наденьте на меня любую пару наручников. Я покажу вам, как избавляться от них». В маленьких городах Новой Англии, где служители закона работали согласованно и были вежливы, такое иногда сходило. Но только не в Чикаго.

Здесь Гарри начал с того, что попросил директора «Коль и Миддлтон» представить его репортерам. Гудини показал им статьи о себе и, хотя очень скромно, но намекнул, что хотел бы выступить в их городе. Газетчики, в свою очередь, отвели его к всемогущему Энди Роану.

Во время первого исполнения трюка Гудини полицейские надели ему наручники, кандалы и посадили его в пустую камеру. Никто не видел, как он освободился от наручников и кандалов, никто не проявлял волнения и не удивлялся тому, как это ему удалось, никто не опешил, никому не было до этого дела.

Но Гарри уже был достаточно проницателен, чтобы руководствоваться основным правилом магии: «никогда не говорить публике, что ты собираешься делать». Он просто поболтал с Роаном, принял его приглашение «погостить» в одной из камер и сердечно распрощался.

Несколькими днями позже он опять посетил Роана. Пока Бесс развлекала Большого Энди рассказами о приключениях и странствиях циркачей, Гарри отправился изучать замки дверей в камере.

Тому, кто не был знаком с устройством запоров (а этого почти никто не знал), замки Энди могли бы показаться внушительными. Однако Гарри знал, что

сами по себе они не обеспечивают надежности тюрьмы. Любое узилище надежно настолько, насколько надежен его самый нерадивый надзиратель. Уже не раз бывало, что заключенные отпирали замки отвертками.

Но большой замок старой конструкции, который увидел Гарри, был прост только на первый взгляд. На самом деле, бородка ключа имела хитроумный набор зазубрин и выемок, из-за чего не было никакой возможности воспользоваться другим ключом такого же размера. А проволоочная отмычка просто не «почувствует» вырезов и не откроет замок.

Прежде чем вернуться к Бесс и Роану, Гарри тщательно осмотрел замки камер. Поболтав еще несколько минут, они простились с Роаном и отправились домой. Вечером Гарри принялся за изготовление отмычки.

На другой день они пришли опять. Теперь Гарри нужна была только минута, чтобы сверить свою отмычку с замком. Сработало! Но тут Роан, почуяв недоброе, прогнал Гарри.

Вскоре и газетчики что-то пронюхали. Они узнали, что Гудини предложил полицейским громадного города Чикаго заковать его в цепи и посадить в камеру. А он, если сумеет, осуществит побег. В условиях пари говорилось о регулируемых наручниках и ножных кандалах. Разумеется, у Гарри были ключи, аналогичные тем, которые использовались в Чикаго.

Вероятно, в день пари Большой Энди был настроен лучше обычного. Гудини выглядел взволнованным и озабоченным, когда Энди надевал на его кисти три пары наручников и запирали его в камере. Когда Гудини был заперт, репортеры направились в кабинет Роана отведать освежительных напитков, заказанных Гудини. (Гарри уже успел понять, что угощение очень помогает наладить отношения с газетчиками.)

Скоро, даже очень скоро, Гудини ликуя, широкими шагами вошел в комнату. Оков на нем не было!

Циничные служители прессы не выказали сильного удивления.

«Энди Роан только что рассказал нам, — заявили они Гудини, — что пару дней вы крутились в тюрьме. Возможно, у вас полный карман ключей — вы могли снять копии с замочных скважин с помощью ключа, покрытого парафином, или чего-нибудь в этом роде».

Гудини ответил спокойно, но твердо и недвусмысленно: «Ладно, если вы думаете, что я воспользовался каким-нибудь дешевым трюком или сплутовал, разденьте меня догола и обыщите, в потом заприте снова».

Это было новое даже для Чикаго 1898 года. И Гудини говорил, возможно, впервые, как великий артист.

В его речи было нечто большее, чем просто вызов. Само слово «догола» уже способно смутить. Иногда в газетах его даже сокращали, подчеркивая пикантность ситуации.

Бесс скромно покинула комнату, и Гарри полностью разоблачился.

Невозможно сказать, как Гудини поступал в каждом конкретном случае. Видя результат, можно было лишь гадать о методах Гудини и полагаться на уже имеющиеся сведения. В данном случае вполне вероятно, что, использовав ключ, чтобы отомкнуть наручники, и отмычку, чтобы открыть дверь камеры, Гудини спрятал эти предметы где-то неподалеку и только потом вошел в кабинет Роана. Благо закутков и уголков, где можно приклеить пару вещей кусочком воска, в тюрьме хватало. Взять хотя бы стальной кожух замка камеры. Под него-то Гарри, очевидно, и прикрепил ключи.

Как бы там ни было, одежду Гарри поместили в другую камеру и предложили показать трюк еще раз. Он освободился даже быстрее, чем раньше.

Эта попытка прославиться оказалась на удивление удачной. Фотограф снял Гарри в цепях на фоне заперов. Когда статью напечатали в газете рядом с театральной рекламой, Гудини бросился скупать тираж. Потом они вместе с Бесс вырезали и рассылали заметки театральным импресарио. С трудом выкроив несколько долларов, Гарри дал объявление в одной из нью-йоркских газет, копию которого он поместил на обложке своего альбома с газетными вырезками: «Гудини, непревзойденный король наручников, был абсолютно голым, и его осмотрели три врача. Он освободился от всех наручников, кандалов, смиренных рубашек, «ремней и ящиков».

Тут он малость приврал, но, по сути дела, был способен освободиться от всего перечисленного в объявлении.

В результате этого успеха директор чикагского театра «Хопкинс» позвонил Гарри и предложил ему завидное место на оставшуюся неделю. В театре скончался ведущий актер, и требовалась замена.

Гудини получили вторую возможность выступить в эстрадном представлении, пользующимся шумным успехом. Но накануне Бесс слегла с воспалением легких. Без нее не получится главного трюка, не будет и концовки. Гудини знал, представление будет бледным.

Он не хотел признаться, что отказывается по такой «земной» причине. Он придумал другой повод. «Я не могу играть по воскресеньям без оплаты, подобающей ведущему актеру», — объявил он директору. Но директор согласился. Гонорар ведущего актера — восемьдесят пять долларов в неделю.

Когда Гарри шепнул Бесс, сколько ему заплатят, та подскочила на кровати. «Дай опомниться, Гарри, за такие деньги я встану даже если буду при смерти».

Гарри привез ее в театр в дорогом экипаже. Впервые Бесс ехала с таким шиком. Но это было только начало. Чете Гудини предоставили гримерную для ведущих артистов с зеркалом в полный рост. Тут уж Бесс быстро оправилась от болезни. Слава и удача начинали улыбаться им. Да и они никогда в жизни не выступали лучше.

Гарри израсходовал все, что они заработали, на рекламу своего успеха в театральных газетах. Но импресарио по-прежнему не обращали на него внимания. Выступление было слишком мелким по масштабам, публикаций почти не было, и обрести шумный успех оно могло лишь случайно. Триумфа не получилось.

Стояла холодная зима, озеро замерзло. Гудини вернулись в «Коль и Миддлтон», открытый круглый год, где Хедж обеспечил их работой на пару недель. Но после успеха в театре «Хопкинс» Гудини испытывал унижение, выступая здесь.

Обычно он приглашал кого-нибудь из зрителей надеть на него наручники и кандалы. На одно из спектаклей дородный детина вышел с парой регулируемых наручников. Гарри с готовностью протянул незнакомцу руки. Сидя в шкафу, он пытался открыть их своим ключом. Ничего не выходило! Замок не подда-

вался. Гарри взмок, а публика тем временем мало-помалу расходилась.

Наконец он появился, мокрый и растрепанный. Зал был практически пуст, если не считать мускулистого незнакомца, который оказался сержантом полиции Эванстона. Тот задумчиво жевал сигарный окурок. «Лучше не рыпайся, парень, — проскрежетал он. — Это собьет с тебя спесь. Такие наручники вообще не открыть. Ты проиграл!»

Этот случай не прошел незамеченным. В Чикагской «Джорнал» от 13 января 1899 года инцидент был подробно описан. Заголовок гласил: «Нечестная игра. Иллюзионист Гудини заявляет, что сержант Уолдон сыграл с ним злую шутку». В статье говорилось: «Чародей оков», выступающий сейчас в «Карл-стрит Мюзеем», столкнулся с неразрешимой задачей и не смог снять сломанные наручники».

После фиаско Гарри впал в полное отчаяние. Он был убежден, что сцена навсегда закрыта для него, что его карьера погублена, что он — посмешище Чикаго, а, может, и всей страны. Он был склонен, как и потом, преувеличивать свою значимость. Он прокрался в театр, чтобы собрать свои вещи, и был обруган директором за опоздание на две минуты.

— Вы полагаете, что я еще работаю здесь?

— Я не увольнял вас, что вы имеете в виду?

— Я... после вчерашнего провала. Я не думал, что вы захотите, чтобы я выступал...

Хедж расхохотался.

«Не думайте об этом, дружище. Такое может случиться с каждым. Переживете это. Мы должны открываться. Мы не можем задерживать выступление. Быть может, в дальнейшем вы сами станете учить этих парней открывать и закрывать их собственные наручники».

Гарри никогда не могло прийти в голову, что кто-нибудь может сломать наручники: сам он испытывал большое уважение к этому предмету, и то, что их можно намеренно испортить, было выше его понимания. Но Гарри никогда не забывал ошибок. Впредь он не позволял застегивать на себе наручники, не убедившись в их исправности.

То, что его конфуза никто не заметил, тоже беспокоило Гарри: значит, он был слишком мелкой сошкой в шоу-бизнесе.

«Подожди, Бесс, придет время, и я не буду иметь право терпеть поражение. Я буду настолько известен, что не смогу позволить себе проигрывать». И время это было совсем близко, даже ближе, чем мог предположить Гарри при всей своей пламенной уверенности в себе.

В своих непрерывных поисках путей к прочной славе Гарри подражал человеку, который ему покровительствовал. Это был «искрометный чародей» Орас Голдин. Гудини пытался вместить получасовой номер в прокрустово ложе своего десятиминутного выхода. У Гарри был трюк с иголкой, часами, картами, покрываемыми цветами, а кончался номер тем, что шелковый платок превращался в двух живых голубей. Это был трудный номер, отнимавший у Гарри все силы. Заключительный и главный номер в паре с Бесс был детской забавой по сравнению с другими.

Однажды вечером, когда Гудини собирался уходить из музыкального театра Миннеаполиса, к нему приблизился холеный незнакомец, судя по всему важная шишка. Он похвалил Гарри и Бесс и — о чудо! — пригласил их на ужин.

Когда они сели, Гудини, немного освоившись в обществе своего благовоспитанного поклонника, спросил: «Как вы находите номер с шелком и голубями? Неплохой, не правда ли? Никто никогда не догадывался, откуда берутся голуби. Это сводит всех с ума».

«По-моему, вы просто держите их в карманах», — заметил незнакомец.

Гудини рассвирипел, хоть и не желал этого. «Эй, минуточку...» — начал было он, но незнакомец оборвал его: «А что касается вашей игры, то она просто ужасна!»

Король наручников от ярости лишился дара речи.

«Это не значит, что вы не стараетесь, — продолжал любезный незнакомец. — Но в ваших номерах нет последовательности, трюки не вытекают один из другого. Вы просто устраиваете винегрет. Мне понравились две вещи — приглашение надеть на вас наручники, если найдутся у зрителей, а также номер, который вы делаете в паре с женой. Это очень профессиональная работа. Мне понравилось. Я хотел бы, что бы вы поработали у меня, показывая только эти номера».

«Работать у вас?» — Гудини осознал, что этот хо-

ленный незнакомец имеет отношение к цирку. Вся его дерзость испарилась.

«Я... я не уверен, что расслышал ваше имя», — нерешительно проговорил он.

«Естественно, сынок. Я его и не называл. Меня зовут Мартин Бек. Я из цирка «Орфей». Гудини на миг лишились дара речи.

10.

В наручниках и цепях

Бек был королем шоу-бизнеса в западных штатах. «Орфей» — огромное зрелищное предприятие — имел целый ряд филиалов в городах на побережье. Кроме того, Бек жил по принципу: «Хочешь иметь — плати!». По сравнению с крохоборами, с которыми Гарри и Бесс вынуждены были годами иметь дело, он казался чуть ли не божеством. Более того, Бек был генератором идей в шоу-бизнесе.

«Когда я сказал, что ваша игра была ужасна, — добродушно объяснил он, — я просто не стал щадить ваши чувства. Она и в самом деле была таковой. Слишком много навалено в короткий отрезок времени. Я хочу, чтобы вы ограничили себя двумя трюками, — тем, что с наружниками, и заключительным фокусом». И он обрисовал молодому иллюзионисту технику построения номера.

В заштатных цирках можно было халтурить напропалую. Но в шоу, пользующемся шумным успехом, публика хочет видеть все самое лучшее, и артист обязан вести себя соответственно, — заявил Мартин Бек и добавил: «Я дам вам семьдесят долларов, а если вы им понравитесь, увеличу оплату».

Они начинали в Сан-Франциско в первых числах июня. Когда Гудини садились в поезд, у них оставалось всего пять долларов. Учитывая стоимость еды, Гудини захватили с собой в дорогу корзину с провизией и устроились вдвоем на верхней полке.

На второй день поездки еда начала портиться. Для пассажиров со скромным запасом провизии проводник готовил на небольшой плитке легкую закуску и кофе. Но этого не всегда хватало и Гудини пита-

лись скудно, пока не доехали до Альбукерке. Там они должны были простоять пару часов, и Гарри, как всегда неутомимый, сошел с поезда размять ноги. Бесс осталась в вагоне, изнемогая от жары.

Поезд стал набирать скорость, и Бесс уже начала тревожиться, когда появился Гарри, неся большой сверток. Он проходил мимо игорного дома, вошел туда с тремя долларами, а вышел с сорока пятью. В свертке было мороженое, которым он принялся угощать пассажиров. В этот день судьба его сделала резкий зигзаг. Ему больше никогда не придется выступать в дешевых театрах.

Требования Мартина Бека оставить карты, шелк, голубей и сосредоточиться на наручниках и заключительном трюке (который по настоянию Бека был назван «исчезновение») поразило Гудини не меньше чем предложение семидесяти долларов в неделю. Фокусника без карт, платков и голубей он и вовсе не считал фокусником.

Бек делал ставку на новизну их представления. Театры восточных штатов подозрительно относились к совершенно новым представлениям, за исключением тех, что приобрели известность за рубежом. Восточные театры ориентировались на семейную аудиторию, на зрителей, приходивших каждую неделю и предпочитавших старых любимцев, которые выступали с уже знакомыми программами. Новый материал пускался лишь затем, чтобы придать пикантность рекламе. Но на Западе жили люди с авантюристической жилкой. Они аплодировали даже после совершенно незнакомого номера, если он им нравился, и освистывали, если нет. Мартин Бек был уверен, что им придется по душе исполненный напряжения номер, во время которого сильный молодой человек с обаятельной улыбкой предлагает публике так сковать его, чтобы он не смог освободиться.

Работая с Беком над сокращением своего номера, Гудини решил, что надо обезопасить себя от незнакомого инвентаря (при воспоминании о вероломстве сержанта Уолдрона с заклинившими наручниками его все еще бросало в дрожь).

В западных городах могли существовать наручники, о которых Гарри даже никогда и не слышал и для которых у него не было подходящих ключей или отмычек. Он должен быть осторожен, он должен думать о

себе и Бесс, так как она робела перед шумной публикой.

Гарри нашел один верный способ прикарманивать наручники. Он с обаятельной улыбкой спрашивал публику: «Если я освобожусь, могу ли я их сохранить как сувенир?» Публика обычно соглашалась, и владелец, не желая прослыть сквалыгой, вынужден был отвечать «да». Таким образом Гарри приобрел множество пар стандартных наручников. Иногда ему приходилось, сидя в шкафу, обрабатывать наручники напильником, если заедал замок. Тогда резким рывком он мог открыть наручники. Это значительно упрощало дело, а в случае каких-нибудь неожиданностей он мог выдать пару других наручников за те, которые на него надевали.

Наконец Гудини понял, что предложение надеть на него наручники, имевшиеся в зале, далеко не всегда дает результат. Мало кто из зрителей носит эту штуковину в кармане или на поясе. Поэтому Гарри подсаживал в зал двух-трех человек с наручниками, дабы придать номеру динамизм. А если ты заранее готовишь наручники, почему бы не воспользоваться этой уловкой, чтобы обезопасить себя от неприятностей? Разумеется, он был готов в случае нужды справиться с любым замком.

Ключи, которыми он пользовался, Гарри прятал в в самых разных местах. Он обнаружил, что ключи, если их немного подпилить, подходят ко многим наручникам и кандалам. Это позволило сократить число ключей и отмычек.

Секрет успеха номера с наручниками заключался в том, что публика подозревала о существовании ключей и приспособлений для отпираания. Трюк с «абсолютно обнаженным артистом» был убедителен, но он годился только для газетчиков. Однако этим трюком не стоило пренебрегать. Играя в театрах «Орфей», Гарри сбегал из тюрьмы в каждом городе!

Полиции Сан-Франциско Гудини впервые представил представитель фирмы Бека. Полицейские надели на него все наручники и кандалы, которые у них имелись, и Гудини прибавил к ним пару из своей сумки. Он объяснил, что это для фотографов, для пушей зрелищности. Он быстро постиг важное правило работы артиста: важно не то, что ты делаешь на самом деле, а то, что публика, включая зрителей в театре

или репортеров в полицейском участке, думает о тебе.

Например, репортерам совершенно не обязательно было знать, что большинство самых замысловатых наручников принадлежали Гудини. Полицейские, которые надевали их на него, проверяли механизм, открыв и защелкнув его как Гарри им и велел.

Газетчикам просто нужны были сенсационная статья и эффектная фотография, и Гудини быстро научился преподносить им и то, и другое. Дабы заручиться дружбой репортеров, он не скупился и на угощение. Самым главным для них было виски, но и бутерброды котировались довольно высоко: ведь платили в редакциях газет совсем немного.

Гарри пришлось потрудиться, чтобы сдружиться с прессой и полицией. Гудини нашел ключи к сердцам полицейских очень простым способом: он говорил им, что газетчики, конечно, неплохие парни, но слишком уж большие всезнайки. И предложение «оставить их с носом» обычно бывало по сердцу блюстителям порядка.

Взяточничество среди полицейских в Америке распространено не так широко, как в других странах. Многих офицеров мзда могла оскорбить. Другое дело — тюремщики. Во всяком случае, в 1899 году. Гарри Гудини обнаружил, что к большинству из них не подступишься, пока не пригласишь на обед «с индейкой» самого надзирателя и его жену и не сунешь им вкрадчивым движением пятидолларовую бумажку — «скромный подарок вашим детишкам». Эти слова обычно сопровождались обворожительной улыбкой и помогали сотворить чудо: Гарри получал возможность рассмотреть ключ камеры, в которую он вскоре должен был быть заключен под неусыпным наблюдением газетчика. В одной руке он прятал мягкий ластик, каким подчищают карандашные рисунки в художественных школах. Ластик этот — идеальное приспособление для снятия отпечатка с ключа.

В коллекции Сиднея Раднеа в Холионе хранится небольшой темно-красный металлический чемодан, на котором белой краской выведено: «Гудини». А внутри чемодана — чудеса: коллекция отмычек и ключей самых невероятных видов. Там есть небольшие тиски, которые прикрепляются к ноге и используются для изготовления нового ключа или для переделки старого. Там есть ключи, ушки которых обер-

нуты ватой, чтобы поворачивать их зубами. Одно устройство было снабжено маленьким деревянным зубчатым колесом, которое вращалось при прокатывании его по замшевому днищу ящика и использовалось для отвинчивания стопоров с английских наручников модели № 8. Другой типичный инструмент из коллекции Гудини — ключ с двойным секретом, возможно, сделанный для того, чтобы отпирать двери камеры и дверь коридора одного и того же здания.

Некоторые связки ключей пристегивались безопасными английскими булавками. Другие хранились в небольших кошельках. Очень немногие были снабжены ярлыками и этикетками — Гудини знал свои ключи на ощупь и по памяти.

Неизбежно возникает вопрос: как Гудини, сидя в ящике, с кандалами на руках и на ногах, с парой наручников, всегда находил нужный ключ? И как он пользовался им?

Иногда Гарри наверняка прятал ключи под ковром или за драпировкой ящика. Впоследствии, когда он достаточно разбогател, чтобы нанять постоянного надежного помощника, ключи можно было передавать через трубу, которая шла к задней стенке и, разумеется, была невидима публике.

Гудини быстро понял, что чем более громоздкими и тяжелыми кажутся цепи и кандалы, тем проще работать с ними на сцене. По мнению зрителей, труднее всего было снять наручники, кандалы и множество цепей с висячими замками, плотно обвивающими фокусника. Очевидная тяжесть, прочность и количество цепей, зловеще переливавших в свете рамп, все это помогло достичь гораздо большей зрелищности. Зрители недоумевали, как же это он освободился? А это было не так уж трудно. В отличие от кандалов, цепи можно было снять, не открывая замка. Если артист напрягает живот и расправляет плечи перед тем как его обвяжут длинной цепью, а потом расслабляется, то может освободиться при помощи крючков, имеющихся в ящике.

Существовал и другой способ — простой, но очень остроумный. Гарри научился ему у силовых жонглеров. Можно было, хоть и с посторонней помощью, разорвать цепи, напрягая пресс.

Перед спектаклем край цепи вставлялся в тиски, и надо было расшатать соединения при помощи плос-

когубцев. Тогда при чуть большем натяжении металлическое звено лопалось, ибо сталь была «усталой».

Возможно, потому, что висячие замки были хорошо знакомы Гарри, номера с ними почти всегда имели успех. Публике казалось, что огромный замок на цепи — дело безнадежное, однако в действительности с ним было проще всего.

Торговцы реквизитом иллюзионистов долгое время продавали то, что в торговле называлось «спиритические замки», переделанные из стандартных висячих замков. Их можно было открыть наточенной монетой, или даже вставив тонкую проволоку в незаметное отверстие. Несмотря на такие приспособления, Гудини приходилось нелегко. Овладение его искусством требовало многих лет учебы, труда, досконального ознакомления со всеми видами ручных кандалов, блестящей способности ориентироваться в непредвиденных обстоятельствах и исключительной ловкости, решительности и выдержки, не говоря уж о силе и выносливости.

Когда Гарри и Бесс приехали в Сан-Франциско с программой, ограниченной освобождением от наручников, кандалов и цепей, Бесс работала с ним только в основном трюке. С ее одобрения Гарри приступил к созданию нового трудного номера.

Вероятно, больше всего его угнетала Бесс. Как и раньше, он устраивал себе необходимые публикации, ставил трюки, бросал вызов публике, обстрепывал «сенсации», запланированные заранее.

Как всегда, новое смелое предприятие поглотило его целиком. В отличие от обычных артистов эстрады, которые напрополую развлекались в короткие перерывы между представлениями, Гудини работал день и ночь. Он спал не более пяти часов в сутки, если бывал занят поисками решения сложной головоломки. Бесс всегда просыпалась одновременно с ним, чтобы первой услышать рассказ о его новейшей выдумке.

С годами Бесс все больше проникалась его идеями. Ее личность как бы растворялась в личности мужа. В глубине души она мечтала о доме, детях, об «оседлом» образе жизни, но она любила атмосферу театра и упивалась славой своего мужа. Гарри убедил ее, что когда-нибудь у них будет небольшой домик, и они усыновят и удочерят детей — много детей.

Но у него были и более далеко идущие планы и стремления, планы, рассчитанные на долгие годы и охватывающие весь мир. И Бесс поощряла их.

В свободное время Бесс занималась стряпней (Гарри мог не есть по десять-двенадцать часов в сутки, с головой уходя в свои проекты, а потом съедал десятки яиц, взболтанных в двух литрах молока). Она следила за его внешностью, меняла ему белье и рубашки, поскольку сам Гарри даже не замечал, во что он одет. Она кормила и выгуливала собаку. (Кстати, собаки сделались подлинным бедствием их жизни, так как Гарри, увидев где-нибудь замерзшего бродячего пса, почти всегда подбирал его и приносил домой за пазухой пальто.)

Несмотря на обилие работы, Бесс, бывало, подолгу сидела без дела. Но отдохнуть ей не удавалось: она все время была начеку, не зная, когда именно у Гарри возникнет в ней нужда. Она то выполняла его поручения, то восторженно оценивала задумки мужа, то тактично утешала его, а подчас спасала от приступов хандры и ощущения заброшенности.

Она с пониманием и без обиды относилась к его многодневным раздумьям, когда он вовсе не замечал ее. Она простила его, даже когда он назначил ей встречу в ресторане и опоздал на пять часов, потому что заслушался рассказами какого-то старого фокусника и купил у него драгоценный альбом с газетными вырезками. Она прощала Гарри его необузданную вспыльчивость, ибо знала, как щедр и добр ее муж. Когда однажды потрясенный Гарри увидел на улице нищую старуху и вложил в ее грязную протянутую ладонь их последние деньги, Бесс не сказала ни слова ему в укор.

Она никогда не знала, чего ей ждать от этого незаурядного человека в следующую минуту. Лишь в одном она была совершенно уверена: другие женщины его не интересовали (злословы говорили, что он однолюб, и влюблен в собственную персону, в легендарное божество, в имени которого все буквы — заглавные).

Бесс вышла замуж за чудака и гения. Если она считала, что их чаяния не совпадают, то виду никогда не подавала. А утешалась тем, что собирала кукол и шила им фантастические наряды — плод ее богатого воображения.

Ищущий да обрящет

Мартин Бек для начала стал платить Гарри и Бесс шестьдесят долларов в неделю. Сдержав свое слово, он поднял их гонорар до девяноста долларов после того, как импресарио сообщили ему, что номер пользуется успехом. Это придало Гудини смелости, и он стал просить прибавки. Гарри и Бесс были настолько наивны, что не скрывали своих доходов. Обсудив этот вопрос на семейном совете, они под влиянием честолюбия забыли о благоразумии и телеграфировали Беку, требуя сто двадцать пять долларов в неделю. К большому удивлению и ликованию Гарри, Бек ответил, что согласен. Гарри смог, впервые в жизни, купить Бесс меховую накидку и увеличить сумму, которую каждую неделю посылал мамаше Вейсс.

Деньги интересовали Гарри только по двум причинам: они служили ему показателем успеха и давали возможность покупать книги по искусству магии.

23 июня лос-анджелесская «Ивнинг Экспресс» дала о нем хвалебную статью под заголовком: «Король наручников в полицейском участке». А Гарри уже держал путь на восток, заглядывая в полицейские участки Нашвила, Мемфиса, Канзас-Сити...

14 сентября 1899 года интересная заметка появилась в сент-луисской «Диспэтч». В ней сообщалось, что молодой эстрадный артист, дающий представления в этом городе, намерен прыгнуть в кандалах с моста Ид. В альбоме с вырезками нет больше никаких сообщений об этом прыжке, так что в последний момент полиция, вероятно, помешала Гарри. Это была своего рода репетиция его первого прыжка с моста в цепях. Но сам прыжок состоялся еще не скоро и в другой стране. Там блюстители порядка тоже пытались воспрепятствовать Гарри, однако этот законопослушный по натуре гражданин попросту игнорировал закон.

Контракт с «Орфеем» прервался осенью 1899 года, и Гудини опять остались без постоянной работы. Гарри был уверен, что после триумфа на Западе восточные театры будут домогаться его услуг. Но там, как выяснилось, никто не нуждался ни в трюках с осво-

бождением, ни в его фокусах. По мнению Гудини, его программа была в диковинку на Востоке, где зрелищные учреждения имели стойкие традиции, а их директора отличались непроходимой тупостью и не могли оценить ее.

Год, который начался в Чикаго с постыдного распиливания сломанных наручников в «Коль и Миддлтон», окончился крушением надежд, не столько драматичным, сколько унижительным. Лучшее, чего ему удалось добиться, это работа в течение недели то в одном месте, то в другом, в основном в дешевых балаганах и за мизерный гонорар. Он надеялся, что с наступлением нового столетия его жизнь изменится. Причем, Гарри в это время потерпел еще одно унижительное поражение. Кто-нибудь другой отнесся бы к нему просто как к розыгрышу, но Гудини с его ранимой душой воспринял этот удар как возмутительное покушение на его достоинство.

В вестибюле отеля «Савой» в Канзас-Сити какой-то коммивояжер по имени Уилкинс заявил, что «сумеет запереть того парня, который сбрасывает наручники». Гудини зашел в телефонную будку, которая по размеру была чуть больше уборной и имела замок на двери. Чтобы позвонить, нужно было сначала дать пятицентовую монету клерку, который открывал дверь своим ключом.

Пока артист звонил, коммивояжер стащил со стола ключ и запер будку.

Стук, топот и вопли, которые издавал попавший в западню Гарри, были ужасны. Проказник Уилкинс успел смыться еще до того, как его сообщник наконец «нашел» ключ и выпустил Гарри. Гудини побежал искать злодея, и, скорее всего, изувечил бы его, чтобы отвести душу. Но не поймал.

Бесс, как всегда, посочувствовала мужу и смирила его гнев, но Гарри впал в самую черную хандру. Как и в Чикаго, он был уверен, что его карьера погибла, что он стал посмешищем Америки и никогда больше не посмеет показаться перед публикой. Бесс тактично дала ему понять, что никакого несчастья не произошло. Кого, в конце концов, волнует, что коммивояжер запер артиста эстрады в телефонной будке?

Кстати, такой конфуз Гарри суждено было пережить еще раз много лет спустя. На пирушке фокусников коллеги заперли всемирно известного мастера

освобождений в... платном туалете. И эффект был тот же: необузданный гнев великого артиста, повергший всех в испуг.

Человек, создавший о себе легенду, должен быть в любое время готов к тому, что она подвергнется проверке на прочность. Гудини стал осмотрительным и осторожным.

И он начал давать всем понять, что все желающие сыграть с ним злую шутку могут ждать неприятностей, причем не просто словесной отповеди или щелчка по носу, а настойчивого и изнурительного преследования. Да и вряд ли он мог поступить иначе: артисты эстрады были завзятыми шутниками.

Гудини также позаботился о том, чтобы иметь при себе небольшое приспособление, которое на первый взгляд походило на перочинный ножик. Но лезвия в нем заменяли отмычки, которые подходили к большинству замков.

И все мрачные дни на рубеже веков Гарри непрестанно убеждал себя: Я — Гудини. Я велик. Я известен. Я на пути к богатству и ко всемирной славе». Очевидно, простое честолюбие переросло в навязчивую идею. Эта одержимость не покидала его, даже когда он стал богатым, знаменитым и всемирно известным, она преследовала его до самой смерти.

12.

Молодой Самсон

Наступление весны внесло новую надежду в самые отчаявшиеся сердца, даже в артистов эстрады. Как заметил Чосер, весна — время, когда люди стремятся к паломничеству. Весна 1890 года не была исключением. Несколько американцев устремились в страны Старого света в поисках славы. Говард Торстон, карточный фокусник, плыл в Европу выступать в мюзик-холлах. И Гарри с Бесс, после долгих ночных бесед, тоже решились на этот шаг.

Это было время расцвета популярности европейской индустрии развлечений, такого расцвета, что театральные газеты помещали осторожные объявления: «Зарубежные наклейки на чемоданах введут в за-

блуждение ваших друзей, придав вам облик бывалых гастролеров». Но не только на друзей хотели произвести впечатление артисты эстрады. Их основной целью были театральные импресарио.

Бесс первая узнала о поездке: «Мы отправляемся за границу. Они не видели ничего подобного Гудини». Увидев безмолвный испуг жены, Гарри заявил: «Какая разница, есть у нас реклама или нет. Мы сделаем ее, как только приедем. Мы сразим их».

Вначале у Бесс были сомнения. Но самоуверенность Гарри заразила ее. У мамыши Вейсс не было определенного мнения о решении сына: она боялась, что Эрик умрет с голоду на чужбине, но мысль о том, что он может поискать в Старом свете родственников, успокоила ее. Она приступила к составлению списка теток, дядьев и кузин.

Гудини было двадцать шесть лет. Они с Бесс едва наскребли денег, чтобы прожить неделю на корабле и пересечь океан. Единственным их достоянием была надежда — безграничная надежда и уверенность в том, что Гарри Гудини гений, для которого нет никаких преград.

30 мая весь клан Вейссов, включая плачущую мать, отчаянно маша платками, провожали супружескую пару, устремившуюся в рискованное предприятие. Неприятности Гудини начались, едва судно миновало песчаную косу: Гарри уже довелось познать морскую болезнь и вызванные ее ночные кошмары. Настал миг, когда он настолько обезумел, что Бесс пришлось привязать его к койке. А когда он заявил, что хочет выброситься за борт и прекратить эту агонию, она надела на него спасательный жилет.

Худо-бедно добравшись до Лондона, Гарри разыскал рекламное агентство и явился туда со своим альбомом газетных вырезок — летописью его подвигов. К полицейским участкам британцы были равнодушны. Они не верили газетам янки, в которых за взятку можно было напечатать что угодно. Когда же Гарри вытащил письма, подписанные шефами полиции американских городов, британские журналисты вспомнили о «хорошо известной продажности американской полиции».

В одном отношении Гарри допустил ошибку: с типично американской прямолинейностью показывая товар лицом, он заявил, что обладает «необыкновен-

ной властью над наручниками и замками любых конструкций». Агенты еще не забыли братьев Давенпорт, дерзких янки предыдущего поколения, которые тоже заявляли, будто обладают сверхчеловеческими возможностями.

Гудини нуждался в импресарио. У него их еще ни разу не было. Его номера были слишком мелкими, чтобы позволить ему такие расходы. Но теперь ему нужен был кто-нибудь, кто занимался бы рекламой — британцы не любили людей, рекламирующих самих себя, особенно американцев.

Согласно старому правилу шоумена, гласившему, что всякая неудача в конце концов оборачивается успехом, судьба свела Гудини с англичанином по имени Гарри Дэй.

Помимо того, как Дэй был очень молод, даже моложе, чем сам Гудини, у него не было предрассудков против американцев. Новичок в мире шоу-бизнеса, он не страдал недостатком воображения, которое так необходимо в рекламном деле. Более того, он восхищался мужественными людьми. В этом нахальном молодом янки, страдающим одышкой, он чувствовал потенциальную знаменитость. Дэй никогда не жалел о том, что взвалил на себя такой груз: всего через несколько лет он и Гудини стали партнерами в «Кроч Эмпайр-театре» и других предприятиях.

В начале столетия лондонская «Алхамбра» была меккой для артистов разных жанров. Ее директор, Дандэс Слэйтер, потакая молодому Гарри Дэйу, дал неизвестному американскому артисту неделю испытательного срока.

Трюк с наручниками был не нов для английской публики — «Белый Махатма», Самри Болдуин показывал его еще в 1871 году. Однако внимание Слэйтера привлекло то, что Гудини приглашал кого-нибудь из зрителей выйти на сцену с собственными наручниками. Слэйтер сказал артисту: «Если вы сумеете улизнуть из Скотланд-Ярда, молодой человек, возможно, я возьму вас на две недели». «Что ж, идемте туда не откладывая», — ответил Гарри, и Слэйтер согласился.

В Ярде комиссар сказал им, что «Ярд просто не может принимать участие в дешевых спектаклях для прессы. Если мы наденем на вас наручники, молодой человек, они будут настоящие, и мы не дадим вам никакого ключа.

Гудини нахмурился и, полный решимости, ответил: «Пожалуйста, надевайте наручники. Три пары, четыре. И кандалы на ноги тоже».

Комиссар Мелвилл достал пару наручников «дарби» из своего стола и направился в коридор.

«Таким образом, — провозгласил он, обводя руки Гудини вокруг столба, — мы поступаем с янки, которые приезжают сюда и напрашиваются на неприятности». Он с улыбкой повернулся к Слэйтеру: «Давайте оставим его на время. Через час мы вернемся и освободим этого молодого Самсона от столпа филистимлян».

«Если вы возвращаетесь в кабинет, я иду с вами», — сказал Гарри, улыбаясь и подавая Мелвиллу наручники.

Гудини знал по опытам, которые он предельвал еще до пересечения океана, что такие замечательно сконструированные наручники, как английские, можно разомкнуть с помощью легкого постукивания особым образом о твердую поверхность. Перед тем, как идти в полицию, он прикрепил к бедру под брюками свинцовую ленту, ударяя о которую, он мог снять наручники этого типа. «Столп филистимлян» предоставил ему прочную поверхность, которая была идеальна для этой цели, а лента не понадобилась.

Получив поздравления от комиссара Мелвилла, который был восхищен мужеством и мастерством, Гудини получил также и двухнедельный контракт в «Алхамбре».

Слух о победе над «адри» в Скотланд-Ярде быстро разнесся по всему Лондону.

Гарри Фэй, как менеджер Гудини, начал отправлять телеграммы директорам европейских театров и журналистам. Молодой американский «эскапист» мгновенно стал сенсацией Лондона и новость о «гвозде» сезона мгновенно распространилась среди людей искусства.

Две недели быстро превратились в полгода, а гонорар составлял шестьдесят франков в неделю, что тогда равнялось тремстам долларам. Десятки людей таскали плакаты с надписью «Гудини», служа ему живой рекламой. В конце августа Гудини выступал в «Алхамбре» при полных аншлагах, но Дэй уже ангажировал его в центральный театр Дрездена с правом продления контракта.

Кто угодно успокоился бы, имея такой феноменальный успех, только не Гудини. Годами он отчаянно боролся за существование, Бесс продолжала, будучи больной, работать вместе с ним только ради того, чтобы они могли прокормиться; он постоянно посылал матери каждый сэкономленный цент, отказывая себе в еде. Тяготы закалили его как сталь, он был подобен туго закрученной часовой пружине. Теперь, когда безденежье вдруг кончилось, он раскрепостился, пружина развернулась. И взыграло тщеславие. Да так, что едва не погубило его.

Гарри никогда не стеснялся рекламировать себя, и газетчики, не любившие этого, не давали ему места. Дэй поправил дело, расхваливая сверхчеловеческие способности своего американского клиента, чьи подвиги граничат со сверхъестественным. Это помогло привлечь внимание печати. Гарри вырезал и собирал заметки, снова и снова перечитывал их и верил каждому слову. К концу лета Гудини дал мистеру Дундасу Слэйтеру возобновление контракта на декабрь и совершил свою первую поездку на Континент. В конце сентября дирекция Центрального дрезденского театра пыталась сделать так, чтобы берлинский «Винтергартен» передал им молодого американца на следующий месяц, но знаменитый эстрадный театр ответил отказом. Он нуждался в Гудини, номер которого пользовался огромным успехом.

Приехав в Германию, Гарри не прогадал. Дома Мамаша Вейсс говорила на красивом идише, Рабби Вейсс чудесно владел немецким и заставил детей выучить его. Поэтому, когда Гарри вышел из-за кулис перед своей первой аудиторией в Дрездене, он приветствовал зрителей на хорошем немецком, и публика его приняла. А когда он пришел в «Винтергартен», билеты уже были проданы на неделю вперед.

Много было написано о работе Гудини и о ее смысле — о потаенном желании каждого человека сбросить узы лишений, бедности и обременительной нужды. Возможно, нигде этот яркий призыв к освобождению не воспринимался так, как в кайзеровской Германии, где существовали только две вещи — запрет и принуждение. Когда Гарри Гудини, американец, выходящий из тюрем, непринужденно вылезал из

ящика, победоносно держа над головой кандалы и наручники, в которые он был закован несколько минут назад, публика взрывалась овациями.

13.

Под водой

Если немецкий народ признал и полюбил его, полицейские чиновники и газетные издатели испытывали совсем иные чувства. Гудини с самого начала пришлось схлестнуться с ними. Он приехал в Германию после того, как приобрел славу в Англии, и это вызвало подозрения у людей, готовившихся к захватнической войне. То, что он был американцем, ему прощали. Но ведь он был еще и евреем.

Гарри нужен был помощник для контактов со зрительным залом и добровольцами из публики, равно как и для организации демонстраций в полиции и редакциях. В Германии он нашел такого человека — отставного австрийского офицера Франца Куколя.

Куколь происходил из знатного рода, был высок ростом, кончики усов его лихо загибались кверху, как у кайзера. Он умел не только застрашивать мелкого чиновника, но и расшаркаться, если надо — такая у него была многогранная натура. Другими словами, это была загадочная личность, «джентльмен», в роду у которого были и циркачи. Он любил шоу-бизнес, был образован, умел играть на пианино, обеспечивая аккомпанемент, необходимый для номера. Кроме того, он знал, как подкатиться к немецким полицейским и издателям. Куколь стал ассистентом Гудини в первые же беспокойные месяцы и оставался с Гарри долгие годы.

Сознавая, что его популярность зависит от рекламы, в Дрездене Гарри первым делом попытался поставить номер, по сравнению с которым работа других артистов, занимающихся наручниками, воспринималась бы как топорная кустарщина. В детстве, купаясь в Ист-Ривере, он всегда дольше всех просиживал под водой. Почему бы не прыгнуть в реку в крепких оковах, чтобы вынырнуть свободным и раз и навсегда потрясти публику?

Когда Гудини попросил разрешения прыгнуть с моста, полиция ответила, что выходки подобного рода запрещены. Однако Куколь снискал расположение высокого должностного лица из тайной полиции, предшественницы Гестапо. Человек этот, по сути дела, заправлял всей немецкой полицией. Чиновник заявил, что Гудини может осуществить свой публичный прыжок. Арестовывать его за это никто не имеет права.

И вот Гарри обвешали наручниками, кандалами и цепями. Он погрузился в воду и оставался там до тех пор, пока толпа наблюдателей не сочла его утопленником. И тут он вынырнул, отбрасывая с глаз длинные волосы и вытряхивая воду из ушей, чтобы слышать приветствия собравшихся. Когда он выбрался на берег, полицейский, в чьи обязанности входило не пускать гуляющую публику на газоны, тотчас же задержал артиста и отвел его в полицейский участок, где Гарри оштрафовали на пятьдесят центов по обвинению в ходьбе по газонам.

Герр Густав Каммезетцер, директор Центрального театра, не знал, что делать, и впадал то в восторг, то в смятение. Он восхищался этим тщедушным, но выносливым американцем, этой курицей, несущей золотые яйца, и прославившимся своим прыжком на всю Германию. Смятение же объяснялось тем, что ради рекламы он нарушил священные законы Рейха, пусть даже нарушение это было таким пустячным, что приравнивалось к хождению по газонам!

Прыжок в реку с целью освобождения от оков под водой не карается ни законами страны, ни земельными уложениями, ни городскими установлениями, и все же Гарри испытывал смутную тревогу. А ведь это было только начало. При помощи Гарри Дэя, дергающего за нужные ниточки, и Франца Куколя, тоже исподволь делавшего свое дело, Гудини исполнял номера, которые германские газеты не могли обходить молчанием.

Не знающее поражений трио устроило Гудини испытание в королевской полиции в Саксонии и получило заявление шефа этой всесильной службы. В нем говорилось, что американский артист действительно способен посредством ловкости рук и знания устройств замков освободиться от наручников и кандалов, добросовестно надеваемых на него служителями закона

Рейха. Заявление попало в газеты, и у Гарри появился прецедент, которому не боялись следовать в других городах. Иными словами, он больше не был вне закона.

Началась забавная борьба. В Вене герр Вальдман пытался вынудить «Винтергартен» уволить Гудини, затем просил «Алхамбре» разрешить начать ему выступления на месяц позже назначенного в контракте срока.

Следя за борьбой директоров, Гарри вырезал статьи из газет и в шутку отправлял их своим друзьям вместо писем. Как бы он ни рассказывал о своих триумфах, пресса все равно сделает это куда убедительнее.

Количество имитаторов Гудини было огромно, и на номера с веревочными узлами, наручниками и цепями существовал стойкий спрос. Европа с ума сходила по освобождениям. Гарри очень жалел, что у него нет двойника. Как много тогда можно было бы сделать!

А почему бы и впрямь не завести двойника? Ведь Дэш работал с ним в старые времена. У Дэша даже лучше выходило освобождаться от веревок, чем у Гарри. К тому же он может обучить Дэша обращению с немецкими замками.

И Гарри послал за Дэшем, чтобы разделить с ним славу и деньги, которые текли рекой. Дэш прибыл тотчас же и вместе с ним приехала миссис Вейсс. Это превратило успех Эрика в подлинный триумф.

Миссис Вейсс приехала в Гамбург, где выступал ее неожиданно ставший знаменитым сын, как раз в то время, когда Гарри награждали серебряным кубком, увенчанным орлом с триумфально расправленными крыльями. Да, мать обязательно должна была стать свидетельницей такого признания.

В январе 1901 года скончалась королева Виктория и Гарри случайно увидел в одном лондонском магазине платье, которое было сшито для Ее Величества. Он убедил владельца продать ему это платье, у его матери и покойной королевы был одинаковый размер.

Тем временем директора продолжали войну за Гарри. Театры Дэя уже давно назначили ему предварительное жалование и упорно боролись за то, чтобы сохранить для себя фантастически популярный номер, который уже стоил, по крайней мере, втрое больше. Никто не юлил и не торговался, когда опьяненный

успехом Гарри требовал тот или иной гонорар: ведь люди валом валили смотреть на его мастерство, и он это видел.

Когда он повез мать в Будапешт на встречу с кучей раздираемых завистью родственников, то выложил столько денег на какую-то особенную рекламу, что они с матерью приехали в этот город практически разоренными. Но Гарри возобновил работу и получил в свое распоряжение знаменитейший зал Будапешта — с пальмовым садом под стеклянной крышей по краям и с королевской ложей, в которой теперь восседала его мать. Это был триумф, о котором только может мечтать мальчишка, желающий порадовать мать. И Гудини никогда не достигал в этом отношении больших вершин, ни разу до дня смерти своей матери.

Европейские гастроли — Германия, Англия, опять Германия — в конце концов привели Гарри в Париж, где он дал первое представление в декабре 1901 года. Наконец пришло время отдать дань уважения кумиру его детства, «отцу современной магии» Жаку Эжену Роберу Гудину.

Гарри решил истратить все свои свободные деньги на старые афиши, программы, письма, автографы — все то, что касалось жизни его героя. Приступив к коллекционированию, он к своему величайшему удивлению обнаружил, что вдова великого артиста еще жива. Гарри посетил кладбище, где возложил на могилу французского фокусника огромный венок. Там не было могильного памятника жены и вскоре обнаружилось, что вдова Робера Гудина спокойно жила на одной из парижских окраин. Гарри поспешно облачился в свой новый цветастый наряд: полосатые брюки, визитку и шелковый цилиндр с жемчужной булавкой. С витиеватыми выражениями любезности подал он свою визитную карточку пожилой горничной. На карточке было только одно слово — «ГУДИНИ».

Через несколько минут горничная возвратилась с неприятным известием, что мадам не знает и не желает знать никакого Гудини. Сказав это, она бесцеремонно захлопнула дверь перед носом молодого человека.

Этого Гарри снести не мог. Он вернулся в гостиницу вне себя от гнева и сорвал зло на Бесс и Франце Куколе. «Наглость этих высокомерных обманщиков!.. А я еще таскал цветы на могилу старика! Когда я при-

шел к ним, они вели себя так, словно я бродяга, выпрашивающий подачку. Кто терпит такое в Америке? Собак — и тех так не встречают! Обманщики! Мошенники! Месяц прошел с тех пор, как я впервые выступил здесь. Гудини гонял их как щенков в Гамбурге, Берлине, Дрездене. В Руре они сломали одну стену театра, дрались за то, чтобы сесть на подмостках сцены — на сцене было столько народу, что не развернуться, стоячие места продавались по восемь фунтов. Я — величайший человек, которого они когда-либо видели! А эта семейка Гудини выставляет меня с порога! Что я, прокаженный, или что-нибудь в этом роде? Я им покажу. Уж они меня запомнят! Нарываются на грубость — грубость и получают!»

Когда он умолк, чтобы перевести дух, его лицо было багровым, грудь ходила ходуном. Куколь позволил себе заметить, что пожилая мадам Робер-Гудин живет уединенно, и не знала, кому она отказала от двора. Гудини хорошо бы познакомиться с кем-либо из высшего парижского общества, человеком, который был бы стеснен в средствах и который охотно представит его друзьям вдовы Робер-Гудина, а потом передаст, что молодой американский иллюзионист хотел бы повидать вдову кумира своего детства и выразить уважение, благоговение перед личностью Маэстро.

«Уважение! Ничего подобного, — Гарри задыхался. — Я напишу книгу, разоблачающую старого мошенника, старого обманщика. Его книга — сплошное вранье. У меня есть театральные афиши, я могу доказать, что никакой он не великий изобретатель. Он крал изобретения других людей. Великий Робер-Гудин. Он был не более чем заурядным воришкой. Он ничего не изобрел сам, и я могу это доказать. Я напишу книгу. Я создам о нем такой труд, что он в гробу перевернется!»

Бесполезно было пытаться вставить хоть слово утешения. Бесс молча ждала конца этой тирады. Куколь извинился, коротко поклонился мадам Гудини и вышел.

Наконец Гудини схватил свой цилиндр из угла, куда швырнул его, и принялся рукавом надраивать его. Бесс почувствовала жалость. Он был словно мальчишка, которого выгнали из чужого двора.

Через семь лет Гудини опубликовал за свой счет

книгу под названием «Робер Гудин без маски». Собирая материал для нее, он просмотрел все коллекции Европы, скупил все заметки об иллюзионистах, автобиографические и личные письма; посылал запросы о старых театральных афишах, о программах, вырезках и собрал одну из величайших в мире коллекций книг и статей по магии. Так он сослужил величайшую службу всем иллюзионистам, в точности воссоздав старые театральные афиши и программы. Робер-Гудин оказался без маски только в одном отношении: его представили приспособленцем, а не изобретателем. Кроме того, его жизнеописание было создано профессиональным литератором. Гудини, который хотел как бы вынести собственную судьбу в ткань жизни своего кумира, проделал это самым блистательным образом.

14.

Именем Кайзера

После представлений в Париже Гудини поспешил в Германию, потому что подал в суд на одного полицейского, обвиняя его в клевете в ответ на обвинение офицера в мошенничестве, опубликованное в популярно немецкой газете за 25 июня 1901 года.

Основной смысл статьи Вернера Граффа заключался в том, что Гудини пускал немцам пыль в глаза, и его следует отстранить от выступлений в Германии. По словам Вернера, раз никто не мог освободиться от чего угодно, а Гудини мог, следовательно, он был виновен в искажении своей рекламы. Это было довольно хлипкое обвинение, но полиция кайзеровского Рейха была так сильна, что могла любому обвинению придать вес.

Гудини пришлось попотеть, чтобы найти адвоката, герра Шрейбера, которому достало храбрости возбудить в немецком суде дело против германских официальных лиц, и битва началась.

Дело Гудини против Вернера Граффа по обвинению в клевете было рассмотрено в суде Шофенгерихт Кёльн 19 февраля 1902 года. Графф попросту предстал перед судьями и объяснил, что эстрадный артист Гудини был способен освобождаться лишь от своих

собственных наручников и цепей, в то время как в рекламе утверждалось, что он может избавиться от любых наручников, кандалов и цепей. Это, объяснил Графф, было явное искажение, так как каждый знал, что преступники не в состоянии освободиться от наручников, кандалов и цепей, должным образом надетых на них офицерами Рейха, знавшими свое дело.

Адвокат Гудини сманивировал, заявив, что объяснение Граффа было, по сути дела, вызовом. В результате Графф согласился, чтобы полицейский Лотт надел на запястья Гудини регулируемую цепь с висячим замком.

Достопочтенные господа Графф и Лотт не знали, что эта цепь была одним из стандартных приспособлений американских цирковых аристов и что Гудини начинал свою цирковую деятельность в дешевых балаганах именно с них. Задолго до приезда в Рейх Гарри знал множество способов ослабить цепь и сбросить их с запястий. Все это он и продемонстрировал прямо в зале суда к большому огорчению Вернера Граффа.

Суд вынес решение в пользу истца, и Граффу «именем кайзера было приказано публично принести Гудини извинения».

Графф и его коллеги обжаловали дело в верховном суде, а тем временем заказали слесарю замок, который, однажды закрыв, невозможно было бы открыть даже ключом. Конструктор этого замка, мастер-механик Крох, выполнил заказ, но дал маху. Перестаравшись, он изготовил и ключ.

На сей раз Гудини боролся с замком. Он попросил, чтобы его оставили одного. Ему было разрешено взять замок в комнату, предназначенную для судей. Размышлял он ровно четыре минуты, и хитрый замок открылся.

Если происшествие описано верно, можно предположить, что у Гудини было сверло, которым он воспользовался, впоследствии ввернув в маленькую дырочку болтик и заделав отверстие припоем. На этот раз в условиях пари не указывалось, каким образом должен быть открыт замок. Суд вновь пережил потрясение и опять оправдал Гарри.

Графф и его коллеги опять обжаловали решение суда, на сей раз обратившись в верховную инстанцию. Повелитель наручников снова одержал победу, и пять высоких судей поставили свои подписи под решением,

в котором говорилось: «Будучи признан виновным в клевете, Вернер Графф приговаривается к штрафу в размере тридцати марок, либо к шести суткам тюремного заключения. Он должен также выплатить издержки по всем трем процессам. Гудини имеет право на одну публикацию вердикта в кельнских газетах за счет Вернера Граффа».

Итогом победы американца над ненавистой полицией стало изменение отношения к нему. Теперь простой люд боготворил его. Да и интервью проходили по-другому, обрастая все более красочными подробностями. Обычно он рассказывал, что после своей победы в высшем немецком суде он по просьбе судей открыл массивный железный сейф. Подробно излагая это приключение, Гудини драматически описывал страх, испытанный им, когда он приближался к стальному чудовищу. А выяснилось, что по какому-то недосмотру ящик был не заперт и открывался простым поворотом ручки.

Окончательный вердикт был подписан 24 октября 1902 года. Но пока длилась судебная проволочка, Гарри был, как всегда, деятелен. Осенью 1901 года шеф полиции Ганновера граф Шверин напялил на него полицейский смиренный жилет. Гарри «одолел» его за час и двадцать пять минут, как сообщалось в немецкой прессе. Нельзя сказать, что это было, либо долгая и мучительная настоящая борьба, либо показуха. Или кто-то вмешался, и тогда Гарри действительно пришлось туго, если ремни жилета были стянуты за спиной. Как бы там ни было, директор театра, господин Меллини, счел это достойным событием и устроил бенефис, на котором премировал Гарри пятьюстами марками и серебряным венцом. Эти предвоенные годы были эрой наивности в сравнении с последующими пятьюдесятью. Сегодня такое щедрое подношение вызвало бы подозрение, газетчики написали бы, что артист сам оплатил этот приз.

В апреле 1902 года Гудини ненадолго съездил в Соединенные Штаты повидать мать. Он был там всего одиннадцать дней, потом поспешил обратно, так как должен был гастролировать с цирком «Порти-Алтофф» по Голландии.

Он медленно и иногда в муках создавал свои собственные способы рекламы. В Голландии ему пришла в голову необычная идея приковаться за руку к вет-

ряной мельнице. Но деревянное крыло сломалось, и он упал с высоты пятнадцати футов. Гудини получил сильное сотрясение мозга, но обошлось без переломов.

Подвиги в немецких судах укрепили его в мысли, что публиковать можно только апробированную рекламу, поскольку провал на публике может уничтожить кропотливо созданную репутацию человека, для которого не существует преград. В случае победы над очередным соперником тот терял совсем немного. Поражение лишало Гарри всего без остатка.

Затем Гудини понял, что скрыть истину можно, не прибегая к лжи. Просто надо уметь утаивать часть правды. Для газетных статей такое в порядке вещей. Да и никто и не требует от артистов судебной присяги. В свой первый приезд в Англию в 1900 году, когда он освободился от наручников, сидя в задрапированном ящике, у Гарри не было «Панча». Вскоре он понял, почему газетный репортер утверждал, что передняя дверца ящика не была неизвестным приспособлением и, значит, фокусник вполне мог воспользоваться услугами ассистента, спрятанного в ящике или проникшего туда через потайную дверь, чтобы освободить артиста.

На цирковых представлениях или на представлениях в дешевых балаганах не могло возникнуть подозрений по поводу потайных дверей или спрятанных ассистентах, так как представления разыгрывались на подмостках, иногда укрепленных просто на деревянных рамах. Гудини никогда бы не подумал, что его мастерство можно объяснить таким образом, и он поспешил предвосхитить догадки такого рода, используя для снятия наручников специальный шкаф. Это был небольшой задрапированный каркас, но низкий, чтобы во время освобождения была видна голова артиста. Затем он понял, что мог бы утверждать: «Я работаю на виду у публики», — что более-менее соответствовало действительности, ведь его голова (но не руки и ноги) была отлично видна.

Гудини пользовался этим маленьким ящиком все время, пока работал с наручниками. Наручники снимались, а публика тем временем смотрела на лоб фокусника и видела катящиеся по нему капли пота. А Гарри знай себе расправлялся с замками. И наконец, появлялся перед занавесом, кланяясь зрителю.

Наконец-то Гудини нашел наилучший способ «про-

давать» трюк с наручниками. Впоследствии он так и действовал. Менее дерзкий и менее самолюбивый артист оставил бы без внимания клевету Вернера Граффа в газете, немного изменил бы свой репертуар и был бы посдержаннее в своих претензиях, находясь в Германии. Это помогло бы избежать неприятностей. Но Гудини их не боялся и всегда давал достойный отпор. Успех в борьбе с немецким полицейским научил его одному важному принципу: пусть все видят, как ты бьешься с замками. В конце концов он всегда побеждал, пусть и не «именем кайзера». И никто больше не шельмовал Гарри в прессе, опасаясь неизбежного возмездия Повелителя наручников. Да он мог ничего не бояться. Но вскоре ему предстояло покорить страну, которой правили цари и в которой спустя несколько лет начались еврейские погромы.

15.

Неуязвимый ящик

Во время своей поездки в Германию Гудини разработал устройство, которое помогло выработать направление его профессиональной деятельности — «спасательный ящик». Название это не очень вяжется с театром и не совсем благозвучно, но Гудини вложил в это устройство все свои знания, которые накопил, работая над номером с наручниками и кандалами. Когда он открывал программу в Берлине, она включала в себя новый трюк. Посылочный ящик, построенный в местной плотницкой мастерской, был на несколько вечеров перенесен в фойе театра. Через неделю, на заключительном вечернем спектакле, Гудини залез в него, а плотники стали прибивать крышку гвоздями, после чего ящик был закрыт занавесями большого шкафа.

Пока оркестр гремел, нагнетая напряжение, затаившая дыхание публика предвкушала чудо. Напряженность достигала высшей точки, и Гарри появлялся из шкафа, а лучи прожектора падали на посылочный ящик, по-прежнему заколоченный и стоявший в том же положении, в котором его оставили плотники. Такое впечатление создавалось даже у работников сце-

ны, отличавшихся наметанным глазом и специально занимавшихся проверкой.

Нельзя забывать, что первое крупное приспособление для трюков на сцене, появившееся у Гудини, когда они с Дэшем выступали в пивных и балаганах, был ящик. Первый был довольно громоздким, со скрытой доской, открывавшейся внутрь, чтобы можно было передвигаться. Этот ящик впоследствии был заменен сундуками самых разнообразных конструкций.

Свой первый трюк с ящиком в Германии Гудини построил на довольно простой уловке. Заказывая ящик, он дал плотникам грубый набросок и оговорил качество дерева, размеры досок и гвоздей. Гудини потребовал выставить ящик в фойе за неделю до спектакля, либо в витрине лавки рядом с театром, очевидно, это было частью игры. И никто не мог иметь никаких возражений. Но пока ящик стоял в примерной перед большим представлением, у Гудини было время вытащить гвозди с одной стороны и заменить их подпиленными, которые при беглом взгляде выглядели вполне обыкновенными. Однако, сидя за драпировкой в большом шкафу, Гарри мог резким ударом локтя незаметно вышибить укороченные гвозди. Крыша отскакивала, и артист освобождался. Можно было, хотя это требовало времени, вытянуть короткие гвозди и заменить их обычными длинными. Стук молотка заглушался оркестром, который громко играл «Бега колесниц», одно из любимых произведений Гудини.

В этом трюке репутация Гудини как Короля наручников очень пригодилась ему, так как трюк со снятием наручников и освобождение из закованного ящика строился на совершенно разных принципах. Гудини занимался магией с ранней юности и опытным путем обнаружил, что главный секрет заключался в отвлечении внимания зрителей. Есть несколько способов добиться этого. Например, исполнять один и тот же трюк несколько раз, но разными способами.

Выступив с этим ящиком, Гудини начал хитро намекать в газетных интервью и в рекламе, что он обладает «секретом», который заключается вовсе не в волшебном ящике; просто это — жгучая тайна, зная которую он творит свои чудеса. Причем, это не имеет никакого отношения к обычному набору уловок фокусников. Надувательство прямо-таки артистическое,

ибо почти все, что он делал, в действительности основывалось на различных принципах.

Когда Гарри стали подозревать в подмене гвоздей, он переименовал всю технику работы. Ящик собирали прямо на сцене, сколачивая непомерно длинными гвоздями, а потом Гарри пускал в ход устройство, которое с величайшим успехом применялось при выходе из тюремных камер, правда, не эстрадными артистами, а настоящими заключенными. Приспособление известно под названием «распорка решеток». Оно состоит из куска стальной трубки, крепкого болта с гайкой и гаечного ключа — все это можно было спрятать в разных местах и передать заключенным по отдельности.

Когда болт ввинчивали в гайку и та вплотную подходила к головке болта, стержень болта вворачивался в трубку. Все приспособление должно было быть достаточно коротким, чтобы могло легко входить между двумя железными прутьями, которые надо разогнуть. Когда гайка поворачивалась ключом, головка болта вращалась в одном направлении, а гайка — в другом. При этом возникала большая сила.

Выбираясь из корпуса пианино, куда Гарри сажали в наручниках, кандалах, смиренной рубашке и заколачивали пианино гвоздями прямо на сцене, он готов был выйти наружу еще до того, как публика успевала вогнать последний гвоздь. Расправившись с цепями и рубашкой, Гарри начинал собирать устройство из стальных клиньев Т-образной формы со специальным вращающимся бруском — распоркой. Поворачивая это устройство, Гудини снимал крышку корпуса независимо от длины гвоздей и крепости дерева. А потом Гарри под грохот оркестра приколачивал крышку обратно, уже не очень заботясь об аккуратности.

Опоясанный стальными обручами ящик, судя по записям Гудини, опубликованным Уолтером Гибсоном, не представлял трудностей. «Опоясанный проволокой или стальными обручами, полосы стали наложены на скобы с одной доской-затычкой, которая внешне не отличается от других, хотя она и фальшивая». Записи об этом не упоминают, так как они были сделаны для личного пользования Гудини. Стальные обручи, опоясывающие ящик, ловко скрывали эту фальшивую доску.

Плотники натягивали стальные полосы вокруг ящика, прибывая их очень короткими крюками, которые Гудини мог легко ослабить, потянув за доску с секретом, которая была вставлена загодя, пока ящик находился в распоряжении Гудини перед выступлением. Ящик не должен был попадать в руки плотников, желавших разгадать способ его работы после выступления. Но это не столь важно. Гудини никогда не предоставлял им этой возможности, пока он и его ассистент не заменяли эту фальшивую панель на первоначальную и не ставили крюки стандартной длины.

Когда это бывало сделано, ящик опять водружался в витрине лавки с ярлыком: «Это ящик, из которого всемирно известный артист Гудини, Король наручников, способный освободиться откуда угодно, выходит в Палас Театре».

Когда пошли слухи, что Гудини открыл корпус пианино секретной рогатиной, он предложил покрыть ящик кожухом, сделанным по форме ящика. Теперь внимание зрителей было приковано к кожуху. Ящик теперь осматривался бегло, проверяющие убеждались, что кожух прочный и плотно прилегает к ящику. Никому было невдомек, что тут могут быть дверцы и панели с секретом. Зрители напрасно тратили время: никакого секрета в кожухе не было.

В этом трюке, который стал одним из первых триумфов Гудини, потайная доска крепилась короткими ложными болтами снаружи и длинными винтами изнутри. Сев в ящик, Гудини принимался орудовать отверткой, выискивая с помощью фонарика длинные болты. Кожух обмотан шнурком, на него водружен шкаф. Гудини выставляет фальшивую доску и начинает развязывать шнур изнутри. Временами это бывало утомительно, но в те дни люди любили пройтись воскресным днем по парку и послушать местный оркестр. Так же и здесь, пока Гудини находился в ящике, они ждали, слушая концерт. Когда Гарри, быстро переставив короткие ложные болты внутрь, ставил панель на место и проворно прикручивал ее длинными болтами снаружи, а затем завязывал шнуры чехла так же, как прежде их завязали члены комиссии, ему оставалось лишь картинно появиться перед рукоплещущей публикой.

Но весной 1903 года Гудини не ограничился трюком с ящиком. В Лондоне он вспомнил свой индийский трюк

с иглами и показал его перед публикой. Номер понравился, и его приняли с восторгом. Везде, где выступал Гарри, он неизменно начинал с побега из местной кузницы или тюрьмы ближайшего города, власти которого выказывали готовность к сотрудничеству. Гудини не мелочился, он всегда требовал, чтобы его посадили в ту камеру, где сидел какой-нибудь злостный преступник, известный своими побегами из тюрем.

Свидетельства, подписанные офицером, тюремщиком, констеблем или кем-либо другим, всегда были частью ритуала успешного освобождения Гудини из тюрем. Такие официальные документы не раз вызывали бурю удивления, когда помощник артиста раздавал на улице рекламные листки со свидетельствами из участка, откуда Гудини вышел несколько минут назад. Рекламные листки были отпечатаны заранее, и Гарри получал удовольствие, лично вручая их зрителям перед тем, как войти в тюрьму, где его ждали чиновники и репортеры. По крайней мере, однажды он любезно преподнес такой листок начальнику тюрьмы, едва войдя в здание.

Гарри Дэй организовал Гудини выступление в московском дворянском собрании, и таким образом в мае мужественный американец отправился на землю икон, водки и кнута.

В отличие от Германии, где замки считались лучшими в мире, русские замки от сундуков или от тюремных камер сработаны довольно топорно. Гудини должен был эффектно преподнести себя. В качестве ударного трюка он выбрал страшный вагон, в котором кандалников везли в Сибирь. Это была передвижная стальная камера, взгроможденная на колеса и влачи-мая лошадьми.

Такой вагон был изобретен, чтобы предотвратить побеги политических заключенных во время их долгого трехнедельного путешествия в Сибирь. Он был сделан из листовой стали, двери находились сзади. Дверной замок был снаружи. Для вентиляции — одно оконце, площадью восемь дюймов, пересеченное четырьмя стальными прутьями. Окно находилось не менее, чем в трех футах от замка, который, по мнению Гудини, был сделан так, что ключ, которым его заперли в Москве, не мог его открыть. Отпиривший замок ключ хранился в Сибири, на месте назначения вагона. Такие ужасы представляются невероятными, и репорте-

ры не раз запугивали Гарри всякими страстями, и «жуткий замок» как нельзя лучше подходил для этой цели.

В одном мы можем быть твердо уверены, ибо это типично для методов Гудини: производя предварительный осмотр фургона, он сосредоточил все свое внимание на замке, а тем временем верный Франц Куколь, уронив на землю спичечный коробок, получил возможность рассмотреть днище фургона.

Печально известный фургон, где запирали каторжников, не был снабжен никакими санитарными удобствами. По прибытии в Сибирь заключенного выводили, а фургон окатывали водой из ведер, как клетки хищников в цирке. Изнутри камера была облицована листами цинка. Но если стены и дверь камеры были обиты прочной сталью, настил был сравнительно податлив. На это Гарри и рассчитывал. Он никогда не рекламировал способов освобождения, которых не испробовал и в эффективности которых не был уверен. Поэтому началась подготовка.

Чтобы выйти из фургона, Гарри нужны были два инструмента. Очевидно, предполагалось, что Куколь либо передаст их ему после того, как Гудини будет обыскан или подложит в определенном месте по дороге к фургону, а тот подберет их при помощи восковых подушечек на подошвах. Но в последнюю минуту начальник тайной охраны Лебедев расстроил их планы. Он учинил дерзкому американцу врачебный осмотр. Эскулапы перевернули волосы, заглянули в уши, нос и даже задний проход. Рот и ступни тоже не остались без внимания.

Однако Куколю удалось незаметно передать инструменты Бесс. И вовремя: врач и охранник тотчас схватили Франца и отвели в смежную комнату, где также подвергли дотошному досмотру по приказу начальника.

Когда русские были удовлетворены и убедились, что у Гудини не спрятано при себе никакого устройства, они крепко связали ему руки и отконвоировали его на задний двор тюрьмы, где стоял фургон. Они сделали ему одну уступку: фургон был поставлен так, что двери не было видно. Таким образом Гудини опять отвлекал внимание наблюдателей на другое, так как дверь была ему совершенно ни к чему.

Гарри был водворен внутрь, после чего фургон

дважды обмотали цепями с замками, которые располагались спереди. Это была дополнительная трудность, против которой Гудини громогласно возражал, сидя внутри. Лебедев только засмеялся и пошел в здание.

Спустя полчаса Гарри подозвал тюремщика, стоявшего в углу двора, и попросил разрешения поговорить с Бесс. Лебедев дал разрешение, когда часовой доложил, что американец близок к истерике. Страшный Лебедев, оказывается, был трогательно сентиментален. Бесс что-то шепнула Гарри через зарешеченное оконце, потом поцеловала его долгим поцелуем. Откуда-то возник Лебедев и оттолкнул ее, но она вырвалась и подбежала к окну, чтобы в последний раз поцеловать Гарри. Затем охранники впихнули ее обратно в здание. Бесс плакала навзрыд, но то были слезы облегчения: она сделала свое дело.

У нее во рту были спрятаны два инструмента — миниатюрный консервный ключ и стальная часовая пружинка.

При побегах из тюрем заключенные пользовались последним инструментом со времен изобретения часов, но он требует осторожного обращения. Виктор Гюго знал об этом приспособлении; в «Отверженных» бывший каторжник Жан Вальжан использовал его, чтобы освободиться от веревок, которым его связал подлый Тенардье. Гюго не знал лишь, что этой штукой не перепилить веревку, но зато она очень эффективна против железа и твердого дерева.

Заполучив эти необходимые приспособления, Гарри принялся за работу, взрезая цинковый пол фургона консервным ключом по периметру стен в паре футов от них. Потом в ход пошла пружинка, которой Гарри прошелся вдоль стен по стальному покрытию.

Вырезав достаточно широкий люк, он отогнул цинковый настил и ввел его края в распилы на стене. Затем, сунув инструменты в рот, вылез и пошел по тюремному двору, окутанному студеными сумерками майского вечера. На нем была только роба для заключенных, которой Лебедев снабдил своего добровольного узника.

Когда он вошел в здание, Лебедев выказал удивление, но это не спасло Гарри от обыска.

Газетчиков не было, но Гудини ликовал. В гостиницу он вернулся на дрожках. Он проглотил приспособ-

собления во время второго обыска и оторыгнул их после осмотра, когда облачался в костюм. Уроки старого японца и часы упражнений с помидором на веревке не прошли даром.

Во всяком случае, именно так неуловимый американец преподнес историю с фургоном репортерам, находясь уже за пределами России.

Если фургон был сконструирован так, как он описал, нам следовало бы догадаться, что Гарри пользовался именно такими приспособлениями. Но у знатоков трюков с освобождением есть некоторые сомнения. Один недоверчивый специалист сказал мне: «Подумайте сами, это же была Русь-матушка. Черт возьми, самый простой способ выйти из тюремного фургона в России — сунуть в нужное место сторублевку. А нужное место — карман тюремщика!»

16.

Осложнения и нетерпеливые толпы

У Гудини был контракт на четыре недели в Московском дворянском собрании. После удачных манипуляций с консервным ключом в ужасном фургоне его гонорары были удвоены. На него сыпались приглашения. В общей сложности он выступал в разных театрах Москвы четыре месяца. В течение недели, что он выступал перед Великим князем Сергеем, его гонорары вместе с отчислениями в театре составляли 350 фунтов или 1750 долларов по курсу 1903 года, когда хорошая комната в театральной гостинице стоила доллар, за обед с вином брали 15 центов.

Покинув Москву, Гарри три недели выступал на нижегородской ярмарке. Всю жизнь Гудини слышал об этой ярмарке, как о величайшей и богатейшей в мире. Сам город стоял на полдороге между Москвой и Уралом, в шестистах милях южнее Петрограда.

Впервые эта ярмарка упоминается в русских летописях в 1366 году, но еще задолго до этого монахи обители Святого Макария устраивали на ее месте церковные соборы, оделяя едой и питьем странников. Эти грандиозные соборы впоследствии превратились в

торжище, ставшее крупнейшим в мире. Расположено оно было очень выгодно, в месте слияния Волги и Оки, и европейские купцы могли обмениваться тут товаром с персидскими и астраханскими караванами.

Целыми днями Гарри и Бесс бродили по лабиринтам рядов, где были разложены шелка из Китая и шкуры диких лошадей, привезенные татарскими племенами. По вечерам чужеземцы, в свою очередь, восхищались человеком, который мог освободиться от наручников и цепей и таинственно выходил (возможно, не без помощи колдовства) из заколоченного ящика, утыканного гвоздями. У маленького Рабби Вейса, Эрика, все обстояло прекрасно, он «убивал их» ежевечерне, как сообщал он в своих письмах домой.

В сентябре Бесс, Гарри и Куколь поспешили в Голландию, в цирк «Карр». В Дродрехте Гудини вышел из древней тюрьмы. Директор цирка пытался заключить с ним контракт на поездку в Италию, но у Гарри был уже подписан выгодный контракт в Германии, а затем — на полгода в Англии. В Лондоне Гарри бросили вызов, из-за которого он чуть было не попал в беду. Дело не ограничилось простой демонстрацией его мастерства.

Эпизод был описан в «Дэйли иллюстрейтед миррор» за 18 марта 1904 года: «Всего за час и десять минут Гудини снял наручники, предоставленные редакцией «Миррор». Вчера днем на большом ипподроме не было ни одного свободного места. Гарри Гудини, «Король наручников», вышел на арену и был встречен овацией, достойной царственной особы.

Уже несколько дней всему Лондону известно, что вечером в прошлую субботу на арену вышел сотрудник «Миррор» и в ответ на вызов Гудини надел на него наручники. Ответ на вызов американского патриарха Тайны получился достойный.

Поездивший по стране журналист однажды встретил в Бирмингеме кузнеца, конструировавшего замок в течение пяти лет и который, по его утверждению, не мог открыть ни один смертный. Сразу поняв, что это не пустые слова, журналист купил наручники с таким замком и привез их в Лондон.

Виднейшие лондонские механики пришли в восторг и единодушно признали, что за всю жизнь не встречали лучшего устройства.

В итоге издатели «Миррор» решили устроить мис-

теру Гудини серьезную проверку при помощи этих наручников.

Как подобает настоящему смортумену, мистер Гудини принял наш вызов, хотя, по его собственному признанию, ему не понравился вид замка.

Громадная аудитория

Поединок состоялся в три часа дня. Четыре тысячи зрителей с трудом сдерживали нетерпение, пока на сцене шли шесть номеров, предшествующих выходу иллюзиониста.

Возле ступеней, ведущих на арену, тихо и незаметно стоял сотрудник «Миррора». Когда его соперник вышел в центр, он присоединил свои рукоплескания к самой громкой овации, какая когда-либо устраивалась смертному.

«Я готов, — сказал Гудини, обращаясь к публике, — позволить сотруднику «Миррора», если он здесь присутствует, надеть на меня наручники».

Дружескими аплодисментами был встречен и журналист, когда он ступил на арену и пожал руку «Королю наручников». Затем репортер попросил добровольцев из зрителей принять участие в работе комиссии и проследить, чтобы игра велась честно. Мистер Гудини тоже попросил своих друзей выйти на сцену в качестве секундантов.

Гудини в наручниках

Итак, журналист надел наручники на запястья мистера Гудини и защелкнул их. Затем, с заметным усилием, он шесть раз повернул ключ, заперев замок так прочно, как это только было возможно.

Мистер Гудини обратился к публике: «Дамы и господа, сейчас на мне надеты наручники, которые британский механик делал пять лет. Я не знаю, смогу ли снять их или нет, но могу заверить вас, что приложу к этому все усилия».

Под восторженные аплодисменты иллюзионист удалился в будку — хранилище многих его великих секретов.

Часы показывали 3.15.

Члены комиссии выстроились перед помостом. Перед ними в центре арены стояла небольшая будка, ко-

тору Гудини любовно называл «обиталищем духов». Безостановочно вышагивавший туда-сюда представитель «Миррор» с беспокойством поглядывал на драпировки будки.

Ложные надежды развеяны

Если вы никогда не бросали кому-либо вызов, то не поймете, какую ответственность чувствовал этот журналист, открыто бросивший перчатку артисту, столь популярному у публики.

«Миррор» доверилась работе британского механика, и если бы Гудини освободился в первые же пять минут, вся эта история с вызовом приобрела бы сходство с обыкновенным фарсом.

Но время шло: 5, 10, 15, 20 минут... Оркестр прилежно продолжал играть. На двадцать второй минуте из «обиталища духов» высунулась голова мистера Гудини. Последовал взрыв рукоплесканий.

«Он свободен! Он свободен!» — кричали зрители. Но потом по трибунам пронесся вздох разочарования: стало ясно, артист вышел только затем, чтобы хорошенько рассмотреть замок при ярком электрическом свете.

Когда Гудини опять скрылся за драпировкой, оркестр заиграл вальс. Разочарованные зрители поглядывали на часы, бормоча: «Бедняга!». Они подбадривали Гудини рукоплесканиями, а журналист вновь принялся вышагивать туда-сюда.

На тридцать пятой минуте Гудини показался опять. Его воротничок съехал на бок, по лицу тек пот. Было видно, что ему жарко и вообще не по себе.

«У меня болят колени, — объяснил он зрителям. — Я еще не освободился».

Зал обезумел при виде решимости своего любимца, а это подало идею представителю «Миррор».

Он быстро переговорил с мистером Паркером, директором цирка, который сидел возле конюшен. Тот на минуту задумался, затем кивнул и что-то шепнул своему соседу.

Столь желанная поблжка

Вскоре появился человек с большой подушкой в руках.

«Миррор» не ставила целью испытывать мистера

Гудини пыткой, — заявил представитель газеты. — И если мистер Гудини согласится, я буду иметь большое удовольствие предложить ему эту подушку».

«Король наручников» заметно обрадовался. Он даже выставил колени из «обителю духов» наружу.

Дамы затрепетали от возбуждения. Несмотря на долгое ожидание, все продолжали сидеть в неослабевающем напряжении еще двадцать минут. Наконец Гудини опять высунулся из будки. По-прежнему в наручниках!

Когда это заметили, тысячи зрителей издали едва ли не стон. Гарри был в плачевном состоянии и пребывал в сильном раздражении, вызванном чрезмерным напряжением сил.

С минуту он оглядывался, затем обернулся к своему сопернику: «Не снимите ли вы на минуту наручники? — сказал он, — чтобы я мог освободиться от пиджака».

Журналист размышлял несколько минут. Затем он ответил: «Простите, что вынужден пренебречь вашими удобствами, но я не могу расстегнуть эти наручники до тех пор, пока вы не признаете себя побежденным».

Причина была очевидна. Мистер Гудини видел наручники закрытыми, но он никогда не видел их открытыми. Следовательно, журналист подумал, что в этой просьбе кроется некий подвох.

Пиджак принесен в жертву

Очевидно, Гудини не растерялся. Он с трудом извлек из жилетного кармана перочинный нож, зубами открыл его и, перекинув пиджак через голову, принялся без сожалений крошить его на куски.

Это всколыхнуло аудиторию, которая неистово закричала. Представитель «Миррор» пережил весьма нелегкие пять минут. Многие из зрителей не понимали причины отказа и громко выражали свое неодобрение.

Однако журналист непреклонно смотрел, как Гудини в который уже раз возвращается в будку. Время шло, и кто-то заметил, что иллюзионист уже в течение часа пребывает в наручниках. Десять минут волнующего ожидания — и вот публику охватывает восторг и изумление!

Победа

Лишь только оркестр кончил играть очередной марш, Гудини с победным кличем выбежал из будки, держа в свободных руках сверкающие наручники.

Поднялся восторженный крик. Мужчины бросали вверх шляпы, пожимали друг другу руки, женщины махали платочками, члены комиссии бросились вперед, когда какой-то мужчина поднял Гудини на плечи и сделал с ним почетный круг по арене.

Но потрясение оказалось слишком велико, и Король наручников рыдал, словно у него разрывалось сердце.

Однако ему все же удалось совладать с собой и принять поздравления от «Миррор».

Подарочная модель

Журналист объявил зрителям, что будет сделана чудесная серебряная модель этих наручников большей величины, и спросил мистера Гудини, согласен ли он принять их в дар через несколько дней.

Мистер Гудини сказал зрителям, что его много раз вызывали на состязания, но никогда он не чувствовал такого джентльменского соперничества и не участвовал в такой честной игре.

Жена мистера Гудини присутствовала на представлении. Но к тому моменту, когда он стал резать на себе пиджак, она была настолько изнурена, что ей пришлось покинуть трибуну.

Мистер Гудини заявил, что жена — его талисман. «Одиннадцать лет назад она принесла мне удачу, — сказал Король наручников, — и с тех пор мне не раз везло благодаря ей. А до брака я никогда не был так удачлив». Миссис Гудини — красивая, воспитанная, очаровательная, изящная и умная американка.

Телеграмма от спортсмена

Прошлым вечером от мистера Гудини пришла телеграмма следующего содержания:

*Издателем «Миррор»,
Кармелит-стрит, Лондон:*

«Разрешите мне поблагодарить вас за честное отношение ко мне вашего представителя во время сегодняшнего состязания. Должен сказать, что это было

одно из самых трудных, но в то же время и важных испытаний, через которые я когда-либо проходил.

Гарри Гудини».

Полный текст отчета об этом знаменитом состязании был дан «Миррором» таким образом, что мы можем изучать жизнь Гудини, какой ее видели газеты тех дней. Но многое можно прочесть и между строк.

Переписка Гудини с лондонским специалистом по магии Уиллом Голдстоном продолжалась около двадцати лет. Король освобождения писал своему другу, по крайней мере, раз в неделю. У Голдстона, одного из немногих иллюзионистов, занимавшихся спиритизмом, одно время были трения с его американским другом, но он всегда открыто восхищался мастерством Гудини, хотя и отказывался игнорировать или прощать неприятные черты характера последнего.

В декабре 1929 года, три года спустя после смерти Гудини, Голдстон опубликовал книгу «Сенсационные истории об иллюзионистах», которая включала множество воспоминаний о Гудини. В главе «Остался ли Гудини побежденным?» он описывает знаменитую историю с «Миррор». По Голдстону, после того, как Гарри подложил под колени подушку, он предпринял ловкий ход, разрезав на себе пиджак. По истечении часа он попросил свою жену принести ему стакан воды. Бесс сделала это, поставив стакан возле будки. Гудини зажал стакан запястьями и осушил его. Десять минут спустя он вышел из будки и швырнул на помост наручники. Голдстон пишет, что, по словам одного надежного его знакомого (имени он не назвал), Гарри потерпел поражение. После часа борьбы с наручниками он шепнул Бесс, что побежден и что его карьера погибла, если она не достанет ключ. Анонимные источники сообщают, что Бесс в слезах подошла к журналисту и объяснила ему положение. Что такое вся эта история для газеты? Рядовая публикация, и только. Скоро ее забудут. А ставка Гарри — вся его профессиональная жизнь. Мольба Бесс тронула добросердечного британца, и он дал ей ключ, который она положила в стакан с водой и передала мужу, спасая тем самым венец Короля наручников. Но друзья Гудини утверждают, что Бесс не могла сделать такого. Она была слишком перепугана и очень нервничала. Однако нельзя забывать, что в начале их семейной

жизни Бесс ревела, чтобы разжалобить владельцев гостиниц и мебелирашек, не говоря уж о том, что именно она расположила к Гарри капитана парохода, когда им надо было добраться до Бостона. Из воспоминаний известно, что Бесс была мастерицей патетической мольбы: хрупкое сложение, озабоченное личико, повадка маленькой девочки и длительная тренировка — не это ли был единственный ключ к наручникам «Миррор»? А рыдания Гудини, которого с восторгом несли на руках, были больше похожи на проявление унижения и ярости, чем на выражение каких-либо иных эмоций.

Некоторые фрагменты статьи «Миррор» подтверждают версию Голдстона: комплименты в конце, где воспеваются красота и ум Бесс; телеграмма Гудини, в которой он явно благодарит редакцию за нечто большее, чем просто честная борьба, — все это создает именно впечатление надувательства.

Как бы там ни было, Гудини освободился. И символично, что через несколько лет он описал знаменитый вызов «Миррор» в прекрасно изданной книге «Гарри Гудини: многостороннее дарование и полная приключений жизнь», которая продавалась в театральных киосках.

Жизнь Гудини была настолько суматошной и полной работы (он рьяно искал старых фокусников, покупал вырезки, афиши и программы прошлых лет), что, наверняка, нередко чувствовал необходимость в нескольких часах спокойных размышлений. С этой целью он любил забредать на кладбища.

Они буквально зачаровывали Гарри: его так и тянуло на могилы великих артистов. Возможно, это хобби появилось у него 23 октября 1903 года, когда Гудини выступал в дрезденском центральном театре. Тогда он нашел на кладбище давно забытую и запущенную могилу Бартоломео Боско, одной из звезд магии прошлого века. Срок аренды участка кончился, и земля должна была продаваться. И тогда тело Боско и его жены перенесли бы в яму на углу кладбища. Но Гудини предотвратил это, купив участок и передав его обществу американских иллюзионистов.

Это общество было основано 10 мая 1902 года в «маленьком магазинчике» во дворце магии «Мартиника» на Шестой авеню в Нью-Йорке. Поначалу Гудини держался особняком от своих собратьев по про-

фессии, возможно, опасаясь, что узнав его ближе, они перестанут преклоняться перед ним. Он пришел к ним, когда понял, что вместе с ними может сделать больше, чем если станет работать против них. В последующие годы Гарри проводил много времени в поездках по Соединенным Штатам, собирая клубы фокусников в маленьких отдаленных городках под эгиду общества, которое он возглавил за несколько лет до своей кончины.

Первые усилия Гудини по восстановлению могил на кладбище Фридрихштрассе в Дрездене увековечены на фотоснимке, который, возможно, сделала Бесс. На нем запечатлен Гудини с шелковым цилиндром в руке, стоящим у могилы. Возложение цветов на могилы великих иллюзионистов прошлых лет было для Гарри чем-то самым собой разумеющимся, так как он, в известном смысле, был очень сентиментален. Однако он не брезговал ни одной возможностью сделать себе рекламу, и впоследствии возложение венков на могилы фокусников всегда освещалось местными газетами. Один из биографов (старый хронометрист) пишет об этой черте Гудини: «Он стал членом общества наряду с другими иллюзионистами, но знаете ли вы, каких фокусников он любил больше всего? Умерших. Ему нечего было опасаться их соперничества. Он был странным парнем, этот Гудини. Был один верный путь поладить с ним — всегда соглашаться с его собственным мнением о себе. А в конце жизни он чуть ли не обожествлял свою особу».

Во времена Гудини было немало великих фокусников. С ними Гарри вступал в частые и серьезные стычки. Ни один старый или разорившийся артист не уходил от Гудини с пустыми руками. После смерти Гудини стало известно, что он содержал нескольких стариков. При жизни он никому и словом не обмолвился о своей благотворительности. Многие тайны Гудини были тайнами его сердца.

Обитель тайны

Сейф придуман для того, чтобы его не могли открыть снаружи. Но механизм замка должен был доступен для смазывания и починки. Он снабжен небольшой крышкой, обычно круглой, которая держится на двух винтах с внутренней стороны дверцы сейфа. Любой человек, знакомый с сейфами, может за несколько секунд вытащить эту пластину, добраться до замка и изнутри передвинуть рычажки.

В начале 1904 года Гудини решил, что пора изучать сейфы. Об этой стороне его деятельности мы во многом можем только гадать. Объявление, обнародованное Гудини, гласило, что он может освободиться из «любого банковского сейфа города Лондона». Этот вызов был тотчас же принят фирмой по изготовлению сейфов, которая по случайному совпадению как раз в это время выпустила новую модель, которой очень гордилась и которую хотела бы рекламировать. Гудини уточнил, что сейф, этот громадный ящик, должен быть доставлен в театр, Юстонский дворец варьете, за день до представления.

Понадобилась бригада рабочих, чтобы внести чудовище в театр, и бригада плотников для укрепления сцены, чтобы та выдержала вес сейфа. Другие номера в тот день и вечер пришлось исполнять, огибая ящик.

Из своего выступления Гудини выжал все, что мог. Поразвлекавшись освобождением от наручников, он извинился и покинул сцену, а вернулся в купальнике и халате. Он объяснил свои намерения, поблагодарил людей, сделавших сейф, за столь прекрасную модель, сказал несколько теплых слов об их многолетней работе и упомянул хорошо зарекомендовавшие себя образцы продукции фирмы. Он не забыл указать зрителям на то обстоятельство, что в сейфе мало воздуха. Значит, он либо освободится за несколько минут, либо умрет от удушья. Представители фирмы стояли тут же, готовые по истечении известного срока открыть дверцу.

Затем Гарри пригласил группу зрителей выйти на сцену, проверить сейф и удостовериться, что все че-

стно. Его обещание выйти из сейфа без всяких ухищрений осталось без должного объяснения. Среди добровольцев, вышедших на сцену, были хорошо известный местный врач и высокий, худощавый, лысый человек в роговых очках, который выглядел ни дать ни взять, как процветающий лондонский адвокат.

Гарри предложил доктору сделать полный медицинский осмотр. Он сказал, что для этой цели подходит сейф, если прикрыть дверцу. Один из членов комиссии также был приглашен присутствовать при осмотре.

Когда трое мужчин вышли, доктор по просьбе Гудини объявил зрителям, что он произвел полный осмотр и что артист не имеет никакой возможности спрятать что-либо при себе. Зритель подтвердил это.

Гудини поблагодарил доктора и посредника за содействие, торжественно пожал руки всем, включая лысого джентльмена. Гудини выглядел так, словно шел на расстрел.

Наконец он ступил внутрь сейфа, помешкал, будто собираясь с духом, и отрывисто сказал: «Итак, господа, можете закрывать дверцу». Когда дверца захлопнулась, перед сейфом поставили скрывавшие ее экраны. Зрители стали ждать.

Пятнадцать минут протекли в тишине, потом публика заволновалась. Представители фирмы-изготовителя сообщили зрителям, что Гудини условился с ними постучать по стенке сейфа, если он признает себя побежденным и потребует выпустить его. Они не слышали такого сигнала.

Кто-то из зрителей предположил, что гений освобождения мог потерять сознание. Напряжение нарастало. Несколько женщин так разнервничались, что их пришлось вывести из зала. Однако мучительная неизвестность продолжалась. Через сорок минут одна истеричная женщина закричала, что директор театра должен приказать остановить представление: Гудини, наверное, уже мертв.

На сорок пятой минуте вся толпа засвистела и стала кричать, чтобы сейф открыли. Когда истерия достигла своей высшей точки, один из экранов шевельнулся, и навстречу овациям шагнул бледный и измученный Гудини в насквозь мокрым купальнике.

На другой день рабочие перевезли сейф обратно в выставочный зал, и его осмотрела бригада механи-

ков. Устройство выглядело нетронутым. Как американцу удалось выйти, осталось загадкой¹.

На самом деле идея этого трюка возникла в мозгу Гудини среди ночи, когда он вскочил с кровати, схватил бумагу и карандаш и сделал заметки, чтобы ничего не забыть.

Решив освободиться из сейфа, неутомимый американец стал вести переговоры с ведущими лондонскими фирмами по их производству. Найдя последнюю и лучшую модель, Гарри обратился к директору по сбыту, чтобы выяснить, не слишком ли эта фирма дорожит своей репутацией. Некоторые компании избегали такой легкомысленной рекламы, какую сулил контакт с артистом. Первая ступень была преодолена.

Дуглас Джилберт в книге «Американская эстрада» упоминал о такой привычке Гудини:

«За время своей карьеры Гудини приобретал или добывал патенты на все замки, выпущенные в Соединенных Штатах, Великобритании, Франции и Германии. Он знал о замках больше, чем большинство слесарей».

Чарльз Кортни, самый умелый механик Нью-Йорка, всегда говорил, что Гудини было далеко до специалиста по замкам. По-своему Кортни был прав: существовала масса секретов производства, установки, обслуживания и ремонта замка, которых Гудини не знал и знать не хотел. Замки интересовали Гудини лишь с точки зрения возможности открыть их за самое короткое время. Однако руководство по эксплуатации сейфа он, несомненно, изучил гораздо более дотошно.

Когда Гудини понял, как выйти из несгораемого шкафа, он тотчас объявил, что может выйти из любого сейфа в Лондоне.

¹ Автор вел долгие и серьезные споры с почитателями магии по поводу целесообразности раскрытия секретов Гудини, таких как, например, этот. Почитатели утверждали (возможно, справедливо), что когда публика знает, как делаются фокусы, она теряет уважение, во-первых, к Гудини, а во-вторых, ко всем иллюзионистам. Я с этим не согласен. Если бы магия была тайным ремеслом, как в Индии, она оставалась бы неизменной, как магия индусов, которые веками переходит от отца к сыну, не развиваясь и не продвигаясь вперед. Магия развивается вынужденно: узнав, как делается фокус, изобретатель трюков получает возможность создать нечто новое. Поэтому не вижу причин скрывать, как именно Гудини расправлялся с сейфом.

После установки сейфа в театре Гудини приступил к работе. Он снял диск с внутренней стороны дверцы и убрал пружины, с которыми нельзя было справиться голыми руками, заменив их более слабыми. После обработки замок сейфа действовал замечательно. Гарри был нужен лишь специальный трезубец двухдюймовой длины, чтобы свинтить с его помощью диск и зацепить слабые пружины.

Такое устройство любой иллюзионист легко мог спрятать в руке или где-либо в другом месте на себе, но у Гудини не было шансов. Лысый очкарик судебного обличья, который помогал осматривать сейф, был не кто иной, как приятель Гудини Уилл Голдстон. Устройство было спрятано под кольцо Голдстона. Когда Гудини пожимал всем руки, Голдстон был последним. Пожав ему руку, Гудини получил необходимое ему устройство. Так что и тут нашелся способ.

На выход из сейфа понадобилась одна минута. Пока зрители медленно сходили с ума от напряжения, Гудини сидел на сцене за экранами, спокойно читая книгу, заблаговременно спрятанную под ковер, и время от времени поглядывая на публику сквозь щели в экране. Когда истерия достигла высшей точки, он спрятал книгу, взъерошил волосы и вышел, симулируя изнурение.

Чтобы добиться сенсации, мало было знать устройство сейфа. Нужна была гениальность Гудини. Если бы его секрет стал известен, появились бы толпы иллюзионистов, вылезавших из сейфов, но кто сегодня может назвать хоть одного?

Весной 1904 года в Лондоне Гудини занемог. Его рубашка пропитывалась потом еще до начала представлений, требовавших физических усилий. Как обычно, он не обращал на это внимания, но Бесс встревожилась. В конце концов ей удалось с помощью директора театра и других друзей убедить Гарри, что у него жар. Гудини заспорил, но врач объявил, что у него пневмония. Либо он ляжет в постель, либо попросту умрет.

Гудини с большой неохотой повиновался. Он, должно быть, был очень слаб, потому что провалялся несколько дней, а едва начав поправляться, тут же поехал домой. Он хотел быть рядом со своей матушкой.

Гарри и Бесс покинули Англию в первых числах апреля. В автобиографических записках Гудини гово-

рится, что он провел все лето этого года в Конектикуте, в своем поместье под Стэмфордом. Возможно, несколько дней он пробыл и в самом Стэмфорде, но скоро уехал оттуда.

Первым делом он пригласил к себе директоров эстрадных театров, разложил перед ними газетные вырезки о себе и рассказал им, как он выступал в Великобритании и Германии. Им было интересно, так как Гарри регулярно посылал им вырезки из газет, воспевающие его триумфы за рубежом. Он также написал из Европы письмо в газету «Нью-Йорк драмэтик миррор». Его статья представляла собой перечисление ведущих европейских артистов и американцев, играющих за рубежом. Она представляла собой смесь театрального жаргона и напыщенного «литературного» английского, но была содержательна и не выставляла выступления самого Гудини в каком-то особом свете. По крайней мере, после того, как она прошла через руки издателей «Миррор». Но крупные театры по-прежнему не предлагали ему гонораров, сравнимых с теми, что он получал в Европе.

То, что он делал, было в диковинку, и никто не мог сказать, пойдет ли в Штатах «европейская новинка». В чиновничьих кабинетах Гудини еле сдерживал себя. Возвращаясь домой, он давал волю своему гневу в присутствии Бесс. Чуть успокоившись, Гарри телеграфировал Гарри Дэю, чтобы тот расторг их контракты, подписанные после отъезда их из Англии, и попросил его распланировать его выступления на обозримое будущее.

«Итак, тут они знают о Гудини только из дешевых газет! — бушевал он перед притихшей Бесс. — В Лондоне с Гудини носились, как с генералом, который только что выиграл сражение. А здесь его не знают. Я им покажу. Я их проучу! Я еще вернусь сюда. Они еще сами станут упрашивать меня выступить тут! Они еще будут пресмыкаться перед Гудини!»

Гудини привез домой большое количество мемуаров и памятных вещей, имеющих отношение к магии. Многие он приобрел у известного коллекционера Генри Эванса Эвиньона, который оказался в одной с Гарри гостинице, когда тот поправлялся после воспаления легких. Эвиньон был старым, больным банкротом.

Гарри не имел времени на разбор всех этих мате-

риалов, равно как и места, чтобы хранить их. Кроме того, он хотел, наконец, вытащить мать из похожей на вокзал квартиры на 69-й улице.

Гарри решил обе эти проблемы, купив четырехэтажный дом из двадцати шести комнат. Это был дом номер 278 по Западной 113-й улице на Манхэттене. Там он разместил свою коллекцию книг по магии, театральных афиш, старых программ, писем, рукописей и старого реквизита. Все это он приобрел во время своих странствий, иногда — у вдов известных иллюзионистов, для которых эти вещи были не более чем пропыленным хламом.

В доме на 113-й улице, который Гарри всегда называл просто «278», хватало места в верхних комнатах, к тому же, там был просторный чердак.

И еще — большая ванна, в которой Гарри потом тренировался в пребывании под водой. Вопреки иным утверждениям, это был не бассейн, а просто большая ванна, в которой Гудини мог вытянуться во весь рост и полностью погрузиться под воду. То, что он тренировался, задерживая дыхание под водой, а вокруг него плавали куски льда, — истинная правда. Он готовился к своему знаменитому прыжку с моста в холодную реку зимой.

В этот приезд домой Гудини опять заглянул в город своей юности Эпплтон и посетил друзей детства.

Перед тем, как поехать в августе в Англию, Гарри купил место на кладбище Мэкпила на Кипарисовых холмах на Лонг-Айленде. Здесь он перезахоронил останки своего отца и брата, Германа Вейсса, записав при этом в дневник, что «зубы Германа прекрасно сохранились».

Он начал свои выступления в Глазго седьмого сентября и через два дня бросил вызов фирме по производству конской сбруи, заявив, что освободится из смиренной рубашки, сделанной для частного сумасшедшего дома. Гудини освобождался в течение пятидесяти минут, в присутствии сочувствующих ему и переживающих за него шотландцев. Посещаемость театра за неделю побила все рекорды, сбор составил тысячу четырехста фунтов стерлингов.

Соперничавший с Гарри мастер освобождения рекламировал свой вызов Гудини, объявив, что выберется из гроба без предварительной подготовки. Гроб

принадлежал ему, но подвергся беглому осмотру перед тем, как артист лег в него.

Гудини, разъяренный наглостью соперника, заявил, что разоблачит этого мошенника со сцены. 30 сентября, в присутствии полного зала, Гарри показал этот гроб и все средства, которые использовались, чтобы провести публику. Оказалось, что гроб соперника за день до выступления переносился в фойе театра, где длинные гвозди, держащие стенку гроба, заменили короткими. Гудини показал, как это делалось, а затем залез в гроб и выбил стенку головой после того, как гроб был плотно закрыт крышкой.

Но это была только разминка. Показав во всех подробностях ухищрения мошенника, который заменял длинные гвозди короткими (испытанный прием самого Гудини), Гарри пригласил комиссию осмотреть гроб, все детали которого были сколочены длинными гвоздями. Достав отвертку, он предложил зрителям вытащить любые гвозди по собственному выбору, даже из днища. Все выдернутые гвозди были признаны стандартными.

Затем Гудини крепко заколотил все гвозди на место, лег в гроб, а крышку не только закрыли, но и прибили гвоздями в нескольких местах, указанных комиссией. Когда Гарри заточили, он крикнул изнутри, чтобы члены комиссии опломбировали головки гвоздей по своему выбору. Кое-кто наклеил почтовые марки со своими инициалами на гвозди. Другие прилепили марки на стыках крышки боковых стенок гроба.

Затем гроб закрыли занавесом. Через несколько минут появился Гудини. Гроб, когда его показали публике, выглядел так же, как и тогда, когда Гарри сидел в нем.

Читая о фокусниках прошлого, мы часто чувствуем, что нам не хватает знаний о побочных обстоятельствах того или иного трюка. Однако на этот раз нам известно, казалось бы, все.

Как же Гудини вылез из гроба?

Некоторые разоблачители трюков имеют раздражающую привычку развенчивать их, называя «детскими игрушками». Я глубоко убежден, что не все детские игрушки так уж просты. И хотя этот трюк Гудини действительно оказывался чертовски простым, ребячества в нем не было ни на йоту.

Каждый гвоздь в днище гроба можно было выта-

щить и измерить, и тем не менее побег осуществлялся именно через днище. Каждый второй гвоздь просто не входил в боковую стенку, а шел вдоль нее. Можно было сколько угодно помечать шляпки гвоздей. Лежа в гробу за занавесом, Гарри перевернулся ничком, уперся коленями в днище и оторвал от него весь остальной гроб ценой невероятных усилий. Оказавшись снаружи, он совместил гвозди с отверстиями, попрыгал на крышке гроба, и все стало на место.

Проделав такой трюк, он наголову разбил своего соперника его же оружием и посрамил его.

Влияние Гудини в Британии было так велико, что он стал требовать за выступления процент от сбора. С помощью Гарри Дэя он получил за неделю две тысячи пятьдесят долларов. А в 1904 году не было налогов!

Часть этих огромных сумм тратилась на профессиональные нужды — чтобы оплатить услуги «восторженных» молодых людей, наемных хлопальщиков, обеспечивающих овации, а иногда — триумфально несущих великого человека до гостиницы, а потом томящихся снаружи в ожидании его небольшой речи с балкона.

Докой по разжиганию энтузиазма был старый Питер Барнум, чьи книги Гудини проштудировал от корки до корки. Создавая популярность великолепной певице Дженни Линд, Барнум устроил так, что несколько человек пронзительно визжали в экстазе, встречая корабль, на котором в Штаты прибыл этот «шведский соловей», а двое прыгнули в воды гавани, когда она спускалась по трапу. Естественно, эти проявления обожания получили должное освещение в печати.

Как-то раз в Лондоне Бесс, желавшая пошутить, решила узнать, что будет с Гарри, если она попробует прилюдно возбудить в нем ревность. Бесс всегда любила выпить бокал шампанского, если поблизости не было Гарри. Как-то на вечеринке один отставной полковник приударил за Бесс, и та со смехом села ему на колени. Гарри в комнате не было. С озорным видом попивая шампанское, Бесс обняла полковника за шею. И тут вошел муж. Он замер на пороге, лицо его стало серым, глаза округлились от ужаса. Казалось, его вот-вот хватит удар. Так выглядит человек, которого крепко стукнули в солнечное сплетение. Бесс соскочи-

ла с коленей полковника и поспешила к мужу, но Гарри утратил дар речи. Она пыталась убедить его, что это была шутка, глупый экспромт. В испуге Бесс объяснила хозяйке, что ее муж плохо себя чувствует, и поспешила увезти его домой и уложить в постель. Он был безутешен, большую часть ночи он проплакал. Прошло несколько дней, пока он не оправился, но имя полковника еще долго повергало его в отчаяние.

В январе 1905 года из Америки пришла телеграмма, в которой «королю освобождения» предлагалось шесть недель поработать в ведущих театрах Штатов за пять тысяч долларов. Ликуя, он тотчас же ответил, что согласен.

18.

Беликие времена

К 1905 году американская эстрада вступила в свой золотой век. Гениальный Тони Пастор стал первым, кто очистил варьете от непристойностей, запретил зрителям курить и пресекал хулиганство в зале.

Американская публика реагировала на это положительно: теперь в театр эстрады можно было ходить целыми семьями. Дамы могли приходить, не рискуя быть оскорбленными и ославленными соседями, поскольку и соседи тоже были в театре.

Вернувшись домой после триумфального европейского сезона 1905 года, Гарри и Бесс окунулись в этот водоворот жизни. Гудини начал выступать 2 октября 1905 года в театре «Колониал» у Перси Уильямса, что на углу Бродвея и 63-й улицы. Ему отвели роль «гвоздя программы».

В некотором смысле это было самое жуткое место в городе. Среди публики нет-нет да и попадались хулиганы, которые освистывали артистов или вспарывали кресла. Дневные представления в «Колониале» были сущим кошмаром даже для тех, кто умел ладить с публикой.

В тот октябрьский понедельник, когда огни в театре были тусклы, а на световой рекламе по обеим сторонам сцены горело единственное слово — «Гудини», толпа пребывала в напряжении. В течение многих лет

они слышали легенды об этом артисте, и наконец он здесь.

Оркестр грянул марш «Кайзер Фредерик», огни вспыхнули, занавес поднялся, открылась сцена. «Король освобождения» двинулся навстречу публике, вздернув подбородок и смело глядя в зал своими сероголубыми глазами. Осанкой, напряженностью тела, зловещим обликом он напоминал атакующего буйвола. Если кому и было суждено удержать в узле бродвейских головорезов в театре «Колониал», так именно ему.

Музыка смолкла. С едва заметной улыбкой Гудини поднял голову еще выше и заговорил резким пронзительным голосом, достигавшим галерки: «Добрый вечер, дамы и господа. Прежде чем познакомить вас с моими последними достижениями в области магии, я хотел бы показать вам, чего можно добиться путем постоянных тренировок. Освобождение из смиренной рубашки представляется вам совершенно невозможным. Я просил ассистентов затянуть ее на мне так крепко, как только возможно. Для начала я хотел бы сказать, что в моей работе нет ничего сверхъестественного. Все, что я делаю — лишь ловкость рук и тела. Я приглашаю на сцену комиссию, чтобы вы могли удостовериться в моей честности. Лестница слева от меня. Приглашаю я и тех, кто принес с собой наручники, кандалы или другие приспособления, чтобы проверить мои возможности. С вашего разрешения, я сниму пиджак».

Сила его личности была сродни натянутой тетиве арбалета. Публика напряженно притихла. Гарри остался в серой безрукавке и полосатых брюках — своей обычной одежде для дневных спектаклей. Облаченные в ливреи ассистенты принялись натягивать на него смиренную рубашку. Это были верный Куколь и маленький подвижный лондонец по имени Джим Викери. Кое-кто из вышедших на сцену зрителей был в дружбе с «королем освобождения». Им надлежало сделать все, чтобы какой-нибудь «чересчур глазастый» зритель не испортил представление.

Длинные волосы Гудини развевались, он шарахался то в одну сторону, то в другую, раскачивался, сгибался пополам, упираясь локтями в колени, чтобы ослабить рубашку и, подняв руки над головой, дотянуться до пряжки зубами. Публика сидела, потрясен-

ная. Когда Гарри сорвал рубашку и швырнул ее за кулисы, зал взорвался восторженными рукоплесканиями.

Пока Гудини бился с рубашкой, на сцене собрались люди с наручниками. Куколь стоял возле лестницы, очевидно, помогая джентльменам подняться. На самом деле он внимательно приглядывался к ним. Большинство из них были спокойные, благовоспитанные с виду мужчины, которых выбирали из толпы перед представлением. Один из людей Гудини спокойно подошел к ним перед спектаклем и предложил каждому вынести наручники на сцену. Если выходил кто-либо другой, человек, которого не ждали, Гарри немедленно получал предупреждение.

Участники сидели на стульях слева и справа от центра сцены. Первых четверых или пятерых наняли; они должны были надеть на Гудини его собственные наручники или кандалы. С пятью парами наручников Гарри были не страшны оковы любого вида, надетые человеком со стороны — будь то наручники с секретом, старинной конструкции или приготовленные специально. Когда свободны только предплечья, достаточно напрячь мышцы, тогда наручники нельзя застегнуть достаточно туго, и Гарри сможет попросту стряхнуть их, освободившись сначала от «своих». Если незнакомые наручники немного повредят кожу, и выступит кровь — тем лучше.

Иногда какой-нибудь изобретатель или механик делал специальную пару наручников с секретом, и когда такая пара выносилась на сцену, Гудини освобождался от нее по собственной методе. Первым делом он с обаятельнейшей улыбкой хвалил изобретателя, а потом говорил залу: «Дамы и господа, вот пара наручников, подобных которым я никогда прежде не видел. Их изобрел вот этот господин. Я попытаюсь высвободиться от этих наручников, которые, между прочим, хитрее всех, какие я когда-либо видел. Это будет вечером в четверг, здесь же, и я приглашаю вас понаблюдать за моей борьбой с наручниками».

Это было не только надежное средство заставить многих зрителей прийти вторично, но и способ хорошенько изучить наручники, подготовиться к любым сложностям. Надо сказать, что в Штатах, в отличие от Англии и Германии, изобретателей наручников было немного.

У какого-нибудь злопыхателя из публики было множество возможностей насолить Королю наручников. Но Гудини знал все эти подвохи. Обычно замки наручников забивались дробью или заполнялись водой. Тогда они ржавели, и их уже невозможно было открыть. Но Гудини предусмотрительно требовал, чтобы наручники всегда были в хорошем состоянии.

Иногда надо было принимать дополнительные меры предосторожности. В дни юности Гарри, когда Минни Вильямс устраивала сеансы с привидениями на 46-й улице, к ней иногда приходили докучливые насмешники. Таких скептиков Минни обычно приглашала посидеть в будочке вместе с ней, чтобы «убедиться, что все без обмана», предупреждая его о возможных случайностях и умело играя на струнах души. Случайности бывали, но спиритические. Они были сообразны поведению скептика. К голове смутьяна могли даже приставить дуло револьвера. Такое обращение с «умниками» произвело большое впечатление на Эриха Вейсса. И Гарри Гудини тоже не забыл о нем. Разбогатеv, он нанял помощников и проинструктировал их, как вести себя в крайних случаях. Когда незнакомец выходил на сцену и громко заявлял, что Гудини пользуется обманными трюками (например, что его связывают резиновым жгутом), его ждала стандартная процедура. Один из ассистентов зазывал скептика за кулисы, там его обступали другие и вежливо, но настойчиво предлагали покинуть театр через служебный выход. Если зритель упирался, его тихонечко «успокаивали» и оставляли лежать в какой-нибудь аллее.

Выступая в Нью-Йорке, Гарри впервые участвовал в выборах мэра города Вильяма Херста. Политикой Гудини почти не интересовался и голосовал за всех, кто хвалил его устно или письменно. Вероятно, его выбор объяснялся положительными рецензиями на выступления, опубликованные в газетах мистера Херста.

Гарри не забыл и не простил нежелания крупных театров платить ему по высшим ставкам в прошлом году. На Рождество он опубликовал в газете резкое открытое письмо, в то время как другие артисты рассыпались в поздравлениях театральным агентам. Письмо Короля освобождения начиналось довольно сердито: «Когда стало известно, что Гудини — чело-
век, выходящий из тюрем, — работает в Америке за

тысячу долларов в неделю, все стали называть его баловнем судьбы. Но сейчас ясно, что я — самый трудолюбивый артист, достойный куда большего гонорара, чем тот, за который он работает». Далее Гарри перечислял все европейские тюрьмы, из которых бежал, театры, в которых выступал при полных аншлагах, и приводил наиболее восторженные отклики прессы. Заканчивалось письмо совсем уж кратко: Гарри желает всем счастливого Рождества и Нового года.

1905 год закончился еще одной победой Гарри, хотя и гораздо более личного свойства.

Мать Бесс, католичка, никак не могла смириться с тем, что ее дочь вышла замуж за еврея. В начале зимы Бесс заболела и захотела повидать свою мать; Гарри приехал с ней в дом миссис Ранер, обосновался в гостиной и сказал, что не сдвинется с места, пока мать не признает его и не положит конец раазмолвке с дочерью. В конце концов дама смягчилась и уступила просьбам Гарри, возможно, немного побаиваясь его. Последовало примирение матери и дочери, и миссис Ранер с Гарри стали добрыми друзьями.

Кроме того, Гудини хотел отомстить одному из своих злейших врагов, доктору Уилсону, который основал в своем доме в Канзас-Сити, штат Миссури, ведущий в то время журнал по магии «Сфинкс». Гарри несколько раз посылал ему репортажи о своих выступлениях в Европе, ни один из которых доктор не посчитал достойным своего крупного журнала. Когда Гарри отправил ему телеграмму, Уилсон информировал его, что, если он хочет дать объявление в «Сфинксе», то должен оплатить его по обычным расценкам. Гарри взорвался, он поклялся, что отомстит подлому доктору, если даже ему придется основать для этого свой собственный журнал. Это была замечательная идея; чем дольше он ее вынашивал, тем больше она ему нравилась. И на следующий год он выпустил свой ежемесячный журнал «Чародей».

В течение многих лет Гудини и Уилсон враждовали к большому удивлению всех окружающих. Только через пятнадцать лет два гиганта магии встретились лицом к лицу, а встретившись, расхохотались и пожали друг другу руки, ибо поняли, что испытывают друг к другу огромную симпатию. Доктор Уилсон впоследствии шутил, говоря, что сожалеет о прекращении сво-

ей борьбы с Гудини, ибо «нет человека, сражение с которым доставляло бы такое удовлетворение».

Когда Гарри ненавидел, он ненавидел до конца. Но, помирившись с Уилсоном, он принял его в тесный круг своих ближайших друзей. Он глубоко обижался, если доктор Уилсон, приезжая в Нью-Йорк, останавливался в гостинице. У доктора был ключ от дома Гудини на 113-й улице.

В конце года Гарри ликовал: отчисления в его пользу подняли до тысячи двухсот долларов в неделю. За трюки со смиренной рубашкой, наручниками и ящиком он теперь получал в сто раз больше, чем когда выступал вместе с Бесс десять лет назад.

19.

Тюремные камеры и ледяная вода

«Федеральная тюрьма США, Вашингтон, 6 января 1906 года. Настоящим удостоверяется, что господин Гарри Гудини был раздет донага, осмотрен и помещен в камеру № 2 в южном крыле. В ней в свое время содержался убийца президента Гарфинда. Примерно за две минуты господин Гудини сумел совершить побег из этой камеры и войти в ту камеру, где была заперта его одежда. Затем он освободил из камер всех заключенных с первого этажа. На все это, включая одевание, господину Гудини понадобилось 21 минута».

Везде, где Гарри выходил из тюрьмы, он брал такие справки.

«Вашингтон Пост» от 7 января подробно рассказала об этом трюке и предложила свою версию случившегося:

«Все эти камеры выложены кирпичом, их двери утоплены на три фута в стену. В закрытом состоянии на стене со стороны коридора появляется рычаг, который при повороте вправо освобождает стальной засов, а тот приводит в определенное состояние пружину замка. Остается только открыть замки ключом, сделав не менее пяти оборотов. Все двери в коридоре открываются одним ключом».

В коллекции Сиднея Раднера есть несколько небольших стальных рычажков, собрав которые, можно получить один большой. Эти сборные части соединяются между собой в различных сочетаниях.

Должно быть, эти приспособления были спрятаны либо в самой камере, либо вне ее, но в пределах досягаемости. Когда рычаг был собран, открыть замки не составляло труда.

Завоевав, наконец, славу и успех на родине, Гарри, был вынужден работать больше и упорнее, чем когда-либо, чтобы удержаться на вершине. Он изобрел новый номер, который на сей раз, действительно, был совершенно новым. Подобного еще никто не проделывал, и это было под силу только великому артисту. Гарри добился своего и сезон за сезоном держал свою публику в напряжении.

Весь 1906 год Гарри выходил из тюрем. Когда этот номер наскучил публике, Гудини придумал нечто новое. Последующие двадцать лет этот трюк был в центре внимания. Когда казалось, что Гарри уже достиг пределов возможного, он неожиданно превзошел себя.

Выходы из тюрем со временем превратились в рутину. Тут Гарри был как рыба в воде. Обычно он с группой сопровождения прибывал в город в субботу. Понедельник был трудным днем. Репетиция в театре, затем визит в тюрьму для организации номера. После согласования с начальством надо было отпечатать рекламные листки с описанием успешного побега. Сам трюк обычно исполнялся утром в понедельник или во вторник.

Мы должны помнить, что Гудини всегда создавал впечатление, будто действует сам, без малейшей помощи. Но это была неправда. Кто-нибудь должен был хотя бы осмотреть замок от двери камеры и получить представление о ключе. На основе результатов осмотра Гарри решал, какой инструмент ему понадобится. Затем, в зависимости от планировки тюрьмы, он придумывал, куда спрятать отмычки или ключи.

Со временем этот осмотр стал производить доверенный помощник Гудини Джим Коллинз. Иногда оказывалось достаточно куска проволоки, ее можно было засунуть в щель или положить у стены снаружи, в доступном месте. Иногда ключи и отмычки просто подбрасывались ассистентом на пол в коридоре, и Гарри подбирал их при помощи воска. В более со-

временных тюрьмах, где камеры с туалетом, в бачках унитаза иногда плавали безобидные кусочки пробки. Часто они были совсем неприметны, но в них-то и втыкались ключи и отмычки.

Один из самых гениальных способов Гарри изобрел во время своего первого турне по тюрьмам Европы. Он заметил, что тюремные врачи, которые осматривали его, всегда были одеты в черные сюртуки из тонкого сукна. У него была маленькая сумка из такого же материала. Он клал инструменты в сумочку, которую бессовестно вешал на спину доктора перед осмотром, а потом снимал, дружески хлопая врача по спине.

Его эстрадные программы были столь успешны, что Гудини осмелился воплотить свою давнишнюю мечту — собственное шоу, целиком посвященное фокусам и освобождениям. Он начал создавать его ранней весной 1906 года, но ничего не вышло. Сделать шоу было труднее, чем думал Гарри, и в конце сезона он бросил эту затею, вернувшись к ней вновь лишь спустя двадцать лет.

В том же году вышла в свет первая книга Гудини «Как правильно творить зло». Это был памфлет на девяносто четырех страницах, разоблачавший приемы фальшивомонетчиков, контрабандистов и карманников.

Этот памфлет был выгодно продан. Прибыль составила десять тысяч долларов.

В сентябре 1906 года Гудини выпустил первый номер журнала «Чародей», который выходил до августа 1908 года. Работая за рубежом, Гудини был вынужден приостановить его выпуск. В этом ежемесячном журнале на тридцати двух страницах регулярно высмеивались два главных врага Гарри — доктор Уилсон и Орас Голдин, иллюзионист, который некогда посмеялся над молодым Гарри в «Колле и Миддл-тоне».

Хардин, который выступал в Англии со своим собственным номером, писал колонку эстрадных новостей, наподобие той, что сам Гарри сочинял для «Дрэмэтик Миррор».

Якоб Хейман, друг детства Гарри и некогда его партнер, теперь играл в мюзик-холле и эстрадных театрах. Он часто сотрудничал в журнале, выпуская заметки. В своем журнале Гудини начал публиковать

серию статей под названием «Неизвестные факты из жизни Робера Гудина». Это был первый выпад против его бывшего кумира, чья вдова так оскорбила Гарри, отказавшись принять его. Правда, если Гудини-издатель доказывал, что трюки, изобретенные Гудином, были известны и до него, Гудини-фокусник по-прежнему старался превзойти кумира своего детства.

В 1906 году на специальном представлении магов, дававшемся для общественной организации, членом которой был Гарри, он взял у зрителей три носовых платка, которые, исчезнув, должны были появиться в любой точке Нью-Йорка по выбору зрителей. Каждый из зрителей выбрал точку и записал на карточке ее название. Из стопки карточек достали одну. На ней было написано: «верхняя ступень пьедестала Статуи Свободы». Группа зрителей тотчас отправилась в гавань Нью-Йорка, на остров Бедлоу. Прибыв туда сначала поездом, а потом паромом, зрители обнаружили на пьедестале запаянную жестянку. Привезя ее в зал и вскрыв, они увидели, что там и впрямь находятся исчезнувшие платки.

Трюк был великолепен и произвел сенсацию. Среди зрителей были влиятельные люди. Успех зависел от согласованности действий и утомительной подготовки. Во время представления платки передавались Францу Куколю, который сломя голову мчался к Статуе Свободы, подобрав по дороге жестянщика. Комиссия прибывала туда несколькими минутами позже и обнаруживала коробочку с платками. Премудрость заключалась в выборе места, и здесь Гудини прибегал к помощи хорошо известного принципа магии. Скажем лишь, что он прекрасно знал, где именно будет находиться «выбранное наугад место».

Однако этот трюк прекрасно исполнял еще Жан Эжен Робер-Гудин, выступая перед королем Луи-Филиппом в Сен-Клу. Робер-Гудин предлагал королю на выбор три места: ваза у камина, купол Дома Инвалидов, где стоял саркофаг Наполеона, или комель апельсинового дерева в оранжерее. Отец современной магии прибегал к психологии. Он предвидел, что Луи-Филипп, обдумав все три варианта, остановится на оранжерее. Ведь ваза слишком проста, а гробница — слишком далеко.

Когда лакей принес лопату, собравшиеся направились в оранжерею и там между корнями апельси-

нового дерева действительно нашли ржавую коробку. Когда ее открыли, внутри оказались платки и грязный пергамент, на котором поблекшими чернилами было написано следующее:

«Сегодня, 6 июня 1786 года, эта металлическая коробка, содержащая шесть носовых платков, была закопана между корней апельсинового дерева мною, Бальзамо, графом Калиостро, в ходе показа магического действия. Она будет извлечена в этот же день шестьдесят лет спустя в присутствии Луи-Филиппа Орлеанского и его семейства».

Поистине, это было чудо. Робер-Гудин положил платки и в вазу, и в усыпальницу великого человека, но он знал своего господина, и Луи-Филипп, этот хитрый монарх, отреагировал так, как и ожидалось. Трюк был продлан искусно, но особенно увеличивал эффект «старый» пергамент с письмом Калиостро. Именно такие штрихи, поразительное перенесение старого таинства в настоящее делали Робер-Гудина великим. Гарри был лишен поэтического воображения, но он и не нуждался в такой утонченности. К чему поэзия, если всю жизнь работаешь со смиренными рубашками и упаковочными ящиками?

Осенью 1906 года Гудини выступал в Детройте, штат Мичиган, где в середине зимы он намеревался прыгнуть с моста.

Для этого он тренировался у себя дома в большой ванне, наполненной кусками льда. Привычным к комфорту горожанам это казалось столь ужасным, что газеты, сообщая о намерениях Гудини, давали заголовки самым крупным шрифтом.

В последующие годы история этого знаменитого прыжка обросла новыми подробностями. Гудини сам не раз пересказывал ее журналистам. Без сокращений она впервые появилась в «Биографии «Келлока». Обычно ее рассказывали так:

«Гудини на две недели приехал в Детройт и, желая преподнести публике бесплатное захватывающее представление, сказал директору театра, что он планирует прыгнуть с моста в наручниках, несмотря на неподходящее время года. Когда ему сказали, что река Детройт замерзла, он небрежно ответил: «Ну и что из этого? Можно попросить кого-нибудь сделать прорубь. Для Гудини этого вполне достаточно».

Прорубь была сделана, и Гудини прыгнул — в на-

ручниках, цепях и кандалах — в реку с сильным течением. Тысячи людей наблюдали с моста Бель-Айл и с берега реки, дрожа от холода и от мысли о том, что в воде находится человек. Одна минута, две, три... герой не выныривал. Через четыре минуты полиция сочла, что беспощадная стихия все-таки сразила артиста. Через пять минут полузамерзшие журналисты поспешили в свои издательства с вестью о гибели Гудини. В этот миг один из помощников артиста бросил в прорубь веревку и приготовился нырять в поисках иллюзиониста. Но по прошествии восьми минут из воды вдруг показалась рука, а затем и голова Гудини. Он фыркал и отдувался. Ему помогли вылезти и завернули в одеяла. Впоследствии он рассказывал своим друзьям из прессы, что его понесло вниз по течению, а когда он освободился от наручников и кандалов, то обнаружил над собой лед. Проявив нечеловеческое мужество, Гарри сумел дышать тем воздухом, что оставался между льдом и водой. Наконец он заметил веревку и, подплыв к ней, выбрался на поверхность. Другим газетчикам он рассказывал, что дышал с помощью трубочки, спрятанной в купальном костюме специально для этой цели.

Рассказ звучит правдоподобно. Журналисты верят в него, как, впрочем, и весь мир. Прыжок с моста стал самым знаменитым трюком Гудини на открытом воздухе.

Однако со временем появились сомнения. Мог ли Гарри, действительно, пробыть в ледяной воде восемь минут? Вообще-то такое было возможно: случалось, что люди оставались в живых, проваливаясь в прорубь и дыша воздухом, находящимся между льдом и водой. Однако такое безрассудство было не в духе Гудини. Вряд ли он стал бы без предосторожностей прыгать в быструю реку. Он всегда говорил, что прыжок этот состоялся 2 декабря 1906 года.

Роберт Ланд из Детройта, неплохой фокусник и летописец магии, нашел в библиотеке Энн-Арбор микрофильм, который затем был воспроизведен в Детройт-Ньюс» от 27 ноября 1906 года: «Король наручников, скованный цепями, прыгает с моста. Гудини совершает незабываемый подвиг и остается жив. Обязанный веревкой длиной в 113 футов, с двумя парами наручников последней модели на запястьях, Гудини, исполненный уверенности в своих силах, прыгнул с мо-

ста Бель-Айл в 13 часов, освободился от наручников под водой, затем подплыл к спасательной шлюпке, положил туда расстегнутые наручники и забрался на борт».

Другими словами, река не была замерзшей, Гудини обвязался веревкой, и его подобрала лодка. Что касается спасения из-под льда, то, как сказал бы Том Сойер, «он просто не стал говорить, что не делал этого».

20.

Вызов и ответ

В начале сезона 1907 года Вилли Хаммерштейн показал на Бродвее довольно смелое представление «Танец семи вуалей». Одна из звезд его программы была даже арестована за танец живота. Не за горами была эра стриптиза.

Гудини понял, что остаться на вершине можно, лишь постоянно изобретая что-нибудь новое. Самым верным способом остаться в центре внимания Гарри считал вызов.

Его пятинедельные гастроли в Бостоне в начале 1907 года были живописны и вошли в историю.

В предисловии в книге по искусству освобождения Гарри писал, вспоминая об одном своем вызове, когда надо было выбраться из плетеной корзины: «Всегда проверяйте корзину. Пока она у вас в уборной, смените застёжки или срежьте петли. Сделайте все, чтобы она выпустила вас».

В бостонском театре Кейта его первым разрекламированным трюком был выход из картонного ящика. Разумеется, надо было выйти из коробки, не разорвав ее.

У этого ящика была большая крышка, которая почти достигала пола. После того, как Гудини садился внутрь, ящик обматывали веревками и завязывали узлы сверху, чтобы он не мог достать их. Но Гарри вполне мог проткнуть бок ящика и острым лезвием на длинной ручке разрезать веревки внизу. На талии у него был спрятан моток такой же веревки, которой он обвязывал коробку после освобождения из нее;

в его кармане лежал кусок бумаги и тюбик клея, чтобы залатать дыру в коробке.

Вслед за картонной коробкой Гудини изобрел номер с деревянными ящиками, которые обивались металлом и обвязывались веревками.

Затем он связался с котельным заводом в Риверсайде и после рекламной кампании был помещен в один из котлов. Тот котел был надежно заклепан и напоминал колпак. Сквозь дыры в крышке котла пропускались скобы с отверстиями, и она запиралась на всякие замки. Разумеется, котел делался по чертежу Гудини заранее, толщина железа была оговорена, размер заклепок и скоб тоже. Сам котел не представлял интереса. Важнее всего был размер скоб. Король освобождения делал точно такие же из мягкого металла. Перепилив скобы, Гарри выталкивал их, сметал металлическую крошку, открывал замки дубликатами ключей, доставал настоящие скобы, вешал замки на место и запирали котел, ставя в тупик его изготовителей, после чего вел их в ближайшее бistro и угощал пивом.

Однажды на дневном спектакле Гудини продемонстрировал гигантскую покрышку от мяча, сделанную на фабрике спортивных товаров. Этот трюк был чисто рекламным, поскольку механизм его выполнения не вызывал сомнений: шнуровку можно было развязать, вытянув крючком узлы шнура внутрь. Существовал и другой способ: когда узлы были завязаны, Гарри разрезал шнур около узлов, выходил, заменял шнуровку и пожинал плоды.

Затем Гудини продемонстрировал Востоку, как он освобождается из кровати сумасшедшего на глазах у аудитории. Это был блестящий психологический ход, так как освобождения под прикрытием занавеса уже приелись. Кроме того, стали возникать подозрения, что он прячет в будке ассистентов с ломami и ключами и таким образом проделывает свои трюки.

Гарри нетрудно было распутать такие слухи через прессу, а затем опровергнуть их, выбираясь на глазах у зрителей из койки сумасшедшего. В течение сорока пяти минут толпа переживала за Гарри, который боролся с узлами. На сей раз он велел помощнику связать его покрепче, чтобы освободиться и впрямь оказалось нелегко. И публика не была разочарована.

Расправившись с койкой, Гарри бросил зрителям

другой вызов. Он вылезет из стеклянного ящика, сделанного по его заказу Питсбургской компанией по производству стекла. Ящик этот был сработан с замечательным искусством.

Стеклянный ящик был ценен и по другой причине: впервые зрители увидят Гудини внутри ящика до того, как его скроет занавес будки. Цельные стеклянные плиты скреплялись по краям болтами с гайками. Шляпки болтов были плоскими, и их невозможно было отвернуть даже с помощью инструментов. Ящик мог стоять в фойе театра, дабы все желающие убеждались, что вылезти из него нельзя. Но перед самым началом представления болты на задней стенке заменялись другими — с едва заметными шлицами на головках. Этого оказалось достаточно. Сидя в ящике, Гудини извлек десятицентовую монетку с заточенным краем и открутил болты изнутри. Затем он открыл замки ключом и заменил свои болты на те, что публика видела в фойе. С точки зрения актерского мастерства, это был один из шедевров Гудини.

Разработав тактику «поддельного вызова», Гарри принялся эксплуатировать ее, повторяя одни и те же трюки на протяжении всего турне по стране.

Последняя неделя в Бостоне пришлась на середину февраля. Затем предстоял Нью-Йорк. Гарри старался выжать из этой последней недели все, что можно.

Когда посещаемость падала, Гудини бросал новый эффектный вызов, всегда заранее сообщая зрителям, что он покажет на следующей неделе.

13 марта в Толедо, штат Огайо, группа студентов связала его промасленными веревками. Через сорок минут он освободился, но нигде нет упоминаний о том, что он когда-либо повторял подобный трюк. Более простой вызов последовал 15 марта, когда рабочие с завода корабельных котлов подарили Гудини один из самых больших котлов с крышкой и стальными скобами. На этот раз Гудини пришлось попотеть, перепиливая их. На освобождение ему понадобился час и двадцать минут. И артисту, и зрителям довелось блеснуть выносливостью и упорством. Но на Среднем Западе зрители, видимо, терпеливы.

В мае в Рочестере он совершил свой первый в этом году прыжок с моста. Двумя неделями позже в Питсбурге толпа примерно в сорок тысяч человек смотре-

ла, как Гудини прыгает в наручниках с моста на 7-й улице.

К тому времени рекламные трюки превратились в рутину. С весны до осени — прыжки с мостов. Зимой — побеги из тюрем.

26 августа Гарри прыгнул в залив Сан-Франциско со скованными за спиной руками и 75-фунтовым ядром, привязанным к ноге. Это был один из наиболее драматичных прыжков и, насколько можно судить, Гарри никогда не пытался повторить его. Но после прыжка в залив Гудини поразил горожан еще и освобождением из огромной картонной коробки, на которой члены комиссии оставили свои автографы, чтобы предотвратить подмену. Весь фокус, конечно, заключался в том, чтобы выйти из запечатанной коробки, не порвав ее и не оставив никаких следов.

Осенью Гудини работал в Лос-Анджелесе, где показал один из самых сенсационных трюков — освобождение из мешка для почты. В рекламном листке Гарри писал, что мешок заперт правительственным замком. Не знаю, можно ли принять на веру это заявление, ведь мастерство иллюзиониста — это всегда узаконенное мошенничество, так что он имеет полное право приврать в беседе с газетчиками. Мешки для почты в те дни делались из прочной парусины и снабжались кожаной откидной крышкой с накладной застежкой. Когда мешок был закрыт, сквозь клапана проходили ремни, на концах которых висел замок. Мешок был крепкий, и кожаная крышка прилегала слишком плотно, чтобы можно было справиться с замком, сидя внутри, даже при наличии ключа, который было запрещено выносить из здания почты. Судя по всему, трюк с мешком был тщательно подготовлен, но мы не знаем, каким способом Гудини освобождался на этот раз. Имея дело с висячими замками, он либо подменял их, либо использовал булавки или дубликаты ключей. Лишь в крайнем случае, когда замок оказывался особенно сложным, Гарри прибегал к помощи настоящей отмычки.

Оттиск ключа Гудини делал, спрятав в ладони кусочек сырого каучука, оправленный в металл. Члены комиссии до самого представления не выпускали замок из рук. Значит, Гарри сделал оттиск загодя. Он ничего не оставлял на волю случая.

Сидя в сумке, Гудини мог быстро достать ключ с

привязанной к нему веревкой, протолкнуть его через прорезь в кожаной крышке и ценой больших усилий вставить в замочную скважину, а после освобождения запереть снова.

Иногда для пущего драматизма Гудини нанимал крикуна, который бахвалился, обещая раскрыть тайну трюка. Когда же его сажали в сумку, он принимался вопить и умолять, чтобы его выпустили, ибо в сумке нечем дышать. Это была старая уловка, придуманная еще в те времена, когда Гарри и Дэш выступали на Кони-Айленде.

По каким-то причинам освобождение из мешка привлекло зрителей. Один университетский профессор был настолько заинтригован, что купил почтовый мешок и попросил своих друзей закрыть его. Лишь почувствовав, что задыхается, он попросился на волю. Потом он начал исследовать трюк с научной точки зрения, измеряя сумку и пытаясь разгадать секрет опытным путем. И здесь он потерпел неудачу. Однако профессор был настойчив. Он купил другой мешок и попросил студентов разгадать эту головоломку. Какое-то время студенты университета только и говорили, что о Гудини и о мешке, но так и не нашли решения. Это был замечательный пример бессилия ученого в борьбе с трюкачом. Пытаясь объяснить какой-либо трюк с точки зрения науки, понять его очень сложно. Как догадаться, почему китайские кольца, например, проникают одно в другое? Наука тут не поможет, нужны знания о самих кольцах.

Однако на одной изобретательности трюкачу не выехать. К концу 1907 года публика, казалось, вдруг пресытилась разнообразными трюками Гудини. Зрители поняли, что он способен освободиться откуда угодно, и жаждали чего-нибудь нового. В залах, где выступал Гарри, стали появляться свободные места, и его охватила паника. Он мгновенно понял, что приелся публике. 20 января 1908 года в Сент-Луисе директор театра заявил Гарри, что он больше не «гвоздь программы».

Гудини изощрялся, как мог, но зритель не шел. В Кливленде он получил сокрушительный удар, увидев над своим именем в афише фамилию другого артиста. «Это конец», — сказал себе Гарри.

Но оставался самим собой. Трудиться и бороться — вот его кредо. И он ответил на вызов судьбы,

придумав номер, несравненный по своему драматизму. Гудини объявил публике, что освободится из громадной, запертой на замок молочной фляги, наполненной водой.

21.

Удивительный бидон

«Дамы и господа, мое последнее изобретение — молочная фляга. Я буду водворен в эту флягу, заполненную водой. Комиссия закроет всякие замки и положит ключи под свет ramпы. Я попытаюсь освободиться. Если что-нибудь случится, если я не смогу выйти за определенное время, мои ассистенты распахнут занавеси, ворвутся в будку, разобьют флягу и сделают все возможное, чтобы спасти мою жизнь. Маэстро, музыку!»

Ассистенты Куколь и Викери вынесли флягу на сцену, держа ее за ручки, приклепанные к покатым бокам. Пока они ведрами наливали во флягу воду, Гудини отсутствовал. Вернулся он в купальном костюме.

К крышке фляги были приклепаны шесть крюков, которым соответствовали шесть скобок на горлышке. Ассистенты подняли Гудини, и он опустил ноги во флягу. Горлышко казалось тесным, но в конце концов ему удалось протиснуться внутрь. Когда его голова погрузилась в воду, та хлынула на брезент, расстеленный на сцене. Ассистенты стали торопить членов комиссии, чтобы те запирали замки.

Быстро соорудили будку, и под мрачные звуки оркестра, играющего «Спящий в глубине», зрители стали ждать. Прожекторы освещали занавес будки. Бессознательно зрители пытались сдерживать дыхание, но через полминуты сдались, громко переводя дух. Прошла минута, полторы, две, две с половиной. Напряжение росло. Три минуты. По залу пронесся стон. Напряжение стало практически невыносимым. Три с половиной минуты. Гудини раздвигает занавес и выходит из будки. По нему струится вода. За его спиной стоит фляга — запертая и, по-видимому, не пертерпевшая никаких изменений.

Эта сенсация сразу вернула имя Гудини на афиши театров. Его опять стали писать гораздо более крупными буквами, чем имена других артистов. Вновь он стал получать самые крупные гонорары и пользоваться огромной популярностью. Молочная фляга возымела чудесное действие не только на зрителей, но и на карьеру Гудини.

Он преподнес публике нечто новое, заставил ее пережить глубокое волнение. В результате, там, где он выступал, в залах оставались только стоячие места. По ходу турне Гудини разработал другие номера, которые заняли почти все полтора часа программного времени. В качестве разминки он мог проделать номер со смиренной рубашкой, казалось, никогда он не надоедал зрителям. Но приходили они смотреть флягу.

С тех пор многие из зрителей пытались задержать дыхание на столько времени, на сколько, предположительно, задерживал его Гудини. Он им подыгрывал. Перед тем, как крышку запирали, он предлагал им небольшое соревнование. Он будет оставаться под водой в течение одной минуты; все, кто хотел, приглашались на сцену, чтобы попытаться задержать дыхание на такое же время. Зрители сдавались один за другим. Наконец Гудини выныривал из фляги, отдуваясь и отбрасывая волосы с глаз.

Потом он приглашал залезть во флягу чемпионов по плаванию, но редко кому удавалось его победить: Гарри умел не дышать в течение трех минут.

Сделанный в Чикаго по чертежу Гарри бидон напоминал самый обыкновенный, с каким хозяйки ходят в лавку за молоком. Он имел около сорока двух дюймов в высоту, имел покатые бока и цилиндрическое горлышко. От пола до начала скоса — тридцать дюймов, сам сокс — пять дюймов, прямое горлышко — оставшиеся семь. Швы были спаяны водонепроницаемым припоем. С двух сторон на скосах закреплено по ручке. Корпус фляги сужался внизу примерно на дюйм. Это была гениальная находка, ибо теперь никто не мог сказать, что фляга двойная, и Гарри вылезает из внутренней, просто поднимая внешнюю. Но фляга и впрямь была двойной, вся, за исключением скошенной части. Просто припой, скреплявший скос с цилиндром корпуса, был ненастоящий. Стоило обследовать флягу изнутри, и этот припой можно было

нащупать пальцами. Когда крышка захлопывалась, Гудини надавливал на нее снизу, она вместе с горлышком открывалась от корпуса.

Ручки служили для отвода глаз. Верхняя часть прикреплялась к днищу двумя хитрыми заклепками. Когда ассистенты несли флягу на сцену за ручки, две эти заклепки соединяли детали. Когда фляга наполнялась водой, и Гудини погружался внутрь, под водой он находился совсем недолго, лишь пока разъединял заклепки. Таким образом, освобождение не было сложным.

Но в крышке имелось несколько дырочек для воздуха, чтобы атмосферное давление не слишком прижимало ее. Так что Гарри мог дышать, даже если верхнюю часть прижимало давлением, и у него было время дать знать ассистентам, что дело плохо.

С двумя настоящими заклепками флягу можно было без риска выставлять напоказ в фойе театра.

Но 1908 год был знаменателен не только из-за молочной фляги. В том году Гудини нанял нового ассистента, который вскоре стал его главным помощником. Это был английский механик, человек среднего роста, с физиономией типичного полицейского шпика. Звали его Джим Коллинз, и он был лондонцем, родом из Хайгейта.

Хотя Франц Куколь умел ладить с напыщенными европейскими бюрократами и полицейскими чинами, мог подбирать музыку, подавал сигналы музыкантам во время выступлений, когда и что играть, он не был механиком. А Гудини очень нуждался в искусном механике, в таком человеке, который по грубому наброску мог создать толковый чертеж, взять одну часть из одной машины, другую из другой, соединить все части вместе и претворить идею Гудини в жизнь. Таким человеком был Коллинз.

Коллинз был также прекрасным краснодеревщиком. Вскоре он знал о замках столько, сколько и должен был знать главный помощник Гудини. Он мог проходить под видом члена комиссии в тюремные камеры и искусно прятать отмычки и ключи, и выглядел он настолько респектабельным, что никто не принимал его за шоумена. Волосы его поредели на затылке, он носил очки, был скромен и неприметен, умел держать себя. Мало кто мог догадаться, что на самом де-

ле он был правой рукой великого Короля освобождения.

Группа Гудини теперь состояла из Коллинза, Куколя, Джима Викери и Джорджа Брукса. При необходимости они нанимали новых людей. Бесс исполняла роль гардеробщицы и билетера, а в случае нужды улаживала трения между мужем и его помощниками. Когда ребятам нужны были лишние деньги, она играла с ним в покер, делая дикие ставки при плохих картах.

Во время путешествий компания размещалась в двух железнодорожных вагонах (небольшие вагончики, в которых ездили в Англии и на континенте), в одном из которых перевозили багаж, реквизит и специальную библиотечку Гудини, придуманную и сделанную Джимом Коллинзом и вмещавшую сто книг.

Работа ассистента была нелегкой. Надо было проследить за погрузкой и разгрузкой, разместить реквизит в театре. Они занимали три уборных: одна для Гудини, другая для помощников, а третья — для реквизита. Эту последнюю всегда называли «лавочкой», и в ней Коллинз делал ключи и приспособления для трюков Гудини, которые тот продолжал разрабатывать даже после изобретения молочной фляги.

Сцена во время представлений Гудини всегда была закрыта; ни другим артистам, ни работникам сцены не разрешалось заходить за специальные экраны, которые ставились помощниками Гудини, когда он выступал. Дабы умиловить персонал, Гарри после вечерних спектаклей по субботам заказывал бутерброды и пиво и угощал других артистов, музыкантов и работников сцены. Последние уже не были самонадеянными хозяевами театра, они находились под бдительным надзором Гарри. Он любил угощать людей, особенно больных и нуждающихся. Добрые дела были для него чем-то само собой разумеющимся. После перевозки реквизит тщательно проверялся. Если наручники были в употреблении или приносились зрителями, Коллинз сразу же осматривал их и подбирал подходящие ключи или отмычки.

Кроме расстановки реквизита, помощники были обязаны распространить рекламные листки с описанием последнего побега их шефа из тюрьмы или прыжка с моста. Гудини и сам распространял множество

рекламных листов, если чувствовал, что публика теряет интерес к нему.

Когда кто-либо из помощников давал маху, Гудини в гневе увольнял его, но очень переживал, если тот и впрямь считал себя уволенным. Тогда Гудини начинал бушевать, упрекая помощника в предательстве. Примерно раз в неделю под горячую руку попадал Коллинз, который вообще-то совершал промахи нечасто.

Он был редкой, редкой птицей этот Коллинз — человек, на которого можно было полностью положиться. Как многие англичане, он любил выпить пива, а частенько и чего-нибудь покрепче. Режим работы у Гудини подразумевал какую-либо форму быстрого расслабления, но хотя Джим был способен изрядно «расслабиться» после представления, на следующее утро он всегда был трезв и прекрасно соображал. Сам Гудини выпивал стакан пива на своем прощальном вечере, и все.

Это была волнующая и изматывающая жизнь. Когда Джим слышал крик: «Коллинз! Коллинз! Быстрее сюда!» — он никогда не знал, что случилось: то ли он положил ключ от наручников не на то место, то ли в театре пожар, то ли у Гудини появилась новая идея, такая, как, например, промазать заклепочные швы в молочной фляге вазелином, чтобы вода не просачивалась. Джим Коллинз всегда сохранял философское спокойствие перед лицом неведомого.

Любое успешное начинание в шоу-бизнесе порождало несметное множество имитаторов. Вскоре номера с наручниками стали чем-то обыденным. Многие подражатели пользовались подмененными наручниками и висячими замками и, по существу, паразитировали на номерах Гудини, превращая трюк с наручниками в нечто заурядное. Гудини решил не показывать номера с наручниками и, выступая в Берлине в цирке Буш 10 сентября 1908 года, исключил их из программы.

Нашел он замену и номеру со смиренной рубашкой, который у него тоже безбожно сдирали. Он попробовал трюк с «одеялом для душевнобольных», который прошел с большим успехом. Это ограничивающее свободу движений приспособление было приобретено в сумасшедшем доме вместо рубашки. Можно было использовать любое одеяло, только к нему прикреплялось несколько ремней.

Подобно буйнопомешанному, Гарри катался в толстом одеяле, стянутом четырьмя крепкими ремнями. Потом к ним стали добавлять пятый, дополнительный. Хорошенько попотев, чтобы освободить руки, Гудини расстегивал пряжку сквозь ткань одеяла, а потом ослаблял и остальные застёжки. Все это происходило на глазах у зрителя. Неожиданно Гарри подбрасывал одеяло высоко в воздух, вскакивал на ноги и отвешивал публике поклон.

В клиниках для душевнобольных в Германии Гудини нашел новые возможности для трюкачества. Там применялась так называемая «мокрая простыня» — одно из надежнейших и самое безболезненное средство обездвиживания человека.

В книге покойного Уильяма Сибрука «Дом умалишенных» есть красочное описание «влажной простыни», ее применения и того странного успокаивающего действия, которое она оказывает на пациента. Больного заворачивают в простыни, каждую руку и ногу отдельно, а потом пеленают множеством других простыней. Пациент становится похожим на кокон. Затем его обливают из ведер теплой водой и оставляют лежать в теплой комнате на клеенке. Это приспособление призвано не столько лишить человека свободы, сколько успокоить его. Так говорят люди, которые испытали его на себе во время душевных расстройств. Некоторые пациенты способны крутиться и извиваться, но это предусмотрено. Помимо всего прочего, пребывание в коконе — еще и хорошая зарядка.

Когда Гудини впервые увидел пациента в этом влажном тюке из простыней, его глаза сверкнули. Можно было сделать номер. Он попросил двоих служащих клиники прийти к нему в гостиницу и упаковать его. Освобождался он в течение двух часов. Они упаковали его еще раз, но теперь он был готов и сумел найти способ ослабить натяжение простыни. Однако, когда на простыни налили теплой воды, задача усложнилась в сотни раз.

Он освобождался от влажной кипы простыней при зрителях, и на это ушел час с четвертью. Ценители поняли, что номер блестящий, но ожидания большинства зрителей были обмануты.

В конце концов Гудини усложнил номер: теперь его руки связывали, а сам кокон перетягивался железной цепью.

Освобождение из кокона требовало невиданных доселе затрат энергии, поэтому Гудини бросил этот номер, показав его в Европе и Америке. Воздействие на зрителей было не пропорционально затраченным усилиям.

23 октября 1908 года Гудини отмечал двадцать пятую годовщину своей деятельности в шоу-бизнесе.

В этот период он разработал трюк, который провел резкую грань между талантливым мастером сценического эффекта и подлинным гением. Это было освобождение из петли на виселице.

Виселица была не в форме перевернутой буквы «L», как ее обычно изображают на картинках. Она состояла из двух подпорок и прочной перекладины между ними; подпорки крепились к помосту. Кисти рук Гудини связывали крест-накрест, концы веревки были обмотаны вокруг его тела и крепко затянуты за спиной. На ногах были кожаные путы, в кольца которых вдевалась короткая цепь, соединенная с колечками у основания столбов. На шею надевали кожаную петлю, сквозь кольцо в которой пропускали веревку, которая шла вниз и привязывалась к петле между ног Гудини. Шея артиста трижды обматывалась крепкой веревкой, привязанной к крестовине. Шею защищал кожаный ремень.

На взгляд зрителей, задача была неразрешима, однако не успевал опуститься занавес будки, как Гудини выходил из нее, сосредоточенно развязывая зубами узлы на запястьях. Расправившись с последним узлом, Гарри с видом победителя швырял веревку в зал и кланялся.

Публика пребывала в недоумении. Гудини показывал трюк так, что невозможно было догадаться о способе освобождения. Как, к примеру, ему удалось наклониться с веревкой на шее, чтобы развязать ноги? И как мог он снять веревку с шеи, когда его руки были связаны на уровне груди? И каким образом ослабил веревки за спиной, не освободив кисти рук? Зрители беспрестанно задавали себе эти вопросы и не находили ответов.

Но ответ был прост. Решение дано в старой «библии» Гудини «Откровения медиума». Анонимный автор советует предполагаемому медиуму делать следующее: если он связан слишком крепко, надо иметь при себе острое лезвие, спрятанное в одежде. Разре-

зав веревки, следует извлечь их дубликаты, а для пущей убедительности заявить, будто на помощь пришло божественное Провидение.

Гарри не утверждал, что ему помогло Провидение, но процедура была именно такова. Гарри прятал на груди острое лезвие и, как только закрывался занавес, начинал освобождать кисти рук. На это уходило одно мгновение. Затем он натягивал две петли на шею так, что на миг у него перехватывало дыхание. Когда веревка ослаблялась настолько, что можно было снять третью петлю с шеи, задача решалась просто. Резко наклонившись к ногам, он расстегивал ремни и освобождался. Гениальность Гудини проявилась в том, что он прятал веревку с кистей рук и заменял ее другой, с заранее завязанными узлами. Потом он выходил из будки и делал вид, будто освобождает кисти. Таким образом создавалось впечатление, будто кисти становились свободными не в первую, а в последнюю очередь.

По мнению многих иллюзионистов, финал номера с виселицей был гениальной выдумкой. Как писал сам Гудини в книге «Робер-Гудин без маски», секрет успеха заключается не в том, что делает фокусник, а в том, что о его действиях думает публика.

22.

Вызов профессионала

Когда Гудини перешел от трюков с упаковочными коробками и металлическими котлами к освобождениям от приспособлений, выпущенных государством для психоневрологических клиник, он рекламировал их на бланках театров, в которых выступал: «Оксфорд, Управляющему Мистеру Блит-Платту, Мистеру Гудини. Дорогой сэр, узнав, что Стюарт Мартин из лондонского приюта Бедлам не может снабдить Вас никакими смиренными приспособлениями, хотели бы сообщить Вам, что мы, нижеподписавшиеся, опытные работники клиник для душевнобольных, можем участвовать в номере, привязав Вас к койке сумасшедшего. Это обычный метод усмирения больных, склонных к буйству или самоубийству. Если Вы по-

пытаетесь освободиться на глазах у зрителей, мы приедем в Оксфорд в среду вечером и подвергнем Вас испытанию. Уильям Маршал (брат милосердия с десятилетним стажем), Джон Дю Кин (брат милосердия, 4 года стажа в Лондоне и 9 лет — в Северной Дакоте), Альберт Дайэдемс, Европейский госпиталь, (3 года стажа в Кейн-Хилл)».

Гудини принял вышеуказанный вызов и сделал попытку освободиться на глазах у зрителей вечером в среду, 11 ноября 1980 года.

Речь, понятно, шла всего лишь о койке для душевнобольных, номере, который Гарри уже пытался продать одиннадцать лет назад в Нью-Йорке. Но теперь вызов бросили профессионалы, и это меняло дело.

Чтобы освободиться из койки, надо было поизвиваться, но зато публика принимала трюк на ура. До конца сезона братья милосердия работали с Гудини как члены его группы. В их обязанности входило профессиональное надевание на Гарри смиренной рубашки, завязывание ремней койки и, конечно же, пеленание его в мокрые простыни.

В конце января 1909 года Гарри получил длинное и интересное письмо от Айры Эрастоса Давенпорта. Старый артист предлагал Гудини вместе совершить кругосветное турне, во время которого он, Давенпорт, будет выступать с лекциями по спиритизму, а Гудини — выступать со своими номерами, используя будку, чтобы публика не знала, как проделываются трюки. Однако осуществлению этого замысла помешала кончина Давенпорта в 1911 году.

В апреле 1909 года погиб один человек, смерть которого пробудила в душе Гарри смешанные чувства. Он вырезал заметку об этом событии из лондонской «Дейли Мейл»:

«Ландшут, Бавария. Так называемый «Король наручников», назвавшийся Рикардо, который появился здесь в мюзик-холле сегодня утром, спрыгнул в наручниках с моста Люитпольд, чтобы снять наручники под водой. Попытка не удалась, и он утонул».

Летом Гудини затосковал по своей матери. Он пригласил ее посетить их и предложил пригласить мать Бесс. Миссис Вейсс и миссис Ранер прекрасно провели время, Гарри и Бесс то и дело устраивали им банкеты. Каждый день Гарри выдавал им по фунту

стерлингов на расходы и, разумеется, оплатил им обратный проезд.

Под конец их гостевания Гарри дал специальное представление в Плимуте, и оно было вполне в его духе. Через Коллинза он устроил вызов работников государственных доков, которые сделали посылочный ящик с гвоздями в два с половиной дюйма длиной. Освободился Гарри за рекордное время.

Возможно, что истерия толпы, дожидавшейся Гудини у стен театра, не была уж совсем спонтанной, но, во всяком случае, в гостиницу его несли на руках. На глазах у двух матерей публики устроила «королю освобождения» десятиминутную оvation. Не каждому удастся предстать перед матерью и тещей в столь выгодном свете!

Но что-то, казалось, омрачало триумф Гудини. Во время визита матерей домашняя собака Гарри, Чарли, заболела, ее отвезли к ветеринару, а затем опять домой — подыхать. Гудини и Бесс, не имевшие детей, были очень привязаны к собаке, и смерть «маленького песика Чарли» очень омрачила их лето, лучезарное во всех других отношениях. Этот пес жил у них восемь лет, с той поры, когда они впервые отправились завоевывать Европу.

Уилл Голдстон обычно рассказывал о своей первой встрече с Гудини, которого он знал по печати еще за несколько лет до того, как последний пересек океан. Как-то в 1900 году Голдстон брел по Лайм-Стрит в Ливерпуле с Меламетель. Голдстон увидел идущего ему навстречу невысокого человека в поношенном костюме и обтрепанной шляпе. Воротник пальто у мужчины был поднят, чтобы защититься от ветра. Когда они поравнялись, Голдстон увидел, что мужчина несет под пальто маленькую собачку, укрывая ее от холода. Узнав мужчину по фотографиям, Голдстон подошел к нему, извинился и спросил: «Вы не Гарри Гудини?» Потрепанный человек слегка ошетинился: «Да. А кто вы?» — «Уилл Голдстон».

Американец просиял, сердечно пожал руку Голдстона и буквально сразу же спросил: «Скажите, Голдстон, где я могу достать пару открытых кожаных ботинок? Они нужны мне для выступления. Не могу найти обувного магазина, в котором такие есть».

Голдстон сказал ему, что надо спрашивать в магазинах открытые кожаные туфли и отвел Гарри в бли-

жайший магазин, где тот нашел подходящую пару. Затем Гудини попросил своего английского друга отвести его в американский бар, сказав, что ему необходимо сейчас быть там.

Сделав это, Голдстон выяснил, по какому делу Гарри должен был зайти в бар. Гудини сказал, что его владелец создал денежный фонд для вдов иллюзионистов. Гудини вложил около двух фунтов, сам оставшись без гроша. Гонорар, за который Гарри Дэй устроил Гудини работу, был очень мал. Но Гарри без колебаний отдавал все деньги, если речь шла о милосердии. Попрощавшись с Голдстоном, он опять отправился в театр, неся маленького песика Чарли под пальто.

В 1909 году Голдстон занимался изданием книги Гудини «Секреты наручников». Анализируя освобождение от смиренной рубашки, Гудини резко писал: «В Германии есть странствующий самозванец, который освобождается от смиренной рубашки, из которой вылезет и ребенок. Он сшил ее из мягкого холста, с очень длинными рукавами и коротким подолом, хотя, когда она надевается на него, создается впечатление, что рубашка натянута плотно. Освобождаясь, он вертится, как настоящий псих, и в конце концов снимает ее».

Этот покрой рубашки с длинными рукавами и коротким подолом на самом деле был находкой, и позже Гудини сам использовал такую рубашку: в ней его подвешивали вверх ногами над запруженной народом улицей.

В этой книге о секретах наручников есть и любопытный абзац об отмычках. Он начинается так: «Всегда можно найти правильную форму бородки ключа, приложив к нему мягкий воск...» И заканчивается: «Небольшая коллекция отмычек всегда имеется в наличии у любого взломщика». Этот абзац проиллюстрирован двумя набросками бородки, ключа и отмычки, которые открывали один замок. Интересно, что абзац этот почти дословно повторяет статью о замках из Британской энциклопедии, и оба наброска — просто копии с энциклопедических иллюстраций.

Я вспомнил это не для того, чтобы дискредитировать Гудини: он мог переписать текст, перерисовать наброски за несколько лет до создания книги, затем забыть об источнике и перепутать переписанные за-

метки со своими собственными набросками. В конце концов, Голдстон слово в слово вставил абзац в книгу.

Доход с продажи памфлетов Гарри часто отдавал различным фондам помощи беднякам в тех городах, где он выступал; он всегда помогал жертвам наводнений или аварий в шахтах. Если во время представления об этом иногда и объявляли, чтобы оживить торговлю книгами, то в прессе о благотворительности Гудини не упоминалось никогда. Его личный кодекс предписывал творить добро без шумихи.

Осенью 1909 года Гудини выступал в Олдхэме, где не было синагоги. На годовщину смерти отца Гарри поехал в Манчестер, занял шапочку для моления у другого мужчины и заказал поминальную. Он был не благочестивым иудаистом, а просто верным сыном, который знал, что маме будет приятно, когда он напишет ей об этом.

Гудини никогда не обращал ни малейшего внимания на текущие события. Спорт его не привлекал, разве что в тех случаях, когда он мог перенять и усовершенствовать какое-нибудь упражнение. Его музыкальные привязанности ограничивались мелодиями, которые он мог насвистывать, и теми, под которые шли представления. Читал он запоем, и не только те книги, которые могли привлечь его как профессионала.

Бесс давно поняла, что ее Гарри непредсказуем. Она к этому привыкла, но все же удивилась, когда в начале 1909 года Гудини стал скупать картины, гравюры, эскизы. Похоже, что его интерес к графическому искусству объяснялся картинами с магическими сюжетами. Собиратели афиш и реквизита иллюзионистов обычно обделяли эту живопись вниманием. Но когда Гарри принялся покупать картины, стало ясно, что искусство занимает его само по себе. Он быстро учился всему, и чтобы стать ценителем, ему не понадобилось много времени. Он начал посещать аукционы и приносить в гостиничные номера приобретенные там ценности. Бесс разделяла хобби своего мужа. Но на одном из аукционов он взвинтил цену и купил старую гравюру какого-то шарлатана, изображавшую кубки и шары. Такая картина не имела большой художественной ценности и, следовательно, торги не были оживленными. Потом ему понравился пейзаж

Ватто, и Гарри потерял голову. Бесс испугалась, как бы это турне по Европе не разорило их. Гарри всегда сорил деньгами. То благотворительность, то какие-нибудь редкие книги по магии. Бесс «заначивала» ровно столько, сколько нужно, чтобы им не пришлось заниматься.

Однажды вечером во время очередного заболевания живописью Гудини обедал в лондонском доме Уилла Голдстона. Хозяин обратил его внимание на небольшую, но изысканную акварель, которую недавно приобрел. Гудини посмотрел на нее, на лице его отразилась боль, и он начал покусывать нижнюю губу — верный знак того, что он был глубоко встревожен. Затем он повернулся и с горящими глазами сказал Голдстону: «Уилл, это моя картина!»

«Невозможно, старина, я купил ее на дорогом аукционе». Гудини подошел ближе, дрожа от гнева, переживая крушение своих надежд. «Уилл, говорю тебе, она моя. Она была предложена мне. Я сказал, что дам им знать. Я должен иметь ее».

Голдстон был задет.

«Но, друг мой, я купил ее. Я могу показать тебе чек. Картина была свободна. За нее не торговались». Серо-голубые глаза Гудини застыли. «Она моя, Уилл. Я должен иметь ее».

Вежливый Голдстон улыбнулся.

«Гарри, какие картины, когда речь идет о дружбе? Ни слова больше об этом».

Гудини решительно кивнул. «Да, верно, ничто не должно мешать дружбе. Я забираю ее». Он снял картину со стены и вышел, неся ее под мышкой. Впоследствии Голдстон видел ее в спальне дома на 113-й улице в Нью-Йорке. Гудини никогда больше не упоминал о ней.

Но вскоре увлечение искусством сошло на нет. Когда Гарри выступал в Гамбурге в ноябре того же года, он впервые посетил ипподром и там обратил внимание на приспособление, которое заставило его напрочь забыть о картинах. Менее чем через неделю он имел точно такое же и снял помещение, чтобы хранить его.

Его новым хобби стала летающая машина, биплан. Прежде чем Гарри научился летать на нем, на корпусе машины появилось горделиво выписанное слово «ГУДИНИ», а в кабине красовалась его фо-

тография. Гарри стоял, сдвинув кепку на затылок, как это делали авиаторы. Он был намерен летать, даже если это сулило ему гибель. Впрочем, Гарри был уверен, что не погибнет. Возможно, эта уверенность и спасла ему жизнь. Гарри был подвластен «магии веры».

23.

Аэронавт

Страхи Бесс в период увлечения Гарри картинами были пустяком в сравнении с тем, что последовало потом. Когда Гудини впервые увидел летающую машину на гамбургском ипподроме, он понял, что хочет иметь ее. По словам пилота, это была «Сантос Дюмон» трехлетней давности.

Гарри заплатил за аэроплан двадцать пять тысяч франков, снял ангар и нанял механика по имени Брассак, чтобы тот научил его летать. В самолете стоял английский двигатель мощностью в шестьдесят лошадиных сил, работающий на бензине и довольно капризный.

В 1909 году пилоты летали только в хорошую погоду. Ветер губил пилотов. Две недели Гарри торчал на земле, проводя все свободное время возле самолета. Он задумал новый трюк, — освобождение от действия силы тяжести.

Наконец ветер утих, и Гарри взлетел, но поднявшись на несколько футов, упал, врезавшись носом в землю. Он вдребезги разбил пропеллер и частично фюзеляж. Следующие две недели ушли на ремонт. В конце концов ему удалось удачно взлететь, побыть в воздухе и приземлиться. Гарри торжествовал.

В то время он получил приглашение на месяц в Австралию. Баснословный гонорар, оплаченный проезд из Франции в Австралию и из Австралии до Ванкувера.

Он сел на пароход в Марселе 7 января 1910 года, захватив с собой разобранный биплан. При нем был и механик.

Путешествие продолжалось двадцать девять дней. Всю дорогу Гарри мучился морской болезнью. Когда

они достигли Аделаиды, и Гарри ступил на сушу, он весил на двадцать пять фунтов меньше, чем до отплытия.

Наверное, нет более противоречивого периода в жизни Гудини, чем австралийский. Мы знаем, что он совершил сенсационный прыжок с моста; есть и фотография. В газетах говорится, что когда он упал в воду, на поверхность вынесло труп утопленника. Когда Гудини, сняв наручники, вынырнул и огляделся в поисках лодки, которая должна была его подобрать, он был настолько ошеломлен, увидев труп, что оцепенел, и его заташили в лодку, будто бревно.

Позже на пресс-конференции американский артист сказал репортерам: «Не оскорбляйте меня, называя иллюзионистом. Я — мастер освобождения. В Америке, если вы потрясете любое дерево, с него упадут десятки иллюзионистов».

Говорят, что в самом начале австралийского турне в уборную Гарри позвонил незнакомец и заявил, что в Австралии полным-полно доморощенных мастеров освобождения, которым не хватает работы. Незнакомец предложил Гудини расторгнуть его «чертов контракт» и убраться домой подобра-поздорову.

Однако австралийский иллюзионист Джек Хаггард заявил, что это чепуха. Гарри пробыл в Австралии месяц, но его предложение продлить контракт не было принято: полчаса смотреть на зашторенную кабину австралийская публика не пожелала. Гарри аннулировал контракт с новозеландцами и отбыл в Ванкувер. По словам Хаггарда, если бы австралийские артисты желали выжить Гудини из страны, он, Хаггард, непременно знал бы об этом. Видимо, эта история — просто выдумка. К тому же, Гудини наверняка сумел бы постоять за себя. Скорее всего, турне просто не получилось.

Однако Гудини удалось стать первым человеком, совершившим успешный полет на аэроплане в Австралии. Согласно замерам, он пролетел над Зеленым континентом ровно одну милю.

Поспешно созданная австралийская лига аэронавтов наградила Гарри призом — диском, на котором было отчеканено Южное полушарие Земли с Австралией в центре, а также два крыла, имя Гудини между ними и дата: 16 марта 1910 года. Позже Гудини утверждал, что он совершил восемнадцать успешных

полетов над Австралией, один из которых продолжался шесть минут и тридцать семь секунд.

В Сиднее Гудини посетил могилу Уильяма Генри Давенпорта и обнаружил, что она заброшена и поросла бурьяном. Он добился, чтобы за могилой стали присматривать, и сфотографировался рядом с ней. Копию фотографии он послал в Мэйсвил, штат Нью-Йорк, где жил брат Уильяма Давенпорта, Айра.

В Австралии Гарри научился водить автомобиль, чтобы пораньше приезжать на летное поле. Но никто, кроме Брассака, у которого были железные нервы, не ездил с ним. После отъезда из Австралии в мае Гудини никогда больше не летал на аэроплане и не садился за руль. Его страсть умерла так же быстро, как и родилась.

История о том, как Гудини обыграл жителей Фиджи, соревнуясь с ними в нырянии в воду за монетками (эта игра была их собственным изобретением), рассказывалось много раз, но почему-то умалчивали о приспособлении, с помощью которого он вылавливал монетки, брошенные в море.

Когда пароход пришел в Суву, мальчишки-аборигены с лодок призывали пассажиров бросить монетки и наблюдать, как они будут доставать их, ныряя в воду, кишасшую акулами. Они и впрямь выныривали с монетками во рту.

Гудини был в хорошей форме, море было спокойное, и он устал вести сидячий образ жизни. Правда, он выиграл корабельные соревнования по прыжкам со скакалкой, подпрыгнув 439 раз без перерыва, но в этом соревновании не было элемента риска, без которого он жить не мог, да и особой ловкости не требовалось. А эти мальчишки с их монетками могли дать ему как раз то, чего он жаждал.

Гарри вступил с ними в спор и обвинил в надувательстве. Они якобы ловят монеты руками и только потом суют их в рот. Дабы установить истину, он вызвал одного из мальчишек на состязание, предложив нырнуть со скованными за спиной руками. Наручников туземцы испугались, но один храбрец позволил связать себе руки веревкой. Сам Гарри был в наручниках. Две монетки полетели в воду, два человека нырнули. Островитянин вынырнул без добычи, а Гудини появился на поверхности, держа во рту обе монетки! Пассажирам он объяснил, что снял наручники

и, поймав идущие ко дну деньги, сунул их в рот, после чего снова сковал себя.

В такой ситуации он, должно быть, использовал «прыгающие наручники», которые расстегивались от резкого рывка. Поймать монетки в море такому пловцу как Гудини, было раз плюнуть. Ведь они погружались медленно, выписывая зигзаги.

Короткий наезд домой летом 1910 года совпал с шестьдесят девятой годовщиной его матери, которую Гарри праздновал с ней. 5 июля он съездил в Мэнсвил и сфотографировался со старым Айрой Давенпортом, который умирал от рака горла. Последние силы Айры ушли на демонстрацию его знаменитой веревочной связки. Во всяком случае, так потом утверждал Гудини.

Контракты в Англии были подписаны на осень, и 10 августа Гарри поднялся на борт «Мавритании». Море опять пощадило его, и он развлекал пассажиров во время путешествия. Но едва пароход миновал Сэнди-Хук, как Гудини засел за стол с карандашом и бумагой, разрабатывая новый номер, который должен был прийти на смену молочной фляге, уже порядком утомившей публику.

К своему удовольствию, он обнаружил, что новые номера, вскоре надоедавшие американским зрителям, подолгу привлекают к себе менее капризных британцев. К тому же, англичане гораздо охотнее верили тому, что читали в газетах. В Четеми Гудини показал трюк, который заключался в том, что его привязывали к стволу старой пушки с зажженным фитилем, и он освобождался прежде, чем огонь доходил до пороховой полки. Он не считал необходимым информировать зрителей через прессу, что пороха в пушке не было.

Чтобы исполнять номера, ставшие для него рутинной, Гарри приходилось создавать образ супермена, способного сбрасывать любые оковы и проходить сквозь стены. Он понимал, что есть лишь один способ заставить зрителей поверить в его сверхчеловеческие способности: надо самому уверовать в них. Причем уверовать всей душой, иначе нет смысла заниматься любимым делом. Как следствие, Гарри был убежден (и вполне искренне), что он представляет собой нечто сродни сверхчеловеку Ницше. Невосприимчивость к болезням еще больше укрепляла миф о Гудини. Он

упорно тренировался, и это помогало ему сохранять здоровье. Но в начале 1911 года Гарри подвергся пушечной операции по удалению фурункула. Это и раздосадовало, и разозлило его, ибо миф о неуязвимости едва не был развеян.

В апреле 1911 года он приехал домой, сгибаясь под тяжестью новых сокровищ, купленных у букинистов и торговцев антиквариатом. Однако наличных денег, как думали некоторые, он не привез. Гарри всадил целое состояние в книги и не жалел средств на перевозку своей библиотеки, которую повсюду таскал с собой. В сезон 1910—1911 годов он показывал трюки со смирительной рубашкой, молочной флягой и иголками. Весь реквизит не весил и ста фунтов, однако счета за перевозку багажа были просто астрономические.

Однажды он откопал где-то старую картину, изображавшую канатоходца на ярмарке. Сияя, Гарри привез свою находку домой, велел Коллинзу сделать для нее какой-нибудь футляр и повсюду таскал ее с собой. Он вообще старался держать свои ценности при себе, так как считал почту слишком медлительной, а в надежность товарных складов просто не верил. Бывало, что по ночам Гарри подолгу рассматривал свои сокровища, а дом на 113-й улице был буквально завален книгами и старым реквизитом иллюзионистов.

Гудини был вынужден ждать, когда американская эстрада достигнет его уровня. Он не знал, что ключ к успеху — в разнообразии, и поэтому задумал сенсационный трюк, который можно будет показывать, когда наручники и кандалы перестанут интересовать публику.

Новый захватывающий трюк, по существу, был очень прост. Это было захоронение заживо. Гудини вел пространные записи по этому проекту. Трудность состояла в том, чтобы вылезти из гроба и прорыть себе путь на поверхность сквозь рыхлую почву.

Согласно записям, ящик должен быть снабжен двумя досками, запирающимися специальным приспособлением и открывающимся внутрь. Тогда Гарри сможет бросать землю в гроб, прорывая себе ход на поверхность. В коллекции Сиднея Раднера есть связка из четырех крюков, сделанных из стальной проволоки, к одному из которых прикреплен бумажный

ярлык с надписью «Погребение заживо». Эти крюки, очевидно, были использованы для того, чтобы вывернуть внутрь доски, которые образовывали одну из стенок ящика-гроба.

Гудини всегда испытывал особые чувства к кладбищам, могилам, надгробным памятникам, к участкам земли под могилы, склепам. Он приложил героические усилия и настойчивость, чтобы его «погребение заживо» превратилось в легенду.

Между тем, летом 1911 года он показывал освобождение от мокрых простыней на глазах у зрителей, отыскивая способ наиболее эффектной его подачи. Можно предположить, что ему так и не удалось добиться воздействия, соразмерного с усилиями. К тому же мысль о том, что в каждой клинике наверняка есть хотя бы один больной, способный выпутаться из кокона, казалось, уязвляла Гудини. Правда, у больного не было ни зрителей, ни необходимости ставить рекорды быстроты.

20 ноября 1911 года Гудини писал из Нью-Йорка: «Мой дорогой Голдстон! В нескольких словах сообщая вам, что я пережил весьма необычное событие и прикован к постели со строгими инструкциями не вставать. В Дейтройте, штат Мичиган, я был связан ремнями так крепко, что у меня порвались сосуды в почке. В течение двух недель у меня было кровотечение, потом я обратился к врачу, и сразу после осмотра мне был предписан постельный режим. Таким образом, у меня сейчас «отпуск», я лежу на спине и думаю. Я потерял несколько недель, но я смогу работать, так как кровотечение кончилось. Надо, однако, подождать, пока срастется порванный сосуд. Мне сказали, что они заживают очень быстро, так что не тревожься. Заканчиваю, так как нет времени много писать. С лучшими пожеланиями. Искренне ваш. Гарри Гудини».

Это было время, когда Гудини надлежало, как некогда в Лондоне, позаботиться о своем здоровье. В этих заботах он и провел конец года. Судя по тому, как неохотно он лечился, Гарри был человеком одержимым. В течение двух недель он давал представления с больной почкой, сложность трюков возрастала, а с нею росла и вера Гарри в свои сверхчеловеческие свойства.

Те две недели, что Гарри отлеживался в Нью-

Йорке, не прошли праздно, хотя он то и дело забирался на полчаса в постель. Гарри следил за распаковкой своих приобретений, составлял каталог афиш и писем, вставлял в рамки старые эстампы, диктовал заметки для будущих книг.

Первого декабря он возобновил выступления в театре Кейт в Колумбусе, штат Огайо. Он еще недужил и говорил друзьям: «Наверное, я слишком рано начал работать. Стоило бы поваляться еще с недельку».

Почка все время причиняла ему боль, и он был вынужден спать со специальной подушечкой под боком. Гарри стал очень чувствителен к свету и надевал на глаза на время сна черную шелковую повязку.

Через месяц он опять ввел номер с «мокрыми простынями» в свой репертуар, показывая его в виде потехи в конце недели. Ранней весной 1912 года он порвал мышцы в боку, показывая этот номер. Но Гарри никогда не уклонялся от выступлений, даже если дрожал и бледнел от боли.

В июле он должен был начинать выступления в «Рут Гарден» в Нью-Йорке и клялся задать жару нью-йоркским газетам, которые всегда очень кратко писали о нем. Вместе с Коллинзом Гарри готовил нечто новенькое: освобождение от цепей и упаковочного ящика, сброшенного в воду в нью-йоркском порту.

24.

Золотой дождь

«Жаворонки» из Верхнего Ист-Сайда на Манхэттене, встав ни свет, ни заря весной 1912 года, могли наблюдать совершенно необычайную процедуру, которая происходила в городском бассейне на 80-й улице возле Ист-Ривер. Процедура заключалась в том, что упаковочный ящик по желобу опускали в мелкую часть бассейна. Ящик казался очень большим и был утяжелен двумя железными брусками снаружи и двумя массивными железными трубами, укрепленными с двух сторон на дне ящика. Когда ящик погружался в воду, четверо мужчин быстро тащили его за веревку, он поднимался над поверхностью примерно на тридцать секунд, затем раздавался всплеск, и появлялся

человек, отбрасывающий с глаз длинные волосы. Мужчин, стоявших на краю бассейна, звали Джеймс Коллинз, Франц Куколь, Джордж Брукс и Джеймс Викери. Мужчина в воде был всемирно известным артистом, взломщиком тюрем, аэронавтом, великим путешественником, писателем, создавшим о себе легенду.

Каждое утро, сразу после восхода солнца, эта группа собиралась там в течение недели. Сначала упаковочный ящик погружался лишь наполовину, когда невысокий мужчина с борцовскими мускулами залезал внутрь и крышка закрывалась на два замка. Таким образом Гудини готовил атаку на пока неприступную крепость нью-йоркских журналистов.

Везде его прыжки в воду в наручниках были сенсацией, достойной первых страниц. Здесь, в его родном городе, газеты осторожничали. Ящик был точно таким же, с каким Гудини и его брат впервые пришли в шоу-бизнес. Одну стенку образовывала доска, которая, казалось, хорошо прибита гвоздями к другим сторонам, но гвозди эти были фальшивые, они были подрезаны напильником, и их длина составляла всего полдюйма. На самом деле доску удерживали на месте скрытые петли и две потайные задвижки.

Обычный осмотр ящика ничего не давал. Находясь внутри, «король освобождения» при помощи тонкой стальной полоски мог открыть задвижки, чтобы протиснуться наружу, даже если ящик обматывался веревкой. Выбравшись наружу, Гарри цеплялся ногами за трубы, приклепанные с внешней стороны, и тянул доску на себя, пока защелки не срабатывали. Он держался за ящик до тех пор, пока ему хватало воздуха, затем выныривал на поверхность.

Трюк был приурочен к началу выступлений в «Рут-Гарден». Театр возвышался над суетливым Бродвеем и имел сдвижную крышу. В сцену был встроен большой бассейн, сделанный специально для Аннет Келлерман, звезды синхронного плавания, которая выступала в трусиках, но без лифчика. Зарабатывала она тысячу пятьсот долларов в неделю.

Это была эра баснословных гонораров в эстраде. Ева Танги получала две тысячи пятьсот долларов в неделю за сольные выступления. Для сравнения: в драматических театрах гонорары падали; Лайонел Бэрримор, играя ведущие роли на Бродвее, получал

только восемьсот пятьдесят долларов в неделю, и это был потолок для драматического артиста.

Гудини было предложено выступать восемь недель за тысячу долларов в неделю — немалая сумма для мастера освобождения в Америке!

Перед открытием трюк с ящиком под водой был проделан на пристани Ист-Ривер, о чем должным образом уведомили прессу. Газетчики пришли, как бы говоря своим самодовольным видом: «Ну-ну, поглядим». Публика тоже прознала о намерении Гудини. Пристань была черна от толп народа. Нью-Йоркский полицейский растолкал толпу локтями, как обычно воинственно крича: «Минутку! Минутку! Что здесь происходит? Разойдитесь! Нет разрешения. Никому не разрешается прыгать в воду с Нью-Йоркской пристани в коробке или без коробки!»

Маленький «король освобождений» дал сигнал буксирному судну, которое по случайному совпадению стояло рядом, и позвал его. Он пригласил журналистов на борт, куда перенесли ящик и цепи, и судно отправилось в гавань. В большом возбуждении один подвыпивший мальчишка, продавец газет, прыгнул в воду и поплыл за судном. Его подняли на борт, насквозь мокрого, но ликующего. Только ему можно было посвятить, по меньшей мере, абзац. День был жаркий, и мальчишка не мог простудиться.

Когда они благополучно сбежали от полицейского, Гарри дал журналистам проверить наручники и кандалы, а затем застегнул их на себе. Он влез в ящик, крышку закрыли. Коллинз достал гвозди и молотки, и журналисты сами прибили крышку. Ящик обвязали веревками и подготовили к погружению.

Журналисты не отрывали глаз от поверхности воды.

После мучительного ожидания, длившегося пятьдесят семь секунд, над водой показалась рука. Бесчувственные и бывшие нью-йоркские журналисты, самые циничные газетчики в мире, радостно закричали и, отталкивая друг друга, ринулись помогать Гудини подняться на борт.

Ящик был обвязан веревкой. Они сняли крышку — внутри находились наручники. Это был, несомненно, рекламный трюк. Но что за номер! Он нашел отражение в печати. Гудини победил. Пресса Нью-Йорка теперь принадлежала ему.

После этого артист каждый вечер демонстрировал освобождение из ящика под водой в театральном бассейне.

Когда восторги начали понемногу стихать, он обратился к архитекторам, которые занимались строительством небоскребов. Они привязали Гудини таке-лажной веревкой к балке на высоте двадцатого этажа над тротуаром Бродвея. Это был обычный трюк с веревкой, который Гудини проделывал тысячи раз в дешевых театрах. Исполнив номер, он показал газетчикам хитрые узлы, которыми, возможно, был связан. Теперь против Гудини не мог устоять ни один издатель мира.

В конце первой недели выступлений Гарри потребовал заплатить ему золотом. Директор театра изумился: «В чем дело, Гарри? Тебе мало твердой валюты Соединенных Штатов?» «Выплатите мне двадцатидолларовыми золотыми монетами. У меня есть на то свои причины».

Он принес сумку с золотом в гримерную, где Брукс и Викери ждали его с ветошью и абразивной пастой. Они принялись полировать двуглавого орла. Когда Гарри счел, что золото блестит достаточно ярко, он сложил его в сумку и поехал домой. Подбежав к матери, сидевшей у окна и смотревшей на улицу, он весело воскликнул: «Мама, мама, помнишь, как перед смертью папа взял с меня слово заботиться о тебе? Помнишь?» «Да, сын мой. Конечно!» «Хорошо, мама, подними подол!» И он стал сыпать монеты на колени матери, будто золотой дождь. Гудини всегда говорил, что это был самый счастливый миг в его жизни.

Теперь освобождение из ящика под водой заняло место прыжка с моста. Гудини называл этот трюк «вызовом смерти».

Сомнительно, чтобы он когда-либо давал сигнал к погружению до того, как снимал задвижки и ослаблял доску. Профессионал риска никогда не рисковал попусту.

Своим воплощением в жизнь трюк был обязан Коллинзу. Он сделал ящик, установил потайную панель, наблюдал за забиванием гвоздей в крышку. Он следил, чтобы веревки не мешали сдвигать панель, руководил обвязкой и ждал сигнала Гудини опускать ящик в воду.

Присутствие Коллинза было для Гарри психологической поддержкой. Он полностью доверял Коллинзу: тот не мог ошибиться, упустить что-то из виду, выдать секрет трюка. По мнению Гудини, Джим стоял своего веса в золоте, хотя их отношения всегда были отношениями господина и слуги, что, впрочем, не мешало ни тому, ни другому. Они были неразлучны в течение восемнадцати лет. Будь Коллинз в артистической уборной в тот роковой день 1926 года, Гудини мог бы прожить еще не один десяток лет.

Закончив выступать в «Рут Гардене» в последнюю неделю августа, Гарри поспешил на борт «Кайзера Вильгельма II» (чтобы плыть в Британию. Отплытия Гудини всегда представляли собой волнующие сцены; он сердечно махал рукой матери, которая молча стояла на причале. В последнее мгновение Гарри еще раз подбегал к ней, чтобы обнять. Бесс и Коллинз в конце концов отталкивали его, трап поднимался, и корабль выходил из гавани. Мать и сын махали друг другу платками, пока судно не исчезло из виду.

Путешествие было спокойным, и Гудини с Коллинзом сели за работу уже в день отплытия. Они пытались создать усовершенствованный вариант молочной фляги. Тех же размеров, но без всяких потайных приспособлений, действующий по тому же принципу, что и котел. Распиливались мягкие скобы, после чего на их место ставились настоящие.

Вторая идея, осенившая Гарри в этот период, заключалась в том, чтобы влезть во флягу вверх ногами. Однако по мере разработки трюка Гудини все чаще задумывался о заполненном водой баке, из которого, казалось бы, невозможно выбраться. Он разрабатывал различные приспособления для отпирания крышки такого ящика, но не мог найти устройства, которое было бы достаточно простым, съемным и в то же время создавало бы видимость драматической борьбы.

Такое устройство он нашел только в следующем году, когда соединил несколько трюков в один. Изобретя приспособление, Гарри сделал несколько моделей и выбрал из них ту, которая отвечала всем требованиям. Это был стеклянный бак, наполненный водой, и сидящего внутри артиста было хорошо видно. Когда он влезал, бак переворачивали вверх дном, и соз-

давалось впечатление, что вылезти из него невозможно. Гарри назвал его «китайской камерой для пыток водой».

25.

Тьма и бездна

Весной 1913 года Гудини закончил выступления в Бухаресте и поспешил в Штаты, в «Рут Гарден».

В это время он выступал с номером «Двойные объятия смерти». Его запирали в бак с водой, а бак ставили в запертый ящик. Неудача сулила Гарри гибель.

По крайней мере, двое других артистов теперь показывали номер с молочной флягой и, по мнению Гудини, на этом пятачке становилось тесновато. Надо было изобретать что-то новое, и Гарри решил вставить бак в ящик, крышка которого запиралась всяческими замками. Идею эту он вынашивал с 1908 года, когда построил свою первую молочную флягу.

Мы не знаем, был ли заполнен водой второй сосуд — использование деревянного ящика, похоже, исключает это. Неизвестно также, был ли бак перевернут вверх дном, и имело ли днище какой-то секрет.

Контракт в «Рут Гарден» был расторгнут на три недели раньше срока: Гарри надо было пожить с матерью, которая, видимо, начала испытывать гнет своих лет.

18 июля Гудини должен был начать выступления в Копенгагене. Он тянул до последнего момента и 8 числа сел на пароход «Кронпринцесса Сесилия». Отъезд, описанный Беатрис Гудини, представлял собой волнующее зрелище.

Люди на пристани стали свидетелями необычной сцены. Гудини обнимал маленькую старую женщину, облаченную в черный шелк: он шел к трапу, потом возвращался, чтобы снова поцеловать ее. «Эрик, возможно, когда ты приедешь домой, меня уже не будет,» — говорила она. Ей было семьдесят два, и она уже не чувствовала в себе прежних жизненных сил. Очевидно, Гудини не мог уехать, не утешив ее и не выразив своей признательности. Наконец она велела

ему идти. Гудини, повернувшись к толпе, сказал: «Смотрите, моя мама прогоняет меня от себя». «Нет, нет!» — запротестовала она, — но тебе пора. Езжай и быстрее возвращайся ко мне».

Он был последним, кто взошел на борт перед самым подъемом трапа.

Прощаясь, миссис Вейсс попросила своего Эрика привезти ей пару меховых тапочек. Он не забыл об этом, но ей не довелось их надеть.

Тот сезон Дэш провел дома, выступая в Эстери-Парк. Мамаша Вейсс пришла на представление, и там с ней случился удар. Дэш сразу телеграфировал Гудини в Гамбург. Гарри был еще в море, когда умерла его мать. Телеграмма не дошла до него, и ее переслали в театр в Копенгаген. Когда Гарри, наконец, прочел ее, он был потрясен. Бесс быстро собрала два маленьких чемодана, и они отправились в германский порт, чтобы сесть на пароход. Коллинз остался улаживать скандал, вызванный срывом контракта, что в Дании считалось серьезным нарушением закона. Коллинза посадили в кутузку и держали там, пока директор театра не уразумел, что случилось.

30 июля Гудини стоял на кладбище, у могилы матери и отца. Теплые меховые тапочки Гарри положил ей в гроб.

Весь август Гарри практически каждый день проводил на могиле, разговаривая с матерью, словно она все еще могла слышать его. Он был безутешен, не мог спать, то и дело звал мать по ночам. По Бродвею поползли слухи, что он сошел с ума от горя.

Прежде чем отправиться в Европу, чтобы продолжить гастроли, Гарри в последний раз посетил могилу матери. В последующие годы он редко покидал Нью-Йорк, не сказав «до свидания» маме. А возвращаясь, первым делом брал такси и мчался на кладбище, даже не заглянув домой.

В середине сентября он был в достаточно хорошей форме, чтобы начать выступать в Нюрнберге. К этому времени он уже собрал все письма матери, начиная с 1900 года, и перепечатал их по-английски, чтобы перечитывать.

На премьере в Нюрнберге он впервые показал свою знаменитую камеру для пыток водой. Принцип трюка был гениален, но рукоплескания оставили Гарри равнодушным. Он лишь поклонился и поспешно

ушел в уборную, где на несколько часов впал в горестное оцепенение. Смерть матери свела на нет радость от его собственной победы над смертью.

22 ноября он писал Хардину из театра Алхамбра в Париже: «Мой дорогой брат Дэш. Получил твое письмо из Бостона. Ты, конечно, работал там довольно часто. Экономь деньги, и тебя не будет заботить, вернешься ты туда или нет. Относительно дней рождений. Буду ли я отмечать свой 6 апреля? Мне больно думать, что я не могу обсудить это с милой мамочкой. Она всегда поздравляла меня 6 апреля, так что этот день я и буду считать днем своего рождения.

Дэш, это тяжело и, похоже, выше моих сил. Иногда все вроде нормально, но стоит остаться в одиночестве, и на меня опять накатывает.

Время лечит раны, но много времени должно пройти прежде, чем забудется страшный удар, который мама хотела отвести от меня. Я работаю над несколькими новыми вещами, и как только что-нибудь получится, дам тебе знать.

Провел чудесный месяц, хотя в делах спад. Но я не волнуюсь, у тебя и у твоей семьи все хорошо. Привет от Бесс. Ей почему-то последнее время недужилось. Может, все надоело? Помнишь ли ты ту историю? Я никогда не забуду ее. Дай знать о себе. Когда тебе будет удобно. Твой брат, Гарри Гудини».

Это письмо интересно тем, кто изучает «Гудиниану», по нескольким причинам. Итак, 6 апреля не был его настоящим днем рождения. Значит, истинной даты Гарри не знал. Он намекает на то, что миссис Вейсс знала о разладе в семье перед отъездом Гудини в Данию, ничего не сказала ему во время их последней встречи, щадя его чувства. Из письма видно также, какие теплые чувства Гарри испытывал к Хардину.

Интересно, что Гудини не упоминает камеру для пыток водой, которую он в своих записях обозначает буквами «в. д.» (вверх дном). Возможно, в то время он еще не оценил важности их с Коллинзом разработки.

Камера стала номером, от которого зрители, казалось, никогда не уставали. Гарри показывал его год за годом «под занавес» представлений. Старые трюки тоже вошли в трехактное вечернее шоу, которое стало его лебединой песней. Ни один другой по-

мер всемирно известного артиста не вызывал столько пересудов среди непрофессионалов и таких жарких споров среди иллюзионистов.

Существовало, по крайней мере, две модели этого устройства. У первой был стеклянный фасад и металлическое крестообразное покрытие. Вторая модель находится сейчас в коллекции Сиднея Раднера. Интерьер виден полностью. Она сделана из красного дерева, рама для стеклянной панели — стальная. Все сооружение весит около тысячи семисот фунтов. В комплект входят пять футляров, обитых плюшем, наподобие тех, в каких хранят дорогие дуэльные пистолеты. В них укладывались боковины, днище, задняя стенка, специальная верхняя рама с наклонными панелями, которые удерживали голени Гудини, когда его переворачивали вниз головой и опускали в наполненную водой камеру. Есть специальная упаковочная клеть для металлической передней части со стеклянным окном, другая — для запасного стекла, в третью упаковывались металлические листы, устилающие камеру, и тонкие металлические полоски, которые предохраняли стекло с внешней стороны. В обычном ящике помещались блоки, различные инструменты и веревки для подъема, ярды резины для «печатей» и болты, которыми скреплялась камера.

Когда Гудини попадал внутрь, бронзовые засовы закрывались, запиралась крышка. Висячие замки, принесенные зрителям, запирали скобы.

Зрители видели, как Гудини висит в воде вниз головой. Занавес задерживали. Толпа ждала три минуты, в продолжении которых оркестр играл «Ныряльщика». Затем из будки выходил Гудини. С него стекала вода. На лице — притворно усталая улыбка.

Никто и по сей день не знает, как же он освободился. Раднер, показывая мне знаменитую камеру, которую он приобрел у Хардина в 1943 году, сказал, что никогда не наполнял ее водой. Резиновые прокладки с годами испортились. Если в будущем он когда-нибудь заменит прокладки, соберет камеру, как она собиралась для представлений Гудини, и наполнит ее водой до самого верха, то, наверное, сможет сделать интересное открытие. Лично мне кажется, что весь секрет заключается в том, что вода достигает строго определенного уровня: на шесть дюймов ниже верхней панели. Во всяком случае, камера сделана

по росту Гудини. Раднер, высокопрофессиональный мастер освобождения, слишком высок для нее. Но, как знать, быть может камера так и не позволит открыть свою тайну?

Весной и в начале зимы 1913 года Гудини выступал уже без прежнего огонька. Большую часть свободного времени он писал поэмы, посвященные их матери. Те, что удавалось опубликовать, он посылал своим друзьям.

В декабре Гарри Дэй мог подписать для Гарри хорошие контракты, но тот слишком тосковал, чтобы работать. Они с Бесс на месяц отправились в Монте-Карло. Бесс надеялась, что Гарри немного забудется, и впервые не ворчала, видя, как он сорит деньгами. Однако даже азартные игры не влекли его. В первый вечер в Монте-Карло он выиграл тысячу пятьсот франков, но так и остался мрачно подавленным. Лишь на другой день после посещения могил самоубийц Монте-Карло, настроение у него немного поднялось. Гарри сделал подробные заметки и описал могилу, в которой была похоронена супружеская пара, совершившая самоубийство.

К началу нового года виски его поседели. Бесс считала, что так он выглядит более солидно, и Гудини был полностью с ней согласен. Он пошел к фотографу и снялся несколько раз.

Наступающий 1914 год нес с собой большие перемены, которые нарушили прежнюю размеренную жизнь. Когда полчища Кайзера двинулись на Бельгию, весь ритм жизни планеты, казалось, ускорился. И теперь надо было действовать быстро: публике надоело ждать по полтора часа, пока скрытый занавесками Гудини выберется на волю. Зрители становились нетерпеливыми. Трудные и длинные номера, такие, как мокрые простыни, уже не годились для сцены. Однако у Гарри были в запасе и более эффектные трюки. Один журналист как-то назвал его «человеком, проходящим сквозь стены». В новом сезоне Гудини задумал сделать именно это. Или, во всяком случае, нечто очень похожее.

Сквозь кирпичную стену

Смерть матери очень изменила характер Гарри Гудини. В апреле 1914 года в Эдинбурге он отметил свое сорокалетие, очень горюя, что его дорогой ма-тушки больше нет с ним. До того черного летнего дня, когда он, ворвавшись в дом, увидел свою мать в гробу, Гарри, по сути дела, оставался мальчишкой. Теперь он превратился в надменного и сентиментально-го себялюбца. Изменилось его отношение к коллегам: он больше не боялся, что старшие мальчишки отнимут его игрушки. Теперь он начал встречаться со своими братьями по профессии.

Гудини и Голдстон основали в Лондоне клуб иллюзионистов, и Гарри стал его бессменным президентом. Специально для него на возвышении поставили резное кресло, и Гарри председательствовал, сидя в нем. В конце концов, он начал понемногу раскрывать коллегам свои секреты. Среди тогдашних фокусников были великие люди, способные постичь то, что делал Гудини, или, по крайней мере, изобрести нечто подобное и добиться такого же эффекта. Гарри заметил, что иллюзионисты с радостью помогают тем из своих коллег, которыми они восхищаются. Помешанные на магии мальчишки, которых он некогда поддерживал добрым словом, теперь стали взрослыми мужчинами, нашедшими свое место в индустрии развлечений. Они искренне восхищались Гудини, и теперь, почувствовав себя одиноким после смерти матери, он ближе сошелся с ними. При этом он, правда, не позволял им показывать трюков с освобождением и разрушать его образ сверхчеловека.

Голдстон любил рассказывать о собрании в клубе иллюзионистов, на котором должен был председательствовать Гудини. Когда в зале погас свет, Гудини и Уилл вышли посмотреть предохранительную коробку на чердаке. Чердак закрывался на висячий замок довольно простой конструкции, но очень ржавый. При свете спичек Гарр и принялся открывать замок отмычками и после долгой борьбы... признал свое поражение! Собрание продолжалось при свечах, что, видимо, лучше всего соответствовало его теме и сос-

таву присутствующих. Однако Гарри кипел от негодования. Когда один недалекий иллюзионист начал подтрунивать над ним, Гудини обрушил на него поток брани, который не иссякал целых десять минут. Незадачливому шутнику пришлось удалиться. С тех пор никто не решался напомнить Гарри о его конфузе.

Чтобы сохранить лицо, Гудини всегда стремился превзойти своих коллег даже в тех трюках, которые не были связаны с освобождением. После того, как Гарри Келлар ушел на покой в 1980 году, величайшим жонглером Америки стал Говард Торстон, только что вернувшийся из поездки по странам Востока, где он выступал перед японским императором и правителями Китая. Торстон был пятью годами старше Гудини. Он собирался стать миссионером, но однажды увидел выступление Алекса Херманна и на всю жизнь полюбил цирк.

От Келлара Торстон перенял много сложных трюков, включая «Пляшущую принцессу Карнак», одну из вершин американской магии. С точки зрения технического обеспечения номер этот был шедевром: реквизит для него занимал одиннадцать ящиков, а в собранном виде едва умещался на заднике сцены. И все это — для того, чтобы хрупкая девочка могла взмыть в воздух. Но особую прелесть номеру придавало безупречное соблюдение временного графика и мелодичный голос Говарда Торстона.

Гудини и Торстон стали друзьями, но Гарри всегда завидовал иллюзионисту. Оба начинали как карточные фокусники, но утонченность Торстона придавала его номерам особый лоск, которого Гудини с его взрывной натурой не достигал никогда. И вот теперь, в 1914 году, Гарри решил победить Торстона на его поле, дав представление на целый вечер.

Голдстон свел его с организатором представлений иллюзионистов Чарльзом Морритом, который разрабатывал эффекты для Маскелина и Диванта в их лондонском театре магии «Египетский зал».

Гудини назвал свое представление «Волшебное ревю» и включил туда старый трюк с подменой ящика-метаморфозы». К радости Бесс, это дало ей возможность вернуться на сцену и, по мнению Гарри, она никогда не работала так хорошо.

Один из трюков «Золотой дождь» — был выдум-

кой Гудини. Золотые монетки падали сверху до тех пор, пока не заполняли корзину. В своей программе он назвал его «Деньги ни за что». Но Гарри не смог выжать из этого трюка столько, сколько выжимали другие исполнители. К примеру, «Король денег» Нельсон Даунс сделал из «Золотого дождя» подлинное чудо.

С точки зрения профессионалов, самым интересным номером его программы был «Волшебный куб де Кольта», один из легендарных трюков в истории этого искусства. Очевидно, Гудини проделал трюк только один раз и присвоил себе монополию на него, не желая делиться даже со вдовой изобретателя, Бутат де Кольта.

Эффект был огромен, хотя в мифе о Гудини он все же несколько преувеличен. Иллюзионист выходит на сцену, неся маленькую сумку, в которой, как он сообщает публике, спрятана его жена. Из сумки он достает куб со стороной в шесть дюймов и ставит его на подставку. Раздается выстрел, куб распадается, и из него появляется женщина.

Голстон вспоминает, что Гудини несколько недель выступал с этим номером в провинции, после чего опять начал показывать освобождения. Имя Гудини ассоциировалось у зрителей со сногшибательными смертельными номерами, и им не нравилось, когда он показывал трюки с девчонками, выскакивающими из ящиков.

4 мая английский изобретатель С. Е. Джосолайн продал Гудини номер, который назывался «Прохождение сквозь стальную стену». Право на показ трюка обошлось Гарри всего в три фунта стерлингов.

Номер этот, если рассматривать его как иллюзию, ставил в тупик. Но ведь любой трюк хорошего иллюзиониста — всегда загадка. Добавив несколько новых штрихов, Гудини произвел фурор. Он планировал показать трюк на открытии сезона в «Рут Гарден» в июле.

Гарри возвращался домой в прекрасной форме. Ему сообщили, что на борту «Императора» вместе с ним плывет бывший президент США Теодор Рузвельт, и Гудини приготовил номер специально для него, да такой, что слухи о нем достигнут Америки быстрее, чем сам исполнитель, благо на судне есть телеграф.

Вскоре Гарри познакомился с Рузвельтом, которым он всегда восторгался. Гудини подговорил одного из офицеров, и тот подошел к нему, когда артист прогуливался с Рузвельтом по палубе: беседуя с ним о спиритизме и проделках нечистых на руку медиумов. Приблизившись, офицер спросил Гудини, не согласится ли он устроить маленькое представление. Рузвельт ухватился за эту идею и попросил Гарри провести спиритический сеанс. Все шло по плану.

Во время сеанса Гудини попросил зрителей написать вопросы «духу», который ответит посланием, начертанным на чистой грифельной доске. Записки были собраны в корзину, и одну из них выбрали, чтобы адресовать привидению.

Рузвельт соблюдал величайшую осторожность, когда писал вопрос. Один из зрителей предупредил его: «Повернитесь спиной, иначе он расшифрует слова по движениям вашего карандаша». Теодор Рузвельт повернулся спиной, взял книгу, лежавшую на соседнем столике, положил на нее бумагу и написал вопрос.

Когда вопросы были собраны, Гудини неожиданно изменил обычный порядок, отложил записки в сторону и попросил президента вложить свою записку между досками — «для духа». Рузвельт так и сделал. Когда доску открыли, он был как громом поражен. Он увидел карту, вычерченную цветными мелкими, с четко обозначенной дорогой и стрелкой, указывающей на определенную точку. Это был район Южной Америки, куда Рузвельт несколько месяцев назад предпринял экспедицию, чтобы найти истоки Реки Сомнений. Когда развернули записку Рузвельта, один из зрителей прочел вслух: «Где я провел Рождество?»

Такое и впрямь было достойно внимания, и судовой радист послал сообщение об этом в Нью-Йорк. В порту Гудини оказали такие же почести, как и самому Рузвельту.

Гарри удалось поразить президента, благодаря своему искусству, удаче и чувству рекламы. Удачное совпадение — вот то истинное чудо, которое объясняет все, казалось бы, необъяснимые чудеса.

Перед сеансом Гудини предложил ряд вопросов, которые можно задать. «Что находится в левом кармане моих брюк?». «Когда умерла моя тетушка Кейт?»; «Где я был на прошлое Рождество?». Он так

расположил их, что вопрос, написанный им самим: «Где Теодор Рузвельт провел прошлое Рождество?» вполне мог сыграть роль выбранного «наугад». Ответить на вопрос он спланировал в другой форме. На столах в салоне лежало несколько романов из судовой библиотеки в суперобложках. Перед сеансом Гудини вложил под суперобложку одной из книг копировальную бумагу и обычный бумажный лист. Когда Теодор Рузвельт искал твердую поверхность, чтобы написать вопрос, Гудини просто подал ему ближайшую книгу. Взяв эту книгу обратно минутой позже, он вытащил листок из-под суперобложки и прочитал вопрос Рузвельта. Теодор Рузвельт проглотил крючок и написал: «Где я провел прошлое Рождество?»

Это имело особый смысл для Рузвельта, так как празднование Рождества в далеких Андах было темой одной из статей об экспедиции, которую он написал для лондонской «Телеграф». Во время сеанса статья о Рождестве еще не была напечатана, но Гудини слышал о ней от своих приятелей из редакции. Прежде чем сесть на пароход, он посетил «Телеграф», прочитал статью о Рождестве и скопировал карту, которая должна была иллюстрировать статью.

Перерисовка карты цветными мелками на доску — всего лишь мастерский фокус, который вопрос Рузвельта, заложенный между досками, превратил в чудо.

6 июля, когда он начал выступать в «Виктории» (теперь уже за тысячу двести долларов в неделю), большинство зрителей уже успели прочесть статью о чудесной карте. Придя на представление, они стали свидетелями другого «чуда», которое буквально поразило их.

Гудини объявил, что намерен представить свое последнее изобретение. Когда он снискал себе известность побегами из тюрьмы, его стали называть «человеком, проходящим сквозь стены», и теперь он хотел пройти сквозь стену на глазах у публики.

На сцене расстелили широкий ковер, а на нем — цельный кусок муслина, тщательно осмотренный комиссией. Сбоку сцены бригада каменщиков быстро возвела стену из кирпича, встроив в нее стальную балку длиной в десять и шириной в один фут. Стена стояла на прочных роликах, которые создавали трехфутовый просвет между нею и полом. Высота стены

составляла восемь футов, ширина — десять. Ее прикатили в центр сцены и поставили под прямым углом к публике. Комиссия собралась вокруг стены. Гудини велел стоять проверяющим на муслиновой простыни, дабы избежать подозрений в обмане. Он заявил публике, что из-за ковра и простыни никак не сможет воспользоваться какими-либо люками в сцене.

Комиссия будет наблюдать за дальним концом стены, зрители — за ближним, и все увидят, если он попытается обойти стену. Коллинз и Викери вынесли два небольших экрана и установили их против стены по одному с каждой стороны. Из-за экранов виднелись торцы стены. Зайдя за один экран, Гудини воскликнул: «Я здесь!» Раздался барабанный бой и звон тирелок. «А теперь я здесь!» — крикнул Гарри с другой стороны экрана и появился, пройдя сквозь стену.

Эффект был настолько ошеломляющим, что аудитория оцепенела. Номер никогда не был вознагражден рукоплесканиями, которых заслуживал: публика испытывала такое потрясение, что не могла аплодировать. Сразу за «стеной» шел индийский трюк с иголками, а «под занавес» — молочная фляга в запертом ящике.

Хаммерштейн, директор «Рут Гарден», объявил, что программа в его театре будет меняться каждую неделю, и Гарри действительно вводил новые номера или, по крайней мере, видоизменял старые.

Неделю, начавшуюся дневным спектаклем в понедельник 13 июля, он посвятил стене, иголкам и фляге в ящике.

Программа на следующую неделю обещала, что Гудини освободится из погруженного в воду ящика, обитого стальными полосами, на глазах у членов комиссии. Это была лишь полуправда: ведь низ ящика скрывался под водой, и виден был только верх. Сам бассейн окутывала тьма. С таким же успехом Гарри мог проделать свой трюк в резервуаре с чернилами.

Выступая в Нью-Йорке, Гудини навестил свою старую галсточную фабрику и встретился с членами профсоюза. Один из бывших коллег сказал ему: «Эрик самым великим освобождением в твоей жизни было освобождение от производства галстуков».

Гарри не любил, когда на афишах писали имена других артистов рядом с его собственным. Но одна юная актриса уговорила его позволить ей «присоеди-

ниться» к нему на афише. Гудини согласился, хотя это шло вразрез с его принципами. Импрессарио девушки сфотографировал фасад театра, убрав с афиши имя Гарри, и послал снимки в газеты. Создавалось впечатление, что именно девушка возглавляла программу. Взмешенный Гудини явился в контору импрессарио, учинил там скандал и переломал мебель.

После закрытия сезона в «Виктории» Гудини никогда больше не показывал «кирпичную стену». Обычно во время его выступлений сцена была скрыта, и никому не разрешалось наблюдать приготовления Гудини. Но этого невозможно было сделать в случае со «стеной». У трюка был один роковой, с точки зрения Гарри, недостаток: все коллеги знали, как он проделывался. Гудини, разумеется, пролезал под стеной. Ковер и простыня не мешали ему воспользоваться люком. Когда Гарри скрывался за экраном, ассистент под сценой открывал люк. Ковер оседал, и Гудини мог пролезть в просвет, после чего люк закрывался, вот и все. Члены комиссии, стоявшие по краям ковра, были слишком далеко, чтобы что-нибудь заметить, к тому же, их вес мешал ковро слишком просесть.

Когда работники театра выболтали секрет стены, Гудини забросил этот трюк.

После Хаммерштейна Гарри вернулся в театр Кейт, где показывал трюки со смиренной рубашкой, иголками и водяной камерой.

К тому времени прыжки с мостов в наручниках были в репертуаре всех иллюзионистов, умевших плавать. Дэш теперь показывал номер с ящиком под водой, и другие фокусники, без разрешения Гудини и его советов, вскоре переняли его.

Придумывая новый трюк, Гарри остановил свой выбор на смиренной рубашке, но на сей раз он решил высвободиться из нее, висая вниз головой на карнизе небоскреба. «Ну-ка, пусть попробуют проделать это!»

Слоны и орлы

Европа пребывала в агонии, вызванной первой мировой войной, и ей, естественно, было не до Гудини с его подвигами. Но Соединенные Штаты жаждали зрелищ, и Гудини, поняв, какая богатая жила еще не разработана, решил не упустить открывающиеся возможности.

Его новый сенсационный трюк имел все признаки карнавального действия и при этом был практически не опасен. В сентябре он заключил с газетой «Канзас-Сити пост» соглашение о рекламе. Пятитысячная толпа наблюдала, как Гудини, одетый агентами сыскной полиции города в смирительную рубашку, был поднят за ноги при помощи лебедки, установленной на крыше редакции газеты, и в таком положении некоторое время раскачивался на большой высоте. Освободившись от смирительной рубашки всего за две с половиной минуты, он торжествующе бросил ее вниз, в толпу. Поскольку представление служило хорошей рекламой газете, Гудини нисколько не сомневался, что сообщение о его подвиге будет помещено на ее первой полосе.

Это был очень эффектный и впечатляющий трюк: мало кто сознавал, что в положении «вверх тормашками» поднять руки и освободиться от смирительной рубашки было легче, чем в обычном положении. Впрочем, Гудини так наловчился работать с этой рубашкой, что в любых позициях почти не боялся неудачи, хотя все время находился под бдительным оком «мудрых» членов комиссии. Все же Коллинз, как всегда находчивый и обаятельный, был рядом и в случае необходимости мог пустить в ход и кулаки. Между тем лысина и очки придавали ему совершенно безобидный вид.

Впервые показанное в Канзас-Сити освобождение из смирительной рубашки в положении вниз головой, постоянно совершенствовалось. Очень важно было правильно связывать лодыжки, поскольку если подкладочный слой ватина был слишком тонок, а веревки закреплены неверно, недолго было и кость сломать. Здесь Коллинз был незаменим. Гудини однажды пере-

жил неприятные минуты, когда из-за сильного ветра его стало бить о карниз здания. Впоследствии он всегда проверял, привязана ли к его лодыжке страховочная веревка, конец которой держал человек, стоявший у окна в здании. При сильном ветре он мог затащить Гарри туда. Правда, не зарегистрировано ни одного случая, чтобы Гудини из-за сильного ветра отложил показ трюка, но мерами предосторожности он никогда не пренебрегал.

Публика всегда с большим восхищением следила, как Гудини, висющий в воздухе, совершает разнообразные движения туловищем, вращается, изгибается, пытаясь сбросить с себя смирительную рубашку.

В тех случаях, когда этот трюк по той или иной причине показать было невозможно, Гудини придумывал что-нибудь другое или был готов воспользоваться предложениями, поступающими от публики.

В декабре в Солт-Лейк-Сити он договорился с похоронным бюро, что его положат в гроб (кому он принадлежал — Гарри или похоронной компании, мы так и не знаем), крышку которого наглухо закрепят винтами. Затем для пущей надежности гроб был помещен в склеп. Возможно, это был тот же самый гроб, которым Гарри пользовался, давая представления в британском мюзик-холле; отверстия в крышке гроба были закупорены хорошо подогнанными пробками.

С тех пор, как слава Гудини начала расти как снежный ком, любой его шаг становится широко известным. В 1916 году неожиданно для него самого его имя обошло все газеты мира. Все началось с того, что на торжественной церемонии в Метрополитен-Опера в Нью-Йорке Саре Бернар была подарена бронзовая статуэтка, изображающая ее саму. Преподнеся Божественной Саре этот подарок от имени американских актеров и актрис, с приветственной речью выступил Джон Дрю, один из любимых и знаменитых драматических актеров Америки.

Сара Бернар была кумиром Гудини. Он обожал ее не только за потрясающее исполнение «Дамы с камелиями», но и за ее мужество: в свои 72 года, с ампутированной ногой, она смогла «задать им жару», блистательно сыграв в собственной постановке знаменитой мелодрамы. Гудини обрадовался, услышав о подарке.

Вскоре, однако, произошел конфуз: когда пришел

чек на 350 долларов от компании «Горхем», отлившей статуэтку, никто не пожелал раскошелиться. Театральные знаменитости, оставившие на подарке свои автографы, сочли, что им негоже опускаться до такой прозы, как оплата чека. В конце концов компания послала чек самой Саре. Та отправила статуэтку назад, сопроводив ее язвительным письмом.

Гудини, прослышав об этой истории, пришел в ярость; давая выход своему гневу, он отправил компании «Горхем» чек на 350 долларов. Саре Бернар он послал письмо, прося ее принять статуэтку от имени американских артистов варьете.

Это был типично его жест, широкий и импульсивный. В течение двух недель его рекламное агентство переслало ему 3756 газетных вырезок, посвященных этому эпизоду. Каждая газетная вырезка в среднем состояла из 15 строк. Такая реклама обошлась бы самому Гудини в 56000 долларов.

В поисках новой сенсации Гудини в 1916 году начал подготовку к погребению заживо — и при том без гроба! Нечто подобное проделывают индийские йоги: погребенные заживо, они довольно долго находятся в состоянии полного оцепенения. По замыслу Гудини, его ноздри и рот затыкались ватой, голова прикрывалась капюшоном, и он опускался в вырытую яму, сразу же становясь на четвереньки. Под прикрытием капюшона он выплевывал вату изо рта. Яма засыпалась рыхлой землей. Внутри ямы из-за принятого Гудини положения тела должно было сохраниться свободное воздушное пространство, достаточное для дыхания в течение времени, которое нужно было, чтобы выбраться из могилы. Проведенные им тайком испытания показали: земля настолько тяжела, что могила может из мнимой превратиться в настоящую; это вынудило Гудини отказаться от своей затеи. Он выбрал компромиссный вариант: сначала его укладывали в гроб.

Весной 1917 года страна, совсем недавно избравшая Вурдо Вильсона на второй президентский срок под лозунгом «Он спас нас от войны», с невиданным прежде всплеском патриотизма приветствовала вступление Америки в ту же войну. 11 июля 1917 года Гудини с ликованием написал Голдстону: «Завтра я вступлю в ряды армии. Ура! Теперь я тоже солдат!»

Однако его ждало горькое разочарование: вербующие в армию офицеры дали ему понять, что мужчи-

на в сорок три года слишком стар для войны, даже если он способен вылезти из смиренной рубашки, будучи подвешенным за ноги.

С характерной для него энергией Гудини начал давать представления на различного рода митингах и военных сборах. Для новобранцев он показывал «честную магию», которую сам очень любил. Его номер «Деньги ни за что» вызывал бурный восторг солдат-пехотинцев. Он с трудом подавлял волнение, когда думал о том, что эти смеющиеся сейчас парни вскоре будут ползти по «ничейной» земле, подвергаясь опасности смерти от снарядов или отравляющих газов. Он «доставал» прямо из воздуха пятидолларовые золотые монеты и бросал их солдатам на память о доме. К концу войны он роздал таким манером 7000 долларов, не делая на этом для себя рекламы. Он считал это «мицвой» — добрым делом, на которое с радостью тратил собственные деньги.

В день заключения перемирия он собственноручно продал облигаций на миллион долларов. Вместе с Коллинзом он разработал конструкцию водолазного костюма для военно-морского флота, который, в случае необходимости, водолаз мог легко снять и выплыть на поверхность. Этот проект так и погряз в министерских бумагах и никогда не был осуществлен, хотя Гудини и Коллинз делали все, что могли.

В 1917 году началась новая фаза его взаимоотношений с коллегами по ремеслу. Он был в этом году избран национальным президентом общества американских иллюзионистов. Злопыхатели утверждали, будто он пролез на этот пост благодаря покупке в Нью-Йорке магазина, называемого «дворцом магии», в тайной комнате которого могло собираться правление общества, не платя никакой ренты. В действительности же к этому времени в Америке только два имени — Гудини и Терстона — ассоциировалось с магией, причем Терстон, при всех его достоинствах, как организатор был намного ниже Гудини, благодаря энергии которого на западе и юге страны под эгидой общества основывались клубы фокусников. Именно Гудини основал это общество и, естественно, должен был возглавить его.

Не все шло гладко в среде фокусников. Как-то на банкете иллюзионист, лояльность которого по отношению к Гудини была сомнительной, попросил разре-

шения показать фокус. Он подошел к столику, за которым сидел Гудини, поприветствовал великого человека и положил под одну его ладонь пенни, а под другую — монету в десять центов. Затем на тыльную сторону каждой ладони он поставил стаканы, наполненные водой, и провозгласил, что, когда он произнесет волшебное слово, пенни и десять центов поменяются местами.

Гудини, бывший, как всегда, начеку, почувал неладное и попытался снять со своей ноги башмак. В случае необходимости он мог для каких-то простых действий использовать пальцы ног не хуже, чем пальцы рук. Однако фокусник действовал слишком быстро, к тому же руки Гудини были заняты стоявшими на них стаканами воды. Фокусник отошел в противоположный угол комнаты, произнес какое-то заклинание, после чего комната погрузилась во тьму. На фоне глухого гомона раздался резкий голос фокусника: «Вы самый великий мастер освобождения на свете, не так ли? Посмотрим, как вы выйдете из этого положения!»

Эта детская шутка была стара, как мир, и популярна, наверное, еще в питейных заведениях Помпеи. Если бы Гудини не потерял голову от гнева, он мог бы обратить все против самого «умника», заменив в темноте десятицентовик и пенни на две так любимые золотые монеты. Но реакция Гудини была именно такова, на какую рассчитывал шутник — он резко сбросил с ладоней стаканы, разбив их и разлив воду, и закричал: «Негодяй! Гоните его прочь!»

Но фокусник уже смылся.

Как уже говорилось, Гудини никогда не брался за рискованный трюк, не просчитав все до мелочей. Но иногда он, по какому-нибудь особому случаю, показывал номера, в которых содержался весьма значительный элемент случайности. Одним из таких событий стал грандиозный бенефис, устроенный в честь тринадцатой годовщины нью-йоркского цирка, самой большой сцены страны. Сумма, вырученная из выступлений большого числа талантливых артистов, шла в пользу женского театрального фонда помощи жертвам войны. Лео Карильо был мастером устраивать пышные церемонии. Программа включала в себя показ тренировочных упражнений, выполняемых подразделениями сухопутной армии, военно-морского флота и морской пехоты, а также полицейскими пятнадцато-

го участка. В торжественной церемонии и драматических сценах, названных Боевым Гимном Республики, принимали участие знаменитые драматические артисты; сейчас помнят только имя Джозефины Холл. Перед драматическими сценами было показано представление, о котором в сувенирной программе сообщалось так: «Специальное представление Гудини. Приняв предложение офицеров танкового корпуса Соединенных Штатов, Гудини попытается выйти из бассейна цирка после того, как его опустят туда в смиренной рубашке, в которую он будет закутан с головы до пят. Гудини сначала будет подвешен вниз головой над бассейном, а затем брошен в воду.

Испытание будет проведено под наблюдением капитана Генри Джорджа. Примечание: бассейн цирка будет открыт и заполнен водой на виду у публики».

Эта смиренная рубашка, находящаяся ныне в коллекции Раднера, была одним из изобретений Гудини. Сшитая из палаточной ткани в бело-коричневую полоску, она напоминала обычную, но внизу заканчивалась чем-то вроде мешка. Ширина кожаных манжетов не превышала одного дюйма. Гудини одевали в этот костюм так же, как в обыкновенную смиренную рубашку, только талию, колени и лодыжки обвязывали добавочными ремнями. Освобождение из такого костюма было очень эффектным зрелищем, публика всегда была в восторге, глядя, как вертится и извивается тело фокусника.

Другое дело — освобождение из такого костюма под водой. Трюк можно было исполнить только в знаменитом бассейне цирка и ни в каком другом месте. В этом огромном бассейне, обнаруживающемся при сдвигании сцены, ставились яркие спектакли на воде. Участвующие в них девушки спускались в него по витиевато украшенной лестнице и исчезали под водой. Скорее всего, где-то они выныривали снова, но публике оставалось только гадать, где и как.

В действительности они поворачивались у нижних ступенек и плыли под водой через арочный проход у задней стенки бассейна, ведущий под театральным задником к поверхности воды и другой лестнице.

Это была идеальная конструкция для эффектного одноразового представления Гудини, поскольку наряду с другими многочисленными достоинствами Джима Коллинза он еще и прекрасно плавал. Как только

«король освобождений» опускался в смиренной рубашке вниз головой в бассейн, Коллинз выплывал из тайного грота, хватал его, вытаскивал наверх и расстегивал на нем рубашку. Освобожденный Гудини, взяв костюм с собой, плыл назад и показывался на поверхности перед публикой. Так, или, по всей вероятности, так, все и произошло, поскольку многие детали представления вообще остались невыясненными. Не обсуждая здесь трудности освобождения от насквозь мокрого костюма, скажем лишь, что Гудини не был бы самим собой, если бы отказался дать такое представление в столь удачно устроенном бассейне. Но в равной мере Гудини не был бы Гудини, если бы стал показывать этот эффектный трюк регулярно: он не привык полностью зависеть от другого человека, даже если этим другим был Коллинз.

На этой сцене, где Гудини работал в течение всего сезона 1918 года, он представил трюк, о котором было больше всего разговоров. Назывался номер «Исчезающий Слон».

Этот трюк годом раньше предложил директору цирка Бернсайд изобретатель фокусов Гай Джаретт, который построил четырехфутовую модель своего собственного варианта исчезающего слона. Подобно многим гениальным людям, Джаретт был только искусным мастером, но не обладал качествами, необходимыми дельцу. Непонятно, почему Бернсайд сперва отказался от номера со слоном, предпочтя спектакль, который обещал поставить Терстон. Но этот спектакль так и не осуществился. Тогда Бернсайд обратился к Гудини, и последний показал номер публике.

Правда, назвать его фокусом можно было лишь с большой натяжкой, так как ящик, в котором находился слон, выталкивался на сцену четырьмя ассистентами. Кроме того, еще более десятка ассистентов разворачивали ящик боком. Затем опускались две круглые боковые панели, что давало возможность публике просматривать ящик насквозь, чтобы убедиться, что слона нет. Правда, многие бесхитростные зрители предполагали, что слона не видно потому, что он лег, распластавшись на полу. Гудини мало волновало, догадывался ли кто-нибудь, как проделывался этот трюк. Ведь в зале цирка помещалось всего несколько тысяч зрителей. Зато миллионы читали о Гудини как о чело-

веке, заставившем исчезнуть слона, а именно на это он и рассчитывал.

В том же году Гудини показал на арене цирка действительно первоклассный номер, последний в сезоне. 16 июля 1918 года Гудини купил у известного импортера птиц Джоржа Холдена ручного орла, заплатив за него двести долларов. Обычно импульсивный при покупках, Гудини на этот раз проявил несвойственную ему деловую осторожность. Он составил тщательно продуманный документ, подписанный Холденом, согласно которому в том случае, если орел не подойдет для представлений, Гудини сможет вернуть его для продажи на комиссионных началах за сумму не менее ста пятидесяти долларов.

Орел был использован в типичной для Гудини рекламной манере. Гарри показал в начале рутинный номер, когда вода в стакане внезапно превращается в чернила, однако закончил его необычным способом: он стал извлекать из чернил флаги всех стран, сухие и неиспачканные, и, конечно же, американский флаг оказался вчетверо больше остальных. Даже фокусники не могли поверить, что в Америке в военное время можно было изготовить шелковый флаг такой величины, но для Гудини не было ничего невозможного. Лишним доказательством тому явилось появление живого орла у него на плече! Этот номер привел публику в неистовый восторг.

Гудини говорил, что это был первый ручной орел после вошедшего в историю «старого Эйба», талисмана объединенной армии времен Гражданской войны. Гудини назвал своего орла «Юным Эйбом». Эта птица не приносила своему владельцу особых хлопот, во всяком случае, судя по письменным источникам. Произошел, правда, один смешной случай. Орел и любимая собака Гудини путешествовали обычно в одинаковых ящиках. Однажды, когда для Гудини готовили номер, он обнаружил, что в ящике, присланном в театр, находился не орел, неизменно ошеломляющий публику, а пес. Это вызвало всплеск неистового гнева; однако Гудини был хоть и вспыльчив, но отходчив. Уже на другой день вся эта история была забыта.

Лишь в редких случаях Гудини гневался на своих сотрудников. Если надо было кого-нибудь отчитать, он делал это наедине и никогда не предавал огласке. Обычно такой разговор заканчивался будничными

распоряжениями относительно дальнейших планов.

К концу войны у Гудини появился более серьезный соперник, чем подражающие ему фокусники, демонстрирующие освобождение от наручников, которых он всегда называл мошенниками. Перед войной в стране уже существовали маленькие дешевые кинотеатры, располагавшиеся в помещениях бывших складов или магазинов. Число мест в них не превышало 299: залы, в которых могли сидеть 300 и более человек, не могли существовать без театральной лицензии. Но в 1914 году несколько отважных парней всадили миллион долларов в реконструкцию Стрэнд-театра на Бродвее. В театре был полный оркестр, который мог исполнять 30 пьес. Здесь показывали только фильмы, причем плата за сеанс составляла 25 центов. Примеру этих энтузиастов последовала компания «Витаграф», переоборудовавшая для показа фильмов театр Критерион. Предприимчивый Маркус Лоев дал новый толчок развитию киноиндустрии, объединив демонстрацию кинофильма с показом «живьем» самих звезд, который обычно происходил перед премьерой.

В 1915 году Гриффитс пошел дальше, создав свой идейно спорный эпический фильм «Рождение нации». В нем он использовал новые приемы киносъемки: крупный план, общий план, затемнение. Этот фильм снова обнажил уже заживающие раны Гражданской войны и возродил к жизни Ку-Клукс-Клан. Фильм шел на Бродвее с неизменным успехом в течение сорока четырех недель, а цена билетов достигала двух долларов. Затем он демонстрировался по всему свету.

Переезд театральной труппы из одного места в другое вместе с декорациями, реквизитом и костюмами всегда был непростым делом. Теперь же какая-нибудь пьеса могла уместиться в нескольких плоских коробках. Ее можно было с легкостью и почти за бесценок перевезти, куда угодно. В еще смутных очертаниях нарождающегося искусства Гудини смог прочесть смертный приговор варьете. Но и этот вызов он принял со свойственной ему решительностью.

Жестокая игра

Гудини не мог жить иначе, чем в состоянии безграничного воодушевления. Когда-то он собирал произведения искусства, затем пришло увлечение воздухоплаванием. Теперь он по уши влюбился в кино.

Новая индустрия приступила к выпуску нескольких хороших и серьезных фильмов; техника киносъемок продолжала совершенствоваться. Уже была сделана попытка создать цветные фильмы, хотя оставались нерешенными еще многие проблемы, над которыми работали химики и инженеры. Уже предпринимались усилия, чтобы заставить движущиеся картинки заговорить. И не только заговорить, но и запеть. А когда цветные музыкальные ревю с поющими под полный оркестр звездами смогут появиться в любой провинции, тогда можно сказать «прости-прощай» большому варьете.

Многие звезды варьете так и не смирились с неизбежным и проводили оставшиеся дни в слезливых воспоминаниях о прошлом, тщетно надеясь на возвращение прежнего водевиля. Гудини не желал следовать их примеру. Нужно было найти достойный ответ на вызов времени — не только из-за денег, но и ради сохранения славы. В 1919 году ответ был самоочевиден: он должен стать кинозвездой!

Первым его детищем был киносериал «Тайна тайн», который с успехом прокручивался в течение тринадцати субботних вечеров в маленьких провинциальных кинотеатрах всей страны.

Создавать сценарий Гудини помогал Артур Рив, аккуратный, старательный человек, больше известный как «отец» литературного героя Крэга Кеннеди, ученого сыщика. Этот сыщик — американский собрат Шерлока Холмса — впервые появился на страницах журнала «Космополитен» в 1910 году. Рив был пионером научной фантастики. Как и знаменитый Жюль Верн, Рив не старался предугадать далекое будущее. Он был в курсе новейших научных достижений, в частности, в области криминологии, которые могли бы, при некотором воображении, быть использованы для раскрытия преступлений.

Работать над сценарием Риву было нелегко: ведь Гудини имел свои представления о том, что ему нужно.

Фильм начинался с показа некоей таинственной компании под названием «Интернэшнл Пэрентс», которой заправлял бессердечный делец, живший в замке на скале над морем. Правда, в некоторых фильмах это была река. В скальном углублении под домом размещено хранилище, называемое в фильме усыпальницей гениев. Там хранятся макеты изобретений, купленные компанией у изобретателей и спрятанные от мира, чтобы их использование не могло угрожать доходам монополий. (Тедди Рузвельт вел ожесточенную борьбу против трестов, стоящих на пути прогресса; высказывались предположения, что эти тресты покупали изобретения и уничтожали их. Гудини восхищался Рузвельтом. Все это и нашло свое выражение в фильме.)

Гудини играл главного героя, Квентина Локка, тайного агента министерства юстиции, расследующего гнусные проделки этой преступной компании. Однако у магната была дочь-красавица, Ева...

Интрига усложняется из-за появления гигантского стального механического существа, своими очертаниями напоминающего человека. Это существо движется без посторонней помощи и называется просто «Автомат». По крайней мере, один раз в каждой серии он со страшным грохотом выходит из высеченного в скале тайного убежища. Пули его, конечно, не берут. Он запросто проходит через все двери, просто разнося их в щепки. Автомат представляет страшную угрозу для красавицы Евы и смельчака Локка.

Невероятно почему, но этому чудовищу, у которого вместо глаз электрические фонари, подчиняется буйная ватага хулиганов, которые в одном из титров фильма названы «эмиссарами Автомата». Они с терпением и упорством, достойными лучшего применения, в каждой серии стараются убить Гудини, но, несмотря на их усилия, он снова появляется через неделю, в следующей серии. В сыром маленьком подвальчике под китайской курильней опиума «эмиссары» связывают Гудини колючей проволокой. Автомат разбивает несколько бутылок с кислотой. Крупный план: Гудини иступленно борется. Субтитр: «подобно извивающимся змеям, потоки бурлящей кислоты подкрадываются

все ближе, ближе...» В начале следующей серии наш герой выпутывается из колючей проволоки как раз в ту самую секунду, когда струя кислоты почти достигает его, и все это — только для того, чтобы в конце той же серии быть снова связанным веревками и скатываться под медленно опускающийся грузовой лифт.

В следующей серии Гудини (или Квентина Локка) засунули в упаковочный ящик и бросили в воду, а тем временем Автомат дал приказ «эмиссарам» схватить и, по-видимому, изнасиловать застенчивую Еву, хотя, скорее всего, последнее было почином самих «эмиссаров»: вряд ли такое может прийти в голову механическому существу.

Иногда монстру надоедает, по-видимому, полагаться только на грубую силу, тогда он придумывает что-нибудь более утонченное. Так, он заражает свои жертвы «мадагаскарским безумием», при котором наступает бредовое состояние, характеризующееся безудержным хохотом. Заражение наступает при вдыхании аромата свечей с отравленными фитилями.

То была эра вампиров: стереотип бездушной соблазнительницы был создан Тедой Бара и, конечно, в фильме была тоже женщина-вампир. Ее звали Де Люкс Дора, и она выступала в дешевой забегаловке, посещаемой бездомными бродягами и другими отбросами общества.

Наконец, разбив все оковы и освободившись от всех пут, избавившись даже от гаротты, при помощи которой его собирался удушить мадагаскарский убийца, темнокожий дментльмен в тюрбане и длинном сюртуке, Локк изобретает взрывную газовую пулю, которая проникает в стальное тело Автомата; при этом обнаруживается, что Автомат с самого начала управлялся вполне обыкновенным злодеем из плоти и крови, разместившимся внутри механизма. Однако откуда у него такая сверхчеловеческая сила, так и осталось загадкой.

В конце концов, этот сериал был не хуже многих других. Правда, Гудини чувствовал себя напряженно и неуверенно перед камерой, но все же он не был так неловок, как чемпион в тяжелом весе Джен Тани в «Морском пехотинце», вышедшем на экраны несколько лет спустя. Во многих эпизодах Гудини с успехом выполнял трюки, которые он показывал раньше перед публикой.

По-видимому, именно в «Тайне тайн» впервые была использована тема робота, которая с тех пор широко эксплуатируется в научной фантастике. Автомат, как он показан в фильме, ведет свое происхождение от Голема из еврейского фольклора, сделанного из глины и ожившего под воздействием мистических слов Кабалы.

В сериале Гудини монстр выглядел настолько нелепым, что даже вызывал страх, по крайней мере, у детей. Взрослые не очень пугались, а малышам даже казалось, что они и впрямь заразились мадагаскарским безумием, и они начинали неудержимо смеяться. Как фильм ужасов, «Тайна тайн» имел успех, хотя и не совсем оправдал надежды Гудини.

Фильм произвел сильное впечатление на мальчишек — они начали подражать Автомату, так же, как позднее подражали Чарли Чаплину. Из домов надолго пропала бельевая веревка: ребята связывали ею друг друга, когда играли в Гудини. Кроме того, теперь каждый школьник знал, где находится Мадагаскар, и некоторые могли даже правильно произносить это название. Но нет роз без шипов: после этого фильма школьники были убеждены, что слово «эmissары» означает то же, что головорезы, обычно небритые.

Сериал был выпущен под эгидой студии «Рольф». Затем Джесс Ласки от имени «Парамаунта» подписал с Гудини контракт на два фильма, названные в прокате «Жестокая игра» и «Остров ужасов». В обоих случаях Гудини, несомненно, приложил руку к сценариям — он вряд ли подписал бы договор без этого условия, — но основная работа со сценарием была проведена Артуром Ривом и Джоном Греем, которые и раньше делали все возможное, чтобы несколько обуздать безудержную фантазию Гудини в эпизодах борьбы с ужасным Автоматом.

Гудини был вынужден обратиться к ним с просьбой изменить сценарий «Тайны тайн» уже в процессе съемок из-за инцидента, произошедшего с самолетами. Согласно сценарию, герой карабкается по отвесным стенам тюрьмы и по скалам и совершает множество подвигов, в том числе прыгает с одного самолета на другой прямо в воздухе. Гудини все делал сам, не прибегая к помощи дублеров или каскадеров. «Разве найдется дублер, который сделает это лучше меня?» — обычно повторял он. Прыжок с аэроплана должен

был стать одним из самых впечатляющих эпизодов фильма, и для консультации Гудини пригласил механика Брассана, с которым был знаком с тех времен, когда увлекался авиацией. То была великая эпоха в развитии авиации, каждый пилот стремился продемонстрировать свое мастерство, совершая акробатические воздушные трюки. Одним из них было хождение по крылу самолета. Этот трюк всегда был сопряжен с большим риском, который можно было уменьшить при помощи специального механизма, скрытого от публики. Механизм получил название «Страховка фортепьянными струнами». Использовались нити, настолько тонкие, что их нельзя было увидеть даже на расстоянии в несколько ярдов, и в то же время достаточно крепкие, чтобы удерживать смельчака, если он соскользнет с крыла. Страховка была далеко не стопроцентной, но психологически очень помогала исполнителю.

Гудини тщательно отрепетировал воздушный прыжок. Три самолета поднялись в воздух, причем на одном из них была кинокамера. Гудини, получивший сигнал о начале съемок, стоял, приготовившись к прыжку, но в эту минуту из-за какого-то просчета самолеты соприкоснулись крыльями и по спирали пошли вниз, к земле, при этом камера на третьем самолете исправно работала, снимая катастрофу. К счастью, пилотам удалось расцепить самолеты прежде, чем они коснулись земли. Оба самолета приземлились благополучно, если не считать того, что самолет с Гудини на борту сел в болото, а великий мастер освобождений едва не потонул в трясине. Этот случай был включен в сценарий и показан на экране к бурному восторгу зрителей.

«Остров ужасов» был снят на острове Каталина и в его окрестностях. Группа рослых негров исполняла роль каннибалов южных морей.

Работая над фильмами, Гудини снял бунгало в Голливуде для себя и Бесс. Впервые за двадцать пять лет совместной жизни они прожили на одном и том же месте несколько недель подряд. Бунгало очень быстро заполнилось книгами, газетными вырезками, театральными афишами, программками и вообще всякой всячиной.

Гудини решил написать книгу о «чудотворцах», выступающих перед публикой. Он был еще с юных лет

знаком со многими обладателями таких необычайных талантов. План книги складывался постепенно. Первые семь глав были посвящены пожирателям огня. В этой части книги Гудини приводит цитату из «Фокус-Покус», одной из первых книг по магии, в которой даются рецепты, как сделать кожу нечувствительной к огню. Магическая формула гласит: «Возьмите полунции сампфира, растворите в двух унциях воды, прибавьте одну унцию ртути, одну унцию жидкого стиракса, возьмите также две унции красного камня, гематита...»

Этот тайный рецепт, по мнению Гудини, позволял очень популярному в Англии артисту Ричардсону ходить босиком по раскаленному железу. Тот же рецепт можно найти и в ранее написанном Гудини «Руководстве по освобождению», правда, без ссылки на «Фокус-Покус».

Гудини считал, что эта смесь может сделать кожу человека огнестойкой. Недавно врач и химик доктор Джон Генри Гроссман составил эту смесь и не обнаружил ожидаемого эффекта. Как многие дилетанты, Гудини, зачастую, слишком уж верил печатному слову.

Последующие главы книги посвящены шпагоглотанию и отрыгиванию проглоченного. Гудини описывает также людей, нечувствительных к змеинному яду; правда, в этой области он оказался полным профаном. В оставшихся главах рассматриваются проявления необычайной сверхъестественной силы, а также левитации.

Книга была опубликована в следующем году под названием «Продавцы чудес и их методы: разоблачение тайны». Книга вряд ли оправдывает свое название. Конечно, она содержит исторический материал о людях, впервые начавших практиковать искусство магии. Однако действительно ценных сведений в ней почти нет. Никаких особых тайн Гудини так и не раскрывает.

Чтобы превратиться в кинозвезду, Гудини недоставало важного качества — способности к перевоплощению. Публика тогда, как и теперь, хочет, чтобы приключенческие сцены переплетались с любовными, а Гудини был слишком застенчив, чтобы целоваться перед камерой. Даже несмотря на то, что Бесс, стоявшая при съемках вне поля зрения камеры, всячески подбадривала его. Смущение его было таким явным,

что режиссеры махнули на него рукой. Любовь перед камерой и впрямь оказалась для Гудини «жесточкой игрой».

29.

Сказка рыцаря

Благодаря работе в кино Гарри, наконец, нанял агента по связи с прессой, Артура Чейза. Чейз придумал новое слово — «гудинировать» и сумел ввести его в энциклопедию. Гудини чрезвычайно гордился этим и даже процитировал энциклопедическую статью в своей весьма хвастливой книге «Приключения разностороннего артиста».

Он уже шесть лет не был в Европе, и его мучил страх, что английская публика, первой оценившая Гудини, может забыть о нем. Но когда в феврале 1920 года он вернулся в Англию, это была совсем другая страна. Глядя перед сеансом на публику сквозь глазок театрального занавеса, он видел зал, сплошь заполненный девушками, среди которых изредка попадались пожилые люди. Юноши Англии полегли на войне. Почти каждая семья потеряла отца, брата или сына. Как можно выступать, если не ждешь аплодисментов молодых парней.

Однако скоро он нашел выход. Гарри не стал кинозвездой, но его фильмы были хорошо приняты в Британии. Новое поколение, слишком юное, чтобы участвовать в войне, видело американского Короля освобождения на экране, а теперь эти почти еще дети с восторгом смотрели, как он совершает свои необыкновенные трюки на сцене, совсем рядом с ними. Англия снова приняла Гудини в свои теплые объятия.

Поездка помешала Гарри осуществить множество литературных замыслов. Груды заметок, чемоданы, заполненные альбомами с газетными вырезками, папки с различными документами, письма, автографы, редкие антикварные вещицы — все это он оставил на попечение пожилого книжного червя по имени Альфред Бекс. В прошлом актер и импресарио звезд, он проводил остаток жизни в обществе книг и вещей, связанных с театром. В волшебном замке-особняке

Гудини на 113-й улице он нашел счастливое пристанище.

Гудини взял с собой только свою «рабочую библиотеку», упаковав ее в специально сконструированный ящик, который, когда его открывали, превращался в книжный шкаф. Но никакой шкаф не мог вместить покупаемых Гудини книг, особенно теперь, когда он стал собирать все, что имело отношение к предмету, заинтриговавшему его еще в первые дни дружбы с Джо Ринном в Нью-Йорке — мошенническим уловкам медиумов.

Говорили, что после смерти матери Гудини проводил долгие часы с различными медиумами, пытаясь получить какой-то сигнал, действительно свидетельствующий о том, что его мать продолжает существовать после своей земной смерти. Наверное, это правда, так как после смерти миссис Вейсс Гарри действительно изменил свое отношение к спиритам. Раньше он считал их просто безобидными мошенниками, а их клиентов — простаками. Он просто жалел людей, которых водят за нос, но считал, что его это не касается: каждый имеет право сорить деньгами по собственному усмотрению.

Теперь же, когда на сеансах Гарри слышал хриплый шепот духа, тщетно подделывающийся под голос его матери, но не произносящий ни одного слова на идише, никогда не упоминающий ни одного из бесчисленных маленьких событий, известных только им, одним словом, когда духи произносили лишь банальности и уверения в своем совершенном счастье на том свете, его охватывала ярость, смешанная с горечью. И хотя ему очень хотелось разоблачить лукавство шарлатанов, унизившихся до того, чтобы подделываться под его матушку, бывшую для Гарри святой, он пока не решался публично заявить о невозможности общения с умершими. Он сразу лишился бы допуска в спиритические кружки, а значит, и источников информации.

Хотя Гарри и клеймил происходящее на сеансах как суеверие, сам он был достаточно суеверен. Так, он никогда не начал бы опасного дела в пятницу тринадцатого числа. Часто он чувствовал, как нечто невидимое пытается связаться с ним, подавая трудно уловимые знаки.

Один из его друзей, знаменитый фокусник-эксцент-

рик Лафайет, погиб несколько лет тому назад в театре во время пожара. Гудини, прибыв на гастроли в Эдинбург, первым делом навестил могилу Лафайета, взяв с собой цветы и кувшин для них. Обрезав стебли цветов, он поставил кувшин на каменный фундамент. Кувшин упал, хотя ветра не было. Гудини вздрогнул, и Бесс почувствовала, что он глубоко взволнован.

«Бесс, ты не думаешь, что это Лаф хочет связаться со мной?» Бесси сказала, что возможно, она задела кувшин юбкой. Он отодвинул кувшин, продолжая срезать стебли. Кувшин снова упал и разбился. Гарри ничего не сказал, но Бесс поняла, что он ощутил незримое присутствие друга.

Ожесточение, с которым Гудини обличал медиумов, во многом, несомненно было связано с его несбывшейся мечтой о возможности связи с умершими. Он постоянно заключал договоры с друзьями, сообщая им секретные кодовые слова и знаки, по которым тот, кто умрет первым, сможет сообщить о себе оставшемуся в живых.

Гудини начал свое турне по Британии с того, что сломал лодыжку и, следуя своему собственному правилу: «не обращай внимания, и все пройдет», продолжал работать до тех пор, пока боль не стала настолько сильной, что он едва мог ходить. Доктора заявили, что если он немедленно не наложит тугую повязку, то на всю жизнь может остаться хромым. Он послушно провел неделю в постели, с головой уйдя в свою обширную переписку.

Зима была холодной, и когда Гудини прибыл в Эдинбург, он был потрясен, как много детей в бедных кварталах города ходят босиком. Лишь только какая-нибудь идея овладевала Гарри, она гнала его, подобно старику из сказки о Синдбаде-Мореходе. Теперь он только и думал, что о босых детях. Он опубликовал в газетах объявление, в котором призывал детей, не имеющих обуви, прийти в театр. В обувном магазине он купил триста пар ботинок. По его просьбе все актеры помогали детям примерять обувь.

Однако трехсот пар ботинок на всех не хватило. Гудини собрал оставшихся детей и повел их в ближайший обувной магазин. В результате каждый ребенок получил новую пару башмаков. Гудини попросил продавца послать ему чек в театр. Оставшись вдвоем с

Бесс, они стали размышлять, как им прожить до конца недели.

Пока Гудини лежал в постели, пестуя свою лодыжку, он решил использовать время, отпущенное на его представление, для демонстрации фильмов, в которых он прыгал с мостов и освобождался под водой. Дирекция театров была не против демонстрации фильмов, но не хотела показывать, как Гудини посещает могилы покойных фокусников. Что же до Гарри, то он всегда считал, что все интересующее его, должно быть интересно и остальным.

К 20 марта стало настолько тепло, что Гудини сумел подготовить представление под водой, показанное в Гулле. Как мы помним, его спасательный саморасстегивающийся водолазный костюм не привлек внимания лордов Адмиралтейства, однако он использовал этот костюм в качестве реквизита в «Тайне тайн». Теперь же он показал очень красивый и эффектный трюк с освобождением под водой, надеясь, что костюмом заинтересуются местные водолазные компании.

Гудини послал пленку, запечатлевшую это представление, своему английскому другу, с которым он переписывался, но никогда не встречался. Это был не кто иной, как самый знаменитый подданный британской короны, сэр Артур Конан Дойл.

Отношения между этими людьми, такими разными и необычными, можно понять, читая их переписку, опубликованную в книге «Гудини и Конан Дойл: история странной дружбы», изданной Бернардом Моррисом Ли Эрнестом, старинным другом и адвокатом Гудини, и Хиеуордом Каррингтоном, автором большого числа книг по спиритизму.

Вообще говоря, эту дружбу все-таки нельзя считать странной, так как во многом эти люди были похожи: оба были энергичными, отважными, спортивными. Оба не чурались светской жизни и не боялись дразнить львов, если считали себя правыми. Оба были людьми сентиментальными, романтиками, горячо привязанными к своим матерям и почти до абсурда рыцарски относящимися к женщинам; оба любили животных и детей. Оба в детстве пережили нужду, и оба пробили себе дорогу к славе только благодаря собственным талантам и мужеству.

Конан Дойл был знаменит как автор исторических

романов и создатель Шерлока Холмса еще в то время, когда Гудини работал на галстучной фабрике. Во время бурской войны в 1900 году он пожертвовал литературой ради медицины и героически проявил себя в борьбе с эпидемией брюшного тифа в Блумфонтейне. Впоследствии он написал памфлет «Война в Южной Африке, ее причины и ведение», в котором подверг уничтожающей критике позорную кампанию, проводимую против Британии людьми, сочувствующими бурам и подстрекаемыми шпионами кайзера. За это он был возведен в рыцарский сан королем Эдуардом VII.

Он и на самом деле был благородным рыцарем, ведущим свой род от католических мелкопоместных дворян Ирландии, «джентри», которые предпочли лишения отказу от веры своих предков. Эту веру Конан Дойл потерял, учась в медицинской школе, и в течение тридцати лет искал Бога в душе, живя по правилам древнего рыцарского кодекса чести, согласно которым человек должен проявлять бесстрашие перед сильным, скромность перед слабым, защищать справедливость и заглаживать обиды. Его всем известные способности к анализу сложных ситуаций были всегда направлены на защиту несправедливо обвиненных и невинно осужденных. Конан Дойл начал интересоваться спиритизмом еще в 1887 году. В течение почти тридцати лет он не мог прийти к каким-либо определенным выводам. Но в конце 1915 года близкая подруга его жены, экспериментировавшая с автоматическим письмом, получила «послание» от мужа сестры Конан Дойла, убитого во время войны. Послание содержало некоторые интимные подробности, которые, как был уверен Конан Дойл, кроме него, никто не знал. Это было то очевидное доказательство, которого он ждал все эти годы. Оно полностью убедило его, что загробная жизнь существует и что возможен контакт с умершими. С тех пор его жизнь была посвящена служению новой религии. Это послание жгло и радовало его сердце, должно было преисполнить радостью сердца всех тех, кто потерял своих сыновей. Да и сам Конан Дойл очень скоро лишился своего сына Кингсли.

Из Конан Дойла никогда бы не вышло мага-любителя; даже невинное жульничество фокусника, развлекającego публику, шло вразрез с его совестью. Сама идея обмана была настолько чужда его природе,

что совершенно не укладывалась у него в голове. Этот великий человек — пример того, как честность, доведенная до фанатизма, может привести ко злу. Конан Дойл, приписывая другим благородство, которое было присуще ему самому, отказывался подозревать обман и бессердечное мошенничество там, где они, несомненно, имели место, и стал бесконечно доверчивым и уязвимым для коварного плутовства дешевых «медиумов».

Желание поверить в необычное очень велико, что видно по приводимому ниже патетически искреннему описанию сеанса, включенному Хьюэттом Маккензи в его книгу «Духовное общение»:

«В последний раз, когда я видел Гудини, он демонстрировал свои возможности дематериализации на сцене театра «Грэнд» в Айлингтоне перед тысячной толпой, причем соблюдалось строгое тестирование. Небольшой железный ящик, наполненный водой, был установлен на сцене, и туда был помещен Гудини так, что вода полностью покрывала его тело. Затем ящик был накрыт железной крышкой с тремя крюками и скобами и тщательно заперт. В течение полутора минут тело Гудини внутри ящика полностью дематериализовалось; автор, стоявший рядом с ящиком, тому свидетель. Не потревожив ни один замок, Гудини перенесся из ящика прямо на задник сцены.

Автор, стоявший рядом с ящиком, во время дематериализации чувствовал потерю физической энергии, обычно испытываемую на спиритических сеансах...

Дематериализация производится теми же методами, что и на спиритических сеансах, когда из медиума вытягивается его психопластическая сущность. Тело медиума во время сеанса становится вдвое легче. Находясь в таком состоянии, Гудини был перенесен со сцены в артистическую уборную за сценой, и там он почти мгновенно материализовался. Скорость дематериализации была намного больше скорости материализации во время сеансов.

Тело Гудини не только дематериализовалось, но оно еще прошло сквозь запертый железный ящик, демонстрируя возможность прохождения материи сквозь материю. Эта впечатляющая демонстрация одного из самых трудных для понимания чудес природы, возможно, рассматривалась большей частью публики как очень хитрый трюк».

Четыре года спустя в книге «Иллюзионист среди духов», считающейся лучшим произведением Гудини, он отрицал, что обладает способностями медиума, о которых с таким пафосом писал ошеломленный президент Британского колледжа психических исследований мистер Маккензи.

Гудини заканчивал свои рассуждения так:

«Следя за моей работой, мистер Маккензи не имел никакого особого преимущества перед остальными членами комиссии наблюдателей. Подобно всем приверженцам спиритизма, мистер Маккензи делал выводы не из того, что он видел на самом деле, а из того, что ему хотелось видеть. Поэтому он не может ни подтвердить, ни опровергнуть реальность увиденного. Если бы он пустил в ход все свои способности к логическому мышлению, как это должен делать любой искренний и непредвзятый исследователь, то он понял бы абсолютную несостоятельность своих выводов и никогда не написал бы столько чепухи, для подтверждения которой не привел ни одного доказательства».

Ничего не доставляло Гудини большего удовольствия, чем письма какого-нибудь умника, который, почувствовав легкое головокружение перед сеансом Гудини, объяснял это влиянием сверхъестественных сил.

Но в то же время его охватывало почти отвращение, когда он видел, что такой человек, как Конан Дойл принимает всерьез те трюки, которые не могли бы обмануть и умного семилетнего мальчика. Он, как никто другой, знал годы упорных трудов, испытаний, ошибок; даже относительно несложный трюк, такой, как, например, освобождение из тюремной камеры, он готовил тщательно и кропотливо, отрабатывая все детали. Поэтому можно понять его чувства, когда он видел, как наивных приверженцев спиритизма обманывают отъявленные мошенники, уже не раз пойманные с поличным.

Ранней весной 1920 года Конан Дойл писал Гудини: «Это Вы привели меня к оккультизму! Мой разум говорит мне, что Вы обладаете этой чудесной силой. Я не вижу другой возможности объяснить то, что Вы делаете, хотя и не сомневаюсь, что Ваши сила и мужество помогают Вам».

Так выглядела сказка Рыцаря о чудесах, творимых Гудини. И что бы ни говорил и ни делал Гарри, иногда почти раскрывая свои секреты, ничто не могло

убедить выдающегося врача и знаменитого писателя в том, что Гудини не способен дематериализовываться.

Наконец, 14 апреля 1914 года Гудини посетил сэра Артура и леди Конан Дойл в их доме в Кроуборо, где отобедал, познакомился с детьми и выслушал пылкий рассказ хозяев об их контакте с умершим сыном. Они были людьми, которых спиритические медиумы называют «зашоренными» людьми, иллюзии которых невозможно разрушить никакими доводами разума.

Однако за такой глубокой верой, зачастую, скрывается сильное, хотя, возможно, неосознанное тщеславие. «Я вижу все это своими собственными глазами. Раз я не могу объяснить это, значит, это сверхъестественно», — примерно такова логика их рассуждений.

Обычное любопытство, которое вначале проявлял Гудини к спиритам, этим продавцам чудес, и их методам, со временем превратилось в стремление непредвзято исследовать медиумные явления, поскольку его все же не оставляла надежда получить весть от своей матушки. Когда же он понял, что медиумы стремятся лишь поточнее угадать, какое послание из потустороннего мира его больше всего устроит, все эти атрибуты спиритических сеансов (летающие гобои, закутанные в марлю привидения) привели его в величайшее негодование. Однако он продолжал посещать спиритические сеансы, чтобы побольше узнать об уловках этих шарлатанов, решив дать волю своему гневу на страницах книги, которую он задумал написать.

Поэтому во время своего турне по Британии, продолжавшегося с февраля по июль 1920 года, он «сидел» на спиритических сеансах, наверное, больше сотни раз. Гвоздем «сезона» в том году были сеансы розовощекой молодой француженки Евы Карье. Она могла извергать изо рта пенную жидкость, которую медиумы называли эктоплазмой. На Гудини все это не произвело особого впечатления, однако в письмах Конан Дойлу он описывает этот сеанс в несколько ином тоне. Впрочем, о своих впечатлениях он предпочитает умалчивать. В конце концов, именно рекомендации сэра Артура открыли ему путь к сливкам общества спиритов, и он не хотел, чтобы напряженность в отношениях с Рыцарем помешала ему продолжать наблюдения.

В своем дневнике Гудини записывает свои истин-

ные впечатления, называя медиумов просто компанияей жуликов.

При посещении сеансов Гарри часто брал с собой Бесс и ее юную племянницу Джулию Сойер, работавшую у него секретаршей. Джулия научилась легко разгадывать трюки, используемые на спиритических сеансах. Благодаря своей внешности (выглядела она совсем подростком, хотя на самом деле ей было уже больше двадцати) она стала незаменимым «тайным агентом» Гудини в среде американских медиумов, когда сам Гарри уже открыто выступал против них.

Однако прежде чем очертя голову ринуться в бой с медиумами, он решил снова попробовать свои силы в кино. Рана, нанесенная самолюбию Гарри отсутствием у публики интереса к его фильмам, немного затянулась, и свое фиаско он теперь объяснял неудачными сценариями и плохой режиссурой.

Но сейчас он организует свою собственную компанию, сам напишет сценарий и поставит фильм, в дополнение к тому, что, конечно, будет играть ведущие роли. Третьего июля он отплыл домой в полной уверенности, что в кино его ждет такая же слава, какую он снискал в варьете.

30.

Кинозвезда или банкрот?

Первый полнометражный фильм Гудини, «Жесткая игра», принесла ему чистого дохода дома менее ста пятидесяти и за рубежом — всего около пятидесяти тысяч долларов. Даже в 1920 году это была мизерная сумма. Средний фильм с популярной кинозвездой приносил обычно чистый доход в триста семьдесят пять тысяч долларов.

Гудини был полон решимости взять реванш в борьбе с новым «медиумом». К началу 1921 года он основал свою собственную кинокорпорацию «Гудини пикчерз», уговорив Дэша оттащить наручники, смиренные рубашки и огромный сундук в подвал его бруклинского дома и вместе с ним заняться новым делом. (Хардин вернулся к шоу-бизнесу только после смерти брата). Гарри решил сам писать сценарии, вы-

бирать места выездных съемок, наблюдать за самой съемкой, играть главные роли, просматривать текущий съемочный материал и руководить рекламой. В обязанности Дэша входило проявление и обработка пленки.

С азартом принялся Гудини за свой первый самостоятельный фильм «Человек из мира иного».

Сюжет фильма вполне мог заинтриговать зрителя. Человека замораживали и оставляли в таком состоянии на неопределенное время. Столетие спустя членам арктической экспедиции удалось воскресить его. Вернувшись к жизни, он начал разыскивать свою возлюбленную и узнал ее в ее правнучке. Идея фильма возникла в голове Гудини после того, как он прочел в «Американском еженедельнике», что в Арктике обнаружено тело викинга в крылатом шлеме и даже с рыжей бородой, прекрасно сохранившееся спустя тысячу лет.

Запершись в своем офисе на 113-й улице, переполненном книгами, театральными афишами и письмами, Гудини, работая днем и ночью в течение десяти суток, написал полный сценарий. Затем он собрал свою труппу и поехал с ней снимать арктические сцены в Лейк-Плэсид.

Здесь он принялся ожесточенно сражаться с теми трудностями, которые буквально лавиной обрушиваются на непрофессионалов при съемках на местности: длина теней менялась каждые двадцать минут, облака закрывали солнце, дождь лил совсем некстати. А ведь каждая минута простоя влекла за собой дополнительные расходы!

По мере роста трудностей убывали решимость и мужество Гудини. Наконец, сильно обморозив ноги, он решил, что сделанного достаточно и отправился к Ниагарскому водопаду для съемки самой эффектной сцены, в которой он спасает героиню на самом краю водопада.

В двадцатые годы еще не были разработаны специальные методы получения эффектных сцен: например, для съемок крушения самолета использовался настоящий самолет. В сцене спасения героини Гудини решил все делать по-настоящему, как в жизни. Для этого нужно было специально подготовить приспособления для страховки.

Гудини был опоясан скрытыми под одеждой кожа-

ными ремнями, в свою очередь связанными со стальным тросом, идущим от барабана на берегу. Такую же страховку имела и дублерша героини. Однако сцена спасения героини после погружения ее каноэ в бурлящую воду произвела фурор, никто никогда раньше не показывал таких наводящих ужас кадров, от которых волосы буквально становились дыбом.

Все кинообозреватели соглашались, что сцена спасения превосходна, вместе с тем многие язвительно отмечали, что герой, размороженный столетие спустя, почему-то совсем не удивляется тому, что мир вокруг него столь разительно переменялся. Эту «деталь» Гудини, поглощенный в основном сценами приключений, совсем упустил из виду.

При съемке второго фильма, «Холдэйн-шпион», Гудини уже избегал опасных натурных съемок и все трюки проделывал в павильоне. Если к «Человеку из мира иного» критики отнеслись довольно снисходительно, то второй фильм был встречен хуже некуда.

Публика тоже не проявила особого интереса к фильмам Гудини. Чтобы привлечь к ним внимание, Гарри часто сам появлялся перед публикой. В театре на Таймс-Сквер после демонстрации «Человека из мира иного» он показывал свои представления «Прощай зима» и «Приход лета», а также трюки с иголками и смиренной рубашкой. Он даже обращался к зрителям с речью, в которой высмеивал медиумов. Когда дела в кино пошли совсем плохо, он взял напрокат слона и показал на сцене трюк с его исчезновением. Это был весьма дорогой способ продажи фильма, потому что слон проел всю выручку.

Банковский счет Гудини таял, и Бесс по несколько раз в день напоминала ему об этом. Надо было что-то предпринимать, и немедленно.

Темп водевиля сильно изменился за то время, что Гудини был занят производством фильмов. Страна, казалось, еще продолжала маршировать «все дальше, все дальше», как поется у Джоржа Коэна. Машины двигались все быстрее, а дороги становились все лучше, чтобы машины могли мчаться еще скорее. Радиостанция в Питтсбурге начала круглосуточное вещание, и Америку обуяла новая мания, сменившая столичное: все сидели с наушниками у детекторных приемников. Еще немного и Штаты охватит радиолобительский ажиотаж. У поколения, которое прошло

через первую мировую войну, вид человека, прыгающего с моста и освобождающегося от наручников под водой, уже не вызывал припадков истерии.

Гудини понял, что он уже не сможет выступать в одиночку или только с Коллинзом. Поэтому он объявил, что не будет возражать против участия в концертных эстрадных программах. Более того, такие приглашения будут им оплачиваться. С этого времени начались шатания между двумя театрами, расположенными довольно далеко друг от друга, театром «Кейта» на Востоке и «Орфеем» на Западе, где он работал вместе со своим другом Мартином Бекон.

Однако Гудини чувствовал, что еще немного, и публика забудет о нем, и эта мысль не давала ему покоя. Программа театра Кейт включала показ мультипликационного фильма, короткометражного фильма и шести водеvilных номеров, причем Гудини должен был выступать последним. Это были тяжелые номера, их трудно было показывать подряд, а уставшая публика не могла толком уследить за артистом. Номера включали трюки со смиренной рубашкой с иголками в положении вниз головой, и Гудини еле-еле исполнял их.

30 января Гарри был в Кливленде. Он должен был сопровождать мюзикл «Варьете 1922» и восходящую комедийную звезду Уилла Махони. После войны больше всего любили мелодраму, комедию и песни: впрочем, все это популярно и по сей день.

В Питтсбурге большая часть программы была отдана звезде музыкальной комедии и джаз-оркестру, а на долю Гудини и его камеры для пытки водой оставалось немного. И в «Орфее» в Бруклине из девяти актов программы Гудини был отдан только пятый, в остальных актах выступал популярный Джон Стил, романтический тенор, чей голос в записи на пластинке звучит почти в каждом американском доме.

Супермену Гудини было о чем подумать.

Весной этого же года в Америку приехал сэр Артур Конан Дойл, чтобы прочитать цикл лекций, посвященных спиритизму. Цикл открывался в Карнеги-Холл, и слушали его там «синие ленточки»¹. Спустя несколько недель сэр Артур и леди Конан Дойл нанесли визит Гудини. Мужчины вместе поднялись в биб-

¹ Члены общества трезвенников (прим. перев.).

блиотеку. Просматривая книги по спиритизму, сэр Артур заметил, что в библиотеке мало «позитивных», как он выразился, книг по этому предмету.

18 июня в Атлантик-Сити, где обе семьи проводили вместе отпуск, леди Конан Дойл неожиданно спросила Гудини, не возражает ли он, если она попробует получить свидетельство загробной жизни его матери при помощи своих недавно выработанных способностей к автоматическому письму. Гудини согласился, и леди Конан Дойл провела сеанс. Она была в ударе. Послание, записанное с огромной быстротой на листках нотной бумаги, было как две капли воды похоже на обычные послания такого рода и состояло из набора выпретенных банальностей: «О, мой дорогой, слава Богу, что я прорвалась наконец. О, как часто я пыталась.. Теперь я счастлива. О, конечно, я хочу говорить с моим любимым мальчиком...» Так страница за страницей заполнялись тем, что диктовалось, по-видимому, подсознанием хорошо образованной англичанки, принадлежащей к верхушке «среднего класса». Ни одного слова из этого послания нельзя было с уверенностью приписать к мамаше Вейсс.

Гудини, если верить Конан Дойлу, был глубоко тронут посланием, и благородный рыцарь счел чувства Гарри достаточным подтверждением истинности послания.

Гудини, несомненно, испытывал какие-то эмоции, но это был не трепет и не переполняющая душу вера, а, по всей видимости, еле сдерживаемый гнев.

Еще до начала сеанса Бесс при помощи тайного кода, выработанного ими для эстрадных представлений, на которых Гудини «читал мысли», сообщила ему, что накануне вечером она рассказывала леди Конан Дойл о горячей привязанности Гарри к своей дорогой матушке. Во время беседы, которая, по-видимому, была продолжительной, Бесс упомянула, как Гарри любил прижиматься ухом к груди матери, чтобы слышать биение ее сердца. Она рассказала все, кроме двух важных вещей: во-первых, мамаша Вейсс не говорила по-английски и, во-вторых, 18 июня был ее день рождения, который Гудини всегда отмечал.

Долгий и вдохновенный бред Джин Конан Дойл взбесил его, но поскольку знаменитый писатель и его жена были так обезоруживающе искренни и, кроме того, были его друзьями, он не мог позволить себе

дать выход гневу. Поэтому он, как писал Конан Дойл, «покинул комнату в состоянии сильнейшего волнения».

22 июня был днем годовщины свадьбы Гарри и Бесс, который они всегда праздновали. В этот вечер они взяли сэра Артура с женой с собой в театр. Вечер был прощальным, так как супруги Конан Дойл на другой день отплывали домой. В театре показывали пьесу Рэймонда Хичкока, и тот был в прекрасной форме. Он представил супругов Конан Дойл публике и попросил Гудини показать что-нибудь в их честь. Гарри сделал вид, что смущен, но, подбадриваемый Хичи, сэром Артуром и настырной публикой, вышел на сцену и обнаружил, как это ни странно, у себя в кармане пять пакетов штопальных иголок и катушку с нитками...

Спектакль Хичкока был прерван. Впервые в истории шоу-бизнеса приглашенный в качестве гостя артист нарушил заведенный на Бродвее порядок.

Создателю Шерлока Холмса Гудини представлялся загадочной фигурой. Метод Холмса, как было сказано в одном из ранних его рассказов, состоял в умении наблюдать и делать выводы. Необыкновенные способности Конан Дойла к наблюдениям, помогавшие ему раскрывать уголовные преступления, оказались бесполезными при встрече с магией. В многочисленных разговорах и письмах Гудини старался объяснить ему это, но безуспешно: сэр Артур становился все более и более легковерным, и в конце концов это привело к неизбежному разрыву.

В конце сезона Гудини стал все яростнее разоблачать проделки спиритов. Иногда, чтобы как-то разнообразить свое представление, он включал в него показ какого-нибудь медиумного трюка, что всегда принималось публикой с восторгом.

Он вел ожесточенную борьбу, участвуя в концертных программах иногда по несколько раз в неделю, за сохранение своего места ведущего артиста варьете.

В Лос-Анджелесе он устроил скандал директору театра за то, что о двух других актах концерта писали в газетах, а о его выступлении — нет. Он подготовил новый впечатляющий номер, названный «освобождением из огня». Бойскауты привязывали его к столбу и, разложив вокруг хворост, подносили к нему зажженную спичку. Гудини должен был развязать

веревки прежде, чем пламя охватит его. Но скауты, следуя знаменитому лозунгу «Будь всегда готов», принесли с собой канистру керосина! Когда Гудини освободился от веревок, его брюки были объаты пламенем. Чудо заключалось не в том, что он освободился, а в том, что не пострадал от огня.

Затем Гудини представил совершенно безопасный, но в то же время весьма странный номер: он показал трюки медиумов таким образом, что избранная публикой комиссия ничего не могла понять, тогда как большая часть публики видела, как все это делается. Он попросту завязал глаза членам комиссии, имитируя традиционную темноту сеансной комнаты. Эта идея не блистала новизной: его старый друг Джо Ринн делал нечто подобное в течение многих лет то ли как полупрофессионал, то ли как любитель. Ринн, действительно, не был профессиональным артистом, но его представления вызывали некоторый интерес, и о нем писали газеты. В руках Гудини этот номер стал сенсацией.

Постепенно влияние спиритизма на общество росло. Этому способствовал литературный престиж Конан Дойла: всеми любимый автор продолжал слепо доверять шарлатанам, причем не всегда даже умным и талантливым. Он начал приписывать спиритические способности даже обычным артистам варьете, лишь бы они умели делать то, что он не мог немедленно объяснить. Одного из них звали Джулиус Зандиг. Он практиковал чтение мыслей при помощи очень сложного кода, разработанного вместе с женой. Однако Джулиус занимал какие-то посты в обществе американских иллюзионистов и никогда не утверждал (прежде чем не стал стар, нищ и немощен), что обладает какими-либо сверхъестественными способностями.

В результате лекционного турне Конан Дойла журнал «Наука в США» от 18 ноября 1912 года предложил две тысячи долларов любому, кто сможет сфотографировать духов при соблюдении определенных тестовых условий, и две с половиной тысячи — тому медиуму, который сумеет вызвать физические явления: постукивания, огонь, левитацию и так далее. То же под строгим контролем.

Конан Дойл, комментируя это сообщение, писал: «Я не понимаю, зачем присуждать призы за фотографии спиритических явлений. На это предложение мо-

гут откликнуться очень много жуликов с обоих континентов. Зачем вообще присуждать призы, когда и так существует достаточно много доказательств реальности этих явлений?»

Делая свое предложение, журнал ничем не рисковал. Напротив, оно обеспечивало верную рекламу и резкий рост тиража. Редакция считала, что вряд ли найдутся медиумы, которые рискнут подвергнуться испытанию на неизвестных им условиях. Да, условия эти и не могли быть объявлены, ведь для каждого из претендентов (если бы такие, паче чаяния, объявились) они должны были быть различными.

В состав комитета, который должен был выработать условия проверки и осуществлять ее, входили доктор Уильям Макдугал, прежде работавший в Оксфорде, член британского общества по изучению психических явлений. Теперь он преподавал в Гарварде. Доктор Уолтер Франклин Принс, член правления аналогичного американского общества, Хиуорд Каррингтон, всю жизнь изучавший спиритизм и приведший в Америку в 1910 году итальянку Эзопию Палладино, умевшую поднимать при помощи телекинеза столы. Кроме них, в комитет входил Гудини. Макдугал и Принс были специалистами в области психических явлений, а Каррингтон — просто проникательным человеком с непредвзятым умом. Но основную опасность для медиумов представлял Гудини.

Этот знаменитый комитет впоследствии окажется в эпицентре одного из самых яростных штормов, когда-либо пронесшихся над миром психических исследований. Секретарем комитета был молодой интеллектуал Малькольм Берд, помощник редактора журнала «Наука в США». Он и Гудини не раз скрещивали копья, и в конце концов Гудини вынужден был публично, в радиоинтервью, обвинить Берда в сговоре с медиумом. Если это действительно было правдой, то, очевидно, медиум оказал на него необычно сильное давление. Здесь нелишне добавить, что этим медиумом была очень соблазнительная красавица.

«Духи не пришли»

Осенью 1922 года во время своих гастролей по Среднему Западу Гудини впервые в жизни получил необычное приглашение: один храбрый профессор попросил его выступить перед студентами с очень коротким сообщением об исследованиях в области спиритизма и самозванных медиумах. Так, во всяком случае, рассказывал Гудини. В действительности, скорее всего, сам Гудини напросился на приглашение. Как бы там ни было, условившись, что Гудини будет говорить не больше десяти минут: как только профессор щелкнет пальцами, он «закруглится» и сядет на место.

Профессор так и не подал сигнала. Гудини проговорил целый час. Ему было о чем рассказать: истории, одна другой интереснее, о забавных происшествиях во время показа трюков, о мошеннических проделках медиумов и о многом другом так и обрушивались на слушателей. Гудини был не ахти какой мастер говорить без бумажки, иногда он сбивался, оставляя некоторые рассказы незаконченными, но основной тезис, который он непрестанно высказывал, гласил: профессиональные медиумы, берущие плату за свои сеансы, — просто-напросто прохиндеи.

В январе следующего, 1923 года Гудини совершенствовал свою лекционную технику в университете Висконсина, а потом — в Нотр-Даме. Освобождение как бизнес приходило в упадок, и Гарри на свой лад приспособлялся к послевоенным условиям.

Узнав о том, что и «Наука в США» обещает приз за спиритические явления, которые будут признаны экспертами подлинными, он объявил, что выделит из своих денег пять тысяч долларов в качестве премии тому медиуму, чьи спиритические явления он не сможет воспроизвести естественными методами. В аргументах Гудини можно, конечно, найти логическую неувязку: ведь если даже он сможет воспроизвести явление, наблюдавшееся на сеансе, а при помощи своих, естественных методов, из этого еще не следует, что на сеансе оно не было подлинным! Если медиум способен путем телекинеза заставить долларový баннот медленно перемещаться по поверхности стола,

подлинность этого явления не может быть опровергнута тем, что Гудини может воспроизвести его при помощи таракана-пруссака, прикрепленного воском к нижней стороне долларовой бумажки!

Попытка воспроизвести «явление» — это всего лишь рекламный трюк для любого фокусника, и ничего больше. Нужный эффект может быть достигнут только в том случае, если после утверждения, что бумажка движется вследствие телекинеза, под ней обнаруживается ползущий таракан.

В 1923 году Конан Дойл снова приехал в Америку для чтения многочисленных лекций в «избранных» домах. Из вырученной суммы он брал себе только на расходы, связанные с пребыванием в стране: остальные деньги он жертвовал на поддержку спиритизма как религии. В Денвере, Колорадо он лишь по особым случаям встречался с Гудини. Сэр Артур побывал на дневном представлении Гарри, а Бесс вечером того же дня ответила на визит, посетив лекцию сэра Артура.

Пресса не могла избежать искушения рассорить этих прежде столь пылких друзей. Газеты неверно излагали их высказывания, распространяли о них какие-то нелепые истории, поэтому при встречах им приходилось начинать с взаимных извинений.

В начале декабря — Гудини в это время играл в театре «Литтл-Рок» — он получил от издателя «Наука в США» Манна известие о том, что один медиум поставил, наконец, в тупик комитет, который из-за гастрольного турне Гудини собирался без него.

Это был юный неаполитанец Нино Пекораро. В апреле 1922 года он провел спиритический сеанс, на который были приглашены сэр Артур и леди Джин Конан Дойл. Во время сеанса по комнате летали различные предметы и раздавался голос умершего незадолго до этого знаменитого медиума Палладино. В одной из своих книг сэр Артур отмечал поразительный и неопровержимый характер «явлений» Нино; он писал, что любые подозрения в мошенничестве должны быть исключены, так как доктор Каррингтон крепко привязал ноги и руки медиума к стулу.

Гудини прервал подготовку контрактов на прокат кинофильмов и поспешил в Нью-Йорк, чтобы защитить честь журнала и заманить новоявленного плута в ловушку. Там ему рассказали чудную историю о том,

как Нино обвязывали, словно мумию, бельевой веревкой длиной семьдесят пять футов. Гудини взорвался: «Семьдесят пять футов! Разве вы не знаете, что такой длинной веревкой надежно связать нельзя? Ее развязать проще пареной репы! Я еще мальчиком делал это за двенадцать долларов в неделю. Дайте мне связать этого парня! Вы увидите нечто интересное!»

Нино Пекораро был снова приглашен дать сеанс, уже под наблюдением комитета в полном составе, и на этот раз его связывал Гудини — короткими рыболовными лесками. В темноте раздавалось лишь пение гимнов, исполняемых членами комитета в соответствии с инструкциями медиума. Никаких «явлений» не было, за исключением голоса «Палладино», который жаловался, что рыболовная леска режет кисти рук медиума. Через полтора часа Нино вышел из транса и попросил зажечь свет.

К разочарованию комитета, он пожал плечами и произнес то, что обычно говорил в таких случаях: «Духи... они не пришли».

Он и раньше оправдывался так после неудачных сеансов, которые обычно имели место в тех случаях, когда устроитель не снабжал его заранее суммой на карманные расходы. Все чаще и все громче нападал Гудини на медиумов и их «явления»: послания на грифельных досках, звуки труб, привидения в светящихся ночных рубашках. Легко было предсказать, что терпению сэра Артура скоро придет конец. Биограф Гудини, Келлок, комментируя взаимоотношения Конан Дойла и Гудини, писал: «Эти люди слишком любили друг друга, чтобы решиться на разрыв. Их дружба будет продолжаться до конца».

Но, увы, автор ошибся, если только последней фразой он не хотел сказать «до конца года».

В феврале Гудини послал Конан Дойлу письмо с просьбой сообщить нужную ему информацию. Полученный ответ был пронизан горечью: «Вероятно, Вам эти выписки нужны для того, чтобы использовать их каким-то образом против меня или моего дела...». На следующее письмо Гудини ответа не последовало: дружба кончилась.

Однако они не затаили неприязни к друг другу. В это легко поверить: ведь Гудини считал Конан Дойла, хотя и заблуждающимся, но исключительно честным человеком. А сэр Артур в своей книге «На

границ неведомого» много места посвятил Гудини и отдал должное его мужеству, приятным манерам, преданности матери и жене. Не без некоторой насмешки отмечает он тщеславие Гудини:

«Я помню, что он представил мне своего брата в таких выражениях: «Это брат великого Гудини». Он сказал это без капли юмора, в очень естественной манере».

Скорее всего, память подвела сэра Артура. Гудини вряд ли сказал бы: «Это брат великого Гудини». Он никогда не применял прилагательное «великий», говоря о себе. Для него слова «Гудини» и «великий» были синонимами. Вероятнее всего, то, что он сказал, звучало так: «Это — брат ГУДИНИ». Он был из тех, кто говорит о себе заглавными буквами.

Гудини, возможно, никогда не вспылал бы крестоносным пламенем борьбы с медиумами, если бы на другом полюсе равной по силе страстью не был охвачен Конан Дойл — это было что-то вроде вызова и ответа. Но, начав борьбу, он отдал ей все свои силы. Большинство медиумов смертельно боялось его и не без причины.

Однако, как мы еще увидим, нашелся медиум, который нисколько не страшился Гарри или, по крайней мере, не подавал виду. Мало того, что это была красивая женщина, она еще обладала незаурядным умом. Когда на сеансах гасили свет, она, бывало, снимала с себя всю одежду, давая эктоплазме возможность изливаться со всей поверхности тела. На сеансах ее называли Марджори.

32.

Белокурая ведьма из Бостона

В феврале 1924 года Гудини решил окунуться в новую для себя область деятельности. Он заключил с дирекцией лицея в Койл-Альби испытательный контракт на прочтение двадцати четырех лекций в городах Среднего Запада. Все это напоминало Гудини однодневные гастроли. Что ж, сколько их уже было в прошлом, когда он путешествовал вместе с водевильны-

ми труппами! Так почему бы не сделать этого сейчас, когда он может, говоря несколько выпренно, прикрепить звезду крестоносца к фургону циркача?

Однако старые привычки давали себя знать. Свои лекции он часто дополнял, отвечая желаниям публики, трюками с ящиком, как в старые добрые времена.

Он отпраздновал пятидесятилетие в доме на 113-й улице в обширном семейном кругу. В этот день его впервые поразила мысль, посещающая многих людей, достигших полувековой отметки, — мысль о том, что он не чувствует в себе каких-либо перемен! Физически он стал сильнее, чем был в двадцать лет; когда случалось играть в гандбол, он был не только так же стремителен, как прежде, но и гораздо более ловок.

Он был уверен, что доживет до ста лет. Проблема была только одна: как обеспечить себя в старости. Деньги понадобятся также для поддержки двух десятков родственников и одряхлевших артистов, не говоря уже о его секретаре и монтажере Джоне Саржене, библиотекаре Альфреде Беке, юной Джулии Сойер, секретарше Бесс, сопровождающей ее во время гастролей. Он был главой, патриархом целого клана, в котором, увы, не было его собственных детей.

Затея с лекциями оказалась прибыльной. Основная тема лекций — разоблачение уловок спиритов — была не такой уж оригинальной. Она имела свою историю.

В марте 1879 года замечательный фокусник Гарри Келлар обратился в дирекцию Оперы с предложением участвовать в представлениях театра в Вашингтоне. Однако оказалось, что он опоздал, так как уже несколько недель на этой сцене шли великолепные представления другого такого же выдающегося и остроумного мага Роберта Геллера. Поголодав две недели, Келлар понял, что нужно срочно каким-либо способом заработать деньги на организацию своих концертов. Он решил читать воскресные вечерние лекции, а в качестве темы выбрал спиритизм. В конце концов, разъезжал ведь он раньше с братьями Давенпорт как представитель прессы! Его лекции имели колоссальный успех, и Келлар решил продолжать заниматься этим делом. Эти воскресные лекции были разрешены даже в тех штатах, где пуританские законы запрещали по воскресным дням все виды эстрадных и спортивных развлечений.

Гудини, вернувшись весной 1924 года из своего лекционного турне, решил создать себе рекламу как специалисту в области исследования психических явлений. В церкви Святого Марка на Боувери он провел публичную дискуссию по вопросу о реальности спиритических «явлений» с другим членом комитета доктором Уолтером Франклином Принсом из американского общества психических исследований. В прессе появились благожелательные заметки об этом событии, но без фотографий.

При посещении Новой Англии Гарр познакомился со знаменитой старой артисткой варьете, медиумом Эвой Фей, которая специализировалась на «посланиях». Он сфотографировался с ней в саду ее дома. Она рассказала Гудини, как знаменитый британский исследователь сэр Уильям Крукс проводил проверку подлинности ее спиритических способностей. Как известно, после сеансов с Фей он публично заявил о своем обращении к спиритизму. На самом деле, конечно, все это было обманом, но обманом чрезвычайно искусным, первоклассным, если так можно выразиться. Она поведала Гудини секреты своих уловок, и ее рассказы он использовал затем на лекциях к величайшему удовольствию слушателей.

В споре скептика со спиритом о подлинности спиритических явлений последний рано или поздно приводит в качестве аргумента свидетельство сэра Уильяма Крукса, одного из наиболее крупных английских химиков XIX столетия. Гудини обычно отвечал, что на закате жизни сэр Уильям отказывался говорить о своих убеждениях и, по-видимому, разочаровался в спиритизме. Несомненно, он сваял дурака, публично заявив, что верит в подлинность спиритических «явлений», называемых медиумом Флоренс Кук.

Эта молодая женщина была обычным медиумом «во плоти», но она неоднократно вызывала живого призрака, симпатичную озорную девушку, прозванную волшебным эльфом. Звали эльфа Кэти Кинг. Кэти выпархивала из медиумного кабинета в прозрачном одеянии смелого покроя и имела вполне «материальный» облик. Она непрерывно флиртовала с сэром Уильямом, который однажды спросил ее, может ли он поддержать ее в объятиях, чтобы убедиться в ее материальности. Она не только с готовностью согласи-

лась, но и весьма охотно поощряла его, так что он вполне мог удовлетворить свою любознательность!

Кукс был человеком чести в лучшем, с точки зрения викторианской морали, смысле этого слова; ему трудно было представить, что человек может пасть настолько низко, чтобы святотатственно разыграть спектакль, имитирующий появление духов. Гудини, будучи ветераном цирковых представлений, на которых часто используются отвлекающие манеры, относился ко всему более прагматично.

Одним из любимых аргументов тех, кто верил в правдивость Флоренс Кук и подлинность материализации Кэти, был такой: «Если это обман, то как вы можете объяснить появление духа в лаборатории сэра Уильяма Крукса, двери которой были надежно заперты?» У Гудини был ответ на этот вопрос; он мог просто вспомнить, как стоял на улице возле тюрьмы, а надзиратель тем временем пребывал в полной уверенности, что он, голый, после тщательного осмотра сидит в наручниках в тюремной камере.

Мы почти ничего не сказали об обстановке, в которой Крукс проводил изучение феномена Флори Кук, а немногим раньше — Даниэля Хоума. Возможно, догадайся сэр Уильям хотя бы залепить дверь комнаты почтовой маркой со своими инициалами, он бы понял, как там очутилась Кэти Кинг. Да мало ли что способен сотворить в темной комнате умный медиум!

Можно представить себе (а такая возможность исследователями спиритизма даже не рассматривалась), что во время сеанса кто-нибудь, одетый во все черное, неслышно входит в комнату, производит там все «чудеса» и затем незаметно выходит, после чего медиум просит включить свет. В викторианскую эпоху в каждом богатом доме имелся потенциальный невидимка-дворецкий. Если бы Дан Хоум нашал «подход» к дворецкому, прибегнув к взятке или шантажу, он мог спокойно сидеть во время сеанса, а «чудеса» все равно бы происходили.

Гудини хорошо знал, как использовать «невидимку». Для него в таком качестве работал Коллинз. Гудини был уверен, что «чудеса», производимые ни разу не пойманными медиумами, часто делаются их тайными помощниками. Конечно, при этом медиуму необходима бдительность, умение производить отвлекающий маневр и, не в последнюю очередь, убежденность про-

веряющего в том, что спиритические «явления» могут быть подлинными.

В 1910 году знаменитый итальянский медиум Эзония Палладино была разоблачена помощником Гудини Лжо Ринном, когда она хотела продемонстрировать левитацию своего стола. Ринн перехитрил Эзонию, как бы поменявшись с ней ролями: он потихоньку приполз в сеансную комнату и лег на пол, следя за ногами медиума.

Гудини в своих лекциях постоянно повторял, что нет особого смысла контролировать руки и ноги медиума, если остаются без пристального внимания муж, менеджер, компаньон или даже член комитета, известный своими симпатиями к нему. Один член комитета при помощи свободной руки может произвести кучу чудес, в то время как медиум, за которым пристально наблюдают, сидит себе спокойно в своем кресле.

Все это было настолько элементарно и очевидно, что Гудини кипел от бешенства, когда серьезные исследователи, имеющие множество академических дипломов, отказывались напрочь свой интеллект и оценить подлинность спиритических явлений. Гудини настаивал, что выдающиеся успехи в какой-либо области знания, например, в химии, физике или астрономии, не имеют прямого отношения к способности обнаружить обман медиума. Ученый, успешно применяющий научный метод при анализе экспериментов с химическими веществами, электричеством или физиологией белых мышей, оказывается беспомощным, встречаясь с мошенничеством профессионального чудотворца.

В те времена особенно славилась своими спиритическими обманами Анна Эва Фей. Она искусно ввела в заблуждение Крукса, когда он захотел использовать для проверки ее чудес гальванометр. Простое контрольное устройство состояло из батареи, двух металлических рукояток и шкалы с делениями, по которой измерялась величина тока, текущего через клеммы. Медиум крепко сжимал рукоятки. Вне сеансной лаборатории, в хорошо освещенной комнате ассистент не сводил глаз со стрелки гальванометра, показывающего прохождение тока. Хотя «явления» в затемненной комнате для сеансов происходили как обычно, ток не прерывался и даже не уменьшался.

Фей вызвала все «явления» при помощи своей левой руки, которую она сумела высвободить. После того, как был погашен свет, Анни Фей задрала юбку, то есть совершила маневр, о котором ни один викторианский джентльмен не мог и помыслить, спустила чулок и подсунула одну рукоятку под колено, согнув ногу, чтобы рукоятка была хорошо прижата. Стрелка в соседней комнате регистрировала ток, текущий между правой рукой и кожей ноги.

Ученый, наблюдающий за поведением белой мыши, вряд ли может догадаться о таком искусном обмане. Эксперименты Крукса с Фей доказали только то, что люди хитрее мышей.

В начале 1924 года в спиритических кругах вызвала сильное возбуждение способность одного молодого испанца видеть сквозь стенки металлических ящиков. Гудини обнаружил в стенках этих ящиков небольшие отверстия, через которые медиум мог увидеть их содержимое. Но вскоре объявился другой медиум, и раскусить этот новый крепкий орешек оказалось не так просто.

Этим «орешком» оказалась женщина, которую Уолтер Франклин Принс назвал самой яркой звездой, появившейся на небосводе спиритического общества Америки за последние полвека. Спириты возлагали на нее большие надежды в борьбе со скептиками. Подобно Хоуму, она не брала денег за свои сеансы, но, в отличие от него, отказывалась и от драгоценностей. Эта молодая замужняя женщина из Бостона могла зелье почти все: демонстрировала автоматическое письмо на многих языках, даже на китайском; самые различные предметы появлялись и исчезали, а иногда они были даже одушевленными: так, во время сеанса появлялся голубь, пытающийся вылететь из комнаты. Она демонстрировала телекинез: столы поднимались и танцевали, колокольчики звенели, стулья легко перемещались по комнате, почти не касаясь пола. Она обладала ясновидением, получала от умерших «послания», достоверность которых считалась подтвержденной; она материализовала и дематериализовала. Например, перед ней ставилась бадья с расплавленным парафином, спириты опускали руки сначала в эту массу, а затем в холодную воду и... дематериализовались, оставляя после себя перчатки из парафина, более узкие в кистях, чем в области пальцев. Последнее

обстоятельство, по мнению легковверных, служило несомненным доказательством дематериализации. В мягком воске появлялись отпечатки большого пальца, отличные от отпечатков присутствовавших, в том числе и самого медиума. Однако больше всего впечатляло то, как она выталкивает из себя эктоплазменные псевдоподии, которые стучали по столу, превращаясь в некое подобие человеческих рук. Утверждали, что их можно даже сфотографировать при помощи вспышки, вызываемой поджогом пороха. Отчеты о ее сеансах появлялись в печати, где она фигурировала под скромным псевдонимом «Марджори» и характеризовалась как любитель «с безупречным социальным положением». Летом 1924 года Марджори попыталась получить приз «Науки в США».

Этот журнал начал публиковать статьи, рассказывающие о «чудесах», происходящих на сеансах леди из Бостона. Начиная с июльского выпуска, статьи писались помощником редактора Малькольмом Бердом; он особенно подчеркивал в них красоту и обаяние медиума. Отмечалось, что хотя деньги сами по себе не представляют интереса для Марджори, она тем не менее будет соревноваться в получении приза просто в интересах самого спиритизма. Берд не преминул заметить, что поскольку медиум не жаждет ни денег, ни славы, он заслуживает большего уважения, чем обычные претенденты. Все это звучало очень благородно, так что даже «Нью-Йорк таймс» не осталась безучастной, поместив следующее объявление: «Марджори, медиум из Бостона, прошла все спиритические тесты. Ученые не обнаружили обмана после двух десятков сеансов.

Привидение озадачило исследователей разнообразием своих талантов».

Гудини смеялся так, что его хохот мог быть услышан даже в Бостоне. Но он был не на шутку разгневан. К этому времени Марджори провела больше пятидесяти сеансов под наблюдением комитета. А Малькольм Берд, как секретарь комитета, даже не удосужился пригласить Гудини хотя бы на один сеанс. Гневные слова Гарри, очевидно, дошли до редакции, и Берд написал Гудини письмо, попросив его встретиться с издателем журнала Манном.

Когда, наконец, Гудини ворвался в редакцию, Берд сообщил ему, что они почти склонились к тому,

чтобы присудить приз Марджори. Гудини, сдержав свои чувства, сказал, что готов потерять тысячу долларов, если он не сумеет вывести Марджори на чистую воду. 22 июня Гудини вместе с Манном отправился в Бостон.

Загадочная Марджори вовсе не была тайной для жителей Бостона, местные газеты часто упоминали ее настоящее имя — миссис Мина Крендон. Родом из Канады, она была замужем за прекрасным, хотя и несколько экстравагантным хирургом доктором Годардом Крендоном. Первый ее муж был владельцем бакалейного магазина.

Крендон был на год старше Гудини и заявлял, что ведет свой род от основателей США, подписавших исторический пакт на борту «Мейфлауэра». В 1894 году он окончил Гарвард и через четыре года получил степень доктора. С 1903 по 1918 год он преподавал хирургию в гарвардской медицинской школе, оставив временно этот пост, чтобы служить во время первой мировой войны начальником медицинской службы военно-морских сил США. Он был членом как британского, так и американского обществ психических исследований, а также гарвардского клуба, университетского клуба и бостонского яхтклуба. Он написал широко известную книгу по послеоперационному лечению, и его статьи часто появлялись в научных журналах по психиатрии. Его уж никак нельзя было рассматривать как обычного обманщика, с ним нельзя было не считаться, и его нелегко было настрашать. Когда Гудини выступил против Крендонов, приверженцы спиритизма сравнивали их борьбу со столкновением неудержимого пушечного ядра со стеной неприступной крепости.

Миссис Крендон, урожденная Мина Стинсон, как и отмечал впечатлительный Берд в своих статьях, была щедро наделена и умом, и красотой. На фотографиях мы видим просто симпатичную женщину, но они не передают основное качество ее характера — обезоруживающую жизнерадостность, которая заражала окружающих и приводила в восхищение степенных профессоров, членов комитета. До замужества Мина Стинсон работала секретаршей, неплохо музицировала; она держалась с той самоуверенностью, которая повсюду отличает американку или канадку. У нее была красивая фигура, и, чувствуя на себе взгляды муж-

чин, Мина не грешила ложной скромностью. На сеансы она обычно приходила в кимоно, в соответствии с тогдашней модой.

Таков был самый крупный американский медиум после Дана Хоума.

Все это казалось очень загадочным, главным образом с точки зрения мотивации. Действительно, что могло заставить такую очаровательную женщину заняться вызыванием духов? Зачем ее мужу (а его, естественно, подозревали в сговоре, хотя, возможно, и безосновательно) все это нужно? Какую пользу они могли извлечь из этого занятия?

Большая часть вопросов так и осталась без ответа. Ходили какие-то неясные слухи о странностях и эксцентричности этой пары, проявлявшихся и вне комнаты для сеансов. Однако ничего определенного сейчас сказать уже невозможно.

Когда Гудини появился в комитете и потребовал допустить его в качестве свидетеля на сеанс, Крендонам не удалось помешать этому, так как Гудини обеспечил себе поддержку издателя журнала мистера Манна. Положение последнего было сложным: стоило доказать, что «явления» Марджори — подлинные, и он терял две с половиной тысячи долларов. Если же она мошенница, как, не жалея красноречия, убеждал его Гудини, журнал мог потерять свой престиж и стать всеобщим посмешищем.

В такой напряженной атмосфере начался сеанс Марджори. Одно из неукоснительно соблюдавшихся условий контроля состояло в том, что доктор Крендон сжимал правую руку своей жены, а Малькольм Берд сжимал обе их руки в одной из своих, оставляя другую, обычно левую, «свободной для исследовательских целей», как он писал однажды. Насмешливый Гудини часто цитировал этот научный перл.

Когда Гудини и Орсон Манн прибыли в Бостон, Крендоны предложили им остановиться в их новеньком особняке на Лайм-стрит, близ Беком-Хилл. Гудини решительно отказался, и они с Манном остановились в гостинице. Гудини считал, что проверяющему нельзя вступать в слишком близкие отношения с медиумом, если он хочет сохранить беспристрастность. Мелькольм Берд и Хиуорд Каррингтон, очевидно, были другого мнения: они много раз и подолгу останав-

ливались в доме необычайно гостеприимных Крендонов.

Именно потому, что Уильям Крукс находился в тесной дружбе с медиумом Даном Хоумсом, объективность его знаменитой лабораторной проверки «явлений» медиума ставилась под сомнение. Гудини не хотел, чтобы очарование Мины Крендон помешало ему быть максимально бдительным во время проверки.

23 июля 1924 года Гудини впервые был на сеансе Марджори. Одним из выдвинутых ею условий была полная темнота. Некоторые спириты, в том числе Хоум, соглашались на тусклое освещение, однако вселившийся в Марджори дух, а это был дух ее покойного брата Уолтера, требовал полной темноты.

Прежде чем был погашен свет, доктор Крендон принял свою обычную позу, контролируя правую руку жены, а Малькольм Берд сжал обе их руки своей правой ладонью, оставив левую, «исследовательскую» руку свободной для проведения «научных изысканий».

В качестве уступки прославленному гостю знаменитый ящичек с колокольчиком был поставлен между ног Гудини. Маленький прямоугольный ящик из тонкого дерева содержал внутри электрический звонок, пару батареек и пару контактов. Крышка ящика имела деревянные ставни, неплотно закрытые и если их чуть-чуть нажать, то металлические контакты соединяются и колокольчик звенит. Ящичек нужно было расположить не очень далеко от медиума, так как спиритическая сила, заставляющая колокольчик звучать, возбуждается эктоплазмой, извергаемой из пор тела медиума.

Гудини сжимал левую руку Марджори, кроме того, она прижала свою левую лодыжку к его правой. Эти меры контроля должны были удовлетворить всех правоверных спиритов, а также большинство знаменитых ученых, исследующих психические феномены. Но Гудини этого было мало.

Ему давно уже был знаком старый трюк, состоящий в том, что двумя руками сжимают предплечье человека, который затем закрывает глаза, чувствуя все время прикосновение обеих рук, о чем вполне искренне сообщает присутствующим. К его удивлению и досаде, сжимающий его руку человек быстро щелкает его по голове (или по другому месту). Все это объ-

ясняется очень просто. Нервы предплечья чувствительны к теплу, боли, но плохо реагируют на прикосновения, и поэтому человек может не почувствовать удаление одной руки.

Гудини, как и в тот день, когда он импровизировал на спектакле Хичкока, пришел подготовленным. Весь день он носил на правой лодыжке тугой резиновый бандаж. Сейчас нога распухла, была воспалена, и поэтому любое движение или касание не осталось бы незамеченным. Медленно и осторожно передвигала Марджори свою ногу вокруг ноги Гудини к тому месту, откуда она могла бы нажать на крышку ящичка с колокольчиком. Каждый раз, передвигая ногу еще на полдюйма, она сопровождала это действие беседой с Гудини. Однако все внимание Гудини было сосредоточено на прикосновении ее ноги, и он понял, что вскоре она сумеет дотянуться до ящичка. Колокольчик действительно зазвенел. Благодаря повышенной чувствительности своей больной ноги Гудини все время, пока раздавался звон колокольчика, чувствовал движение ноги Марджори.

Через какое-то время, когда звон стих, он почувствовал, что она возвращает ногу в прежнее положение.

Ни малейшего впечатления на него не произвел и голос Уолтера, который был очень похож на голос миссис Крендон. Только Уолтер был нахален, нагл, дерзок, сыпал ругательствами, тогда как, что там говорить, миссис Крендон была настоящей леди.

Во время сеанса Уолтер попросил дать ему светящийся диск, которым иногда пользовались, чтобы показать силуэт материализовавшейся руки. Малькольм Берд поднялся, чтобы взять диск, а Уолтер в это время закричал, обращаясь к Гудини, чтобы тот контролировал медиума. Мина дала Гудини обе руки, в это время Уолтер объявил, что в воздухе плывет труба, и спросил Гудини, куда он должен бросить ее. «Мне!» Другого ответа от Гудини нельзя было и ожидать. Труба тут же упала к его ногам.

Гудини подозревал, что Марджори перед тем, как дать ему свои руки, схватила мегафон, который выполнял роль спиритической трубы, и спрятала его под своей модной шляпой. Когда Уолтер спросил куда бросить трубу, она просто сбросила мегафон со своей головы к ногам Гудини.

Марджори согласилась провести следующий сеанс в гостиничном номере. На этот раз все сидели вокруг стола. Гудини держал левую руку Марджори. Наклонившись вперед (напомним, что все происходило в темноте), Марджори просунула голову под стол, подняла и перевернула его, так что тот с грохотом упал на пол вверх ножками.

Однако Гудини предвидел такой ход. Держа левой рукой руку Орсона Манна, он засунул ее под стол, где сумел дотронуться до головы Марджори.

После этого колокольчик снова расположили между ног Гудини. На этот раз пряжка от его подвязки была зацеплена за чулок Марджори. Однако она пожаловалась, что это причиняет ей боль. Гудини покорно снял подвязку. Затем последовало такое же перемещение ноги Марджори, как и в прошлый раз, закончившееся нажатием на крышку ящика и звоном колокольчика.

Гудини шепнул Манну: «Разоблачить ее теперь». На что издатель ответил: «Нет, подождем, когда соберется комитет».

Гудини согласился. Однако, когда вскоре собрался весь комитет, Малькольм Берд возражал против немедленного разоблачения и порицания, предложив не сообщать ничего прессе до возвращения комитета в Нью-Йорк.

Манн и Гудини вернулись в Нью-Йорк той же ночью, но Берд остался в доме Крендонов. Как стало известно впоследствии, он рассказал им все об «открытиях» Гудини и его дальнейших планах. Все это было сделано вопреки воле Манна.

Гудини настаивал, чтобы ему дали возможность тщательно ознакомиться со статьей Берда, которую тот должен был отправить в журнал. Гудини ясно дал понять, что заявления Берда, будто бы примерно половина «явлений» на сеансах Марджори являются подлинными, противоречат его мнению.

Приехав в Нью-Йорк, Манн приостановил печатание сентябрьского выпуска «Науки в США» и снял статью Берда.

Берд и раньше был в немилости у босса. Вскоре он разразился целым рядом заявлений, опубликованных в газетах под такими заголовками: «БОСТОНСКИЙ МЕДИУМ ОЗАДАЧИВАЕТ ЭКСПЕРТОВ», «ОЗАДАЧЕННЫЕ УЧЕНЫЕ ПЕРЕД ЛИЦОМ ОТ-

КРОВЕНИЯ. СПИРИТИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ МАРДЖОРИ НЕ ПОДЛЕЖАТ СОМНЕНИЮ». Следующий заголовок был для Гудини что красная тряпка для быка: **«ЭКСПЕРТЫ ТЩЕТНО ВЫИСКИВАЛИ ОБМАН В СПИРИТИЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ. ФОКУСНИК ГУДИНИ ПОСРАМЛЕН».**

Для Гудини все это могло означать гибель его репутации и крушение того, в чем он видел смысл своей жизни.

Надежным помощником Гудини во всей этой склоке, изобиловавшей взаимными обвинениями, претензиями и угрозами, был член комитета священник доктор Уолтер Франклин Принс. Если бы Гудини вышел из комитета, это могло быть расценено как косвенное признание им подлинности «явлений» Марджори. Но доктор Принс заявил, что он тоже выйдет из комитета, если не будут найдены способы давления на Берда с тем, чтобы он прекратил публичные высказывания о «явлениях» Марджори. Гудини высказался за недопущение Берда к сеансам, пока исследования не будут завершены.

Тем временем другой член комитета, доктор Даниэль Комсток, раньше работавший в Массачусетском технологическом институте, согласился с Принсом, что Гудини должен соорудить что-то вроде кабины, или ящика, используя которые, можно было бы более «гуманно» контролировать руки и ноги медиума. Гудини вместе с Коллинзом сконструировал такую кабину. По форме она напоминала корпус фортепьяно, только немного более широкий и глубокий, чтобы внутри можно было сидеть на стуле. Крышка ящика наклонялась вперед, и в ней было сделано круглое отверстие для шеи, а по бокам были еще две дырки, через которые медиум мог просунуть руки, контролируемые членами комитета.

25 августа в Бостоне в гостинице «Чарльзгейт» состоялась встреча Крендонов с членами комитета. Гудини и Коллинз принесли кабину. Знаменитый ящик с колокольчиком поставили на стол перед кабиной так, чтобы ее могли достичь эктоплазменные псевдоподии, вылетающие из пор тела медиума. Очаровательную Марджори посадили внутрь кабины, свет погасили.

И на этот раз колокольчик зазвенел. Но, когда свет снова был включен, заметили, что две тонкие

медные полоски, фиксирующие дверцу кабины, оказались сдвинутыми. Гудини заявил, что Марджори легко могла привстать, толкнуть дверцу, наклониться вперед и прижать крышку ящика лбом, заставив колокольчик зазвенеть. Марджори ответила, что, если дверца кабины действительно была открыта, то открыл ее, должно быть, Уолтер. Сестры довольно часто сваливают на братьев свои неблагоприятные поступки, но только на этот раз брат был покойником.

После сеанса Крендоны куда-то исчезли. Гудини обнаружил их в сеансной комнате, где они обмеривали отверстие для шеи. По крайней мере, так он всем сказал.

На следующий день Коллинз снабдил дверку кабины скобами, засовами, висячими замками. Малькольм Берд не был допущен на предыдущий сеанс, но на следующий день он пришел в отель и потребовал объяснений. Гудини ответил, что он не хочет огласки того, что происходит в комитете. Берд в конце концов был вынужден признать, что, хотя он и не намеревался болтать, Марджори сумела «вытянуть» из него все секреты. В раздражении Берд отказался быть секретарем комитета. Его отставка была охотно принята.

Перед следующим сеансом комитет предложил, чтобы Гудини держал одну руку медиума, а доктор Принс — другую. Гудини, наблюдая за Марджори, уже сидящей в кабине, по движениям ее головы и мускулов шеи понял, что у нее есть какой-то заранее разработанный план. Он потребовал, чтобы она высунула руки из кабины, что она и сделала. Он также предупредил доктора Принса, чтобы тот не отходил от кабины ни при каких обстоятельствах. На недоуменный вопрос Марджори он ответил, что, если даже она что-то и спрятала в кабине, она не сможет этим воспользоваться, так как ее руки будут крепко сжаты.

Вскоре после выключения света послышался злобный возглас Уолтера: «Гудини, ты хоть и умен, но у тебя ничего не выйдет. Я надеюсь, что эти вещи оставлены в кабине случайно?»

Когда его спросили, что он имеет в виду, Уолтер ответил, что помощник Гудини подбросил в кабину линейку, чтобы дискредитировать медиума. Совсем разойдясь, Уолтер закричал: «Гудини, сукин сын, по-

шел вон отсюда и не возвращайся больше. Если ты не уйдешь, уйду я!»

Гудини настоял, чтобы все эти выкрики были записаны в отчете о сеансе. Доктор Комсток предположил, что линейка, быть может, случайно выпала из чьего-нибудь кармана. Гудини попросил Манна выйти и спросить Коллинза, не его ли это линейка. Манн вернулся вместе с Коллинзом, который сказал, что ничего ни о какой линейке не знает. Его собственный плотницкий метр как обычно лежит в его набедренном кармане. Гудини заставил Коллинза поклясться, что он говорит правду. Затем сам Гудини поклялся, взяв в свидетели свою покойную мать, что он не имеет ко всему этому никакого отношения.

После этого скандала сеанс продолжался еще некоторое время, но «явлений» не было. Когда свет включили, на полу кабины увидели дешевую двухфуттовую линейку, сложенную по длине до шести дюймов. У Гудини возникла идея, что Марджори тайно пронесла линейку в кабину, и он поделился ею с членами комитета.

На следующий вечер доктор Комсток, проинструктированный, по всей вероятности, самим Гудини, предложил следующее. Он принес маленький ящик, сел напротив Марджори и засунул в него ее ноги вместе со своими. Затем их ноги связали вместе. Он держал также руки Марджори. Колокольчик в ящике, поставленном рядом, на этот раз не зазвенел.

За обедом с членами комитета Марджори, улыбаясь, сказала Гудини, что она опасается, как бы из-за него театр Кейт не расторг договор с нею. Если это случится, ее многочисленные друзья хорошенько отлупят его. Однако это не испугало Гудини. Доктор Крендон перед сеансом 27 августа, дружелюбно разговаривая с Гудини, сказал, что если он поверит в подлинность медиумных способностей его жены, он, Крендон, будет рад предоставить Гудини десять тысяч долларов, которые тот может по своему усмотрению истратить на благотворительность. Гудини отказался от предложения, расценив его как предложение взятки.

Доктор Крендон настаивал также, чтобы доктор Комсток контролировал левую руку Гудини, и поклялся, что он будет ее удерживать, несмотря ни на

что. Это требование переполнило чашу терпения членов комитета.

Марджори не получила приза журнала. Малькольм Берд вскоре оставил работу в редакции. Это произошло после того, как Гудини публично обвинил его в сговоре с Марджори.

Этой же осенью Гудини опубликовал памфлет «Гудини разоблачает трюки бостонского медиума Марджори». Памфлет был проиллюстрирован карикатурами на Марджори, показывающими, как она осуществляла, по мнению Гудини, свои трюки. Приведены были также фотографии Гудини в знаменитой кабине. Эту кабину он взял с собой в свое лекционное турне по Тихоокеанскому побережью. Зрители с интересом наблюдали, как он пропихивает двухфуттовую линейку через отверстие в кабине, держа ее в зубах, и как касается его ящика с колокольчиком, который начинает звенеть.

Спустя годы, уже после смерти Гудини, Джимми Коллинза спросили о таинственном метре. Он криво улыбнулся. «Это я засунул его в ящик. Босс велел мне сделать это. Он хотел схватить ее с поличным».

«Но он поклялся своей матерью».

«Конечно, но сначала поклялся я. После этого ему уже казалось, что он вовсе ни при чем. Надо помнить одно: в последние годы для хозяина правдой было то, что он сам хотел считать правдой». Затем Коллинз прибавил, очевидно, из чувства преданности своему боссу: «Но работать с ним было хорошо. Никогда не забывал, когда у тебя день рождения. А на Рождество был так щедр на подарки...»

Чем большим нападкам подвергалась Марджори со стороны скептиков и исследователей, тем быстрее росла ее слава в среде поклонников. Одним из самых убедительных доказательств подлинности спиритических способностей Марджори они считали появление во время сеанса отпечатка большого пальца духа на куске стоматологического воска, причем отпечаток не совпадал с отпечатками больших пальцев участников сеанса. Обожествляемая спиритами, прославляемая в их публикациях, Марджори считалась величайшим медиумом своего времени. Но однажды один скептик под каким-то благовидным предлогом начал коллекционировать отпечатки больших пальцев всех, кто когда-либо посещал сеансы Марджори. Он обнаружил,

что отпечатки, приписываемые покойному Уолтеру, на самом деле принадлежат бостонскому зубному врачу, вполне живому, который не только лечил зубы Марджори, но и показал, по-видимому, как приготовить зубной воск для получения отпечатков пальцев, и подарил ей два маленьких гипсовых слепка своих отпечатков, которые она могла легко спрятать на себе перед сеансом.

Спириты, так же как и нейтральные исследователи, отмечали, что Гудини ни разу не поймал Марджори с поличным, и поэтому приходится верить ему на слово. Те, кто знал их обоих, намекали на возможность шантажа Марджори со стороны Гудини с целью удержать ее и ее сторонников от мести. Возможно, он знал, что она не хотела распространения каких-то сведений о своей персоне.

Споры и дискуссии еще долго не утихали, проникая на страницы газет, особенно бостонских. Когда Гудини давал в этом городе представление, на котором он показывал «ящик Марджори» (так он называл в узком кругу эту знаменитую кабину), публика валила валом. «Я дал им жару», — говорил обычно Гудини после таких представлений.

В конце концов, именно это было для него самым важным. Гудини нашел новый сценический прием, поправившийся зрителям. Он имитировал на сцене происходящее в сеансной комнате спиритов. Для этого он завязывал глаза сидящим на сцене членам выбранного публикой наблюдательного комитета, которые «контролировали» его руки. Поэтому трюки и уловки медиумов, которые он показывал на сцене, публика видела, а члены комитета нет. Не видя происходящего, не понимая, что же Гудини может показать с несвободными руками, они пребывали в полной растерянности к великому удовольствию зрителей.

33.

Мечты сбываются

Весной 1925 года представлением на нью-йоркском ипподроме началось последнее (хотя он сам об этом еще не знал) турне Гудини. Там он, в частности, по-

казывал, как бы действовала Марджори, если бы смогла воспользоваться складным метром, держа его в зубах, и как постукивала бы им по ящику с колокольчиком.

Все представление почти целиком было посвящено разоблачению спиритов. Находясь под наблюдением члена комитета, глаза которого были завязаны полосками черного бархата, Гудини сумел носком ноги, незаметно вытащенной из туфли, на которую поставил для контроля свою ногу член комитета, дотронуться до ящика с колокольчиками и тамбуринами, в результате чего они зазвенели. Чтобы наблюдатель не заметил маневра с ногой, туфля имела специально изготовленный для такого случая твердый каркас. Представление, обычно заканчивавшееся пыточной водяной камерой, имело шумный успех.

Когда Гудини чувствовал потребность в разрядке, он полностью менял программу и начинал со смиренной рубашки, затем переходил к иголкам и заканчивал подменным сундуком с Бесс. Его доход за неделю составлял тысячу двести долларов. Тридцать лет тому назад за это же он получал двенадцать долларов. Единственное отличие состояло в том, что наконец-то Бесс немного пополнила: в девичестве она была худенькой как спичка.

Его турне предшествовала поездка по тем же местам посланной им шпионской команды, в которой была и Джулия Сойер. Узнав о каком-нибудь медиуме, вызывавшем голоса или духов, Гудини появлялся у него на сеансе в полюбившемся ему облике согбенного трясущегося старца в седом парике и с фальшивой бородой, и дребезжащим голосом просил дать ему возможность услышать хотя бы одно слово своего умершего сына. После уплаты стариком денег появлялся дух сына или слышался его голос. Тогда Гудини вытаскивал свой мощный фонарь и направлял его свет на медиума, который в это время прижимал к губам трубу под прикрытием светящейся кисеи. Когда зажигался свет, медиум пытался урезонить старичка. Гудини драматическим жестом срывал с себя парик и бороду и гневно кричал: «Это я, Гудини! Я обвиняю тебя в мошенничестве! Я доказал твою виновность!»

Репортеры страшно веселились, а у публики такой сеанс имел несравненно больший успех, чем гудини-

евский подводный ящик или смирительная рубашка в положении вниз головой.

В этом году ему исполнился пятьдесят один год, как раз в пасхальное воскресенье. Он сделал себе в этот день подарок, купив Бесс новый наряд к пасхе.

Турне кончилось там же, где началось, а именно на нью-йоркском ипподроме, где Гарри показал трюк со ста двадцатью иголками.

Скорее для Бесс, чем для себя, снял он в Гленхед, Лонг-Айленд, коттедж на лето, рассчитывая немного отдохнуть. Но отдыхать ему было некогда. После нескольких дней купания и солнечных ванн, он начал работать над осуществлением мечты всей своей жизни, над полным вечерним представлением, в котором он мог бы объединить все лучшее, сделанное им в области магии, над своего рода экстравагантной гудиниадой. Там бы он показал фокусы с картами и шелковыми шарфами, иллюзии с появляющимися и исчезающими прекрасными девушками, различные освобождения, заканчивающиеся его старым добрым «вверх тормашками», привидения и грифельные послания. В таком гала-концерте он смог бы показать все что угодно, он сумел бы «дать им жару».

Готовясь к такому представлению, Гудини в то же время продолжал читать цикл лекций об уловках спиритов и гадалелей перед слушателями нью-йоркской полицейской академии.

Но все чаще и чаще возникали тревожные мысли о будущем. Он был слишком искушенным артистом, чтобы не понимать, что его борьба с медиумами не может длиться вечно. Поэтому он должен был найти какую-то замену этой исчерпывающей себя теме.

Гудини всегда был заядлым карточным фокусником. Демонстрируя свою ловкость полицейским, он понял, что они больше интересуются уловками профессиональных карточных игроков, ведь к ним постоянно обращались молокососы, проигравшие жуликам большие деньги. «Как они это сделали? Они надули меня, играя моими собственными картами!» — спрашивали пострадавшие, и полицейские не знали, что ответить. У Гудини возникли планы, которыми он делился только с самыми близкими помощниками. Он должен начать кампанию против карточных шулеров, показать их уловки на сцене.

Но для этого ему нужно было упражняться до из-

неможения. За годы, посвященные освобождениям и медиумам, он не практиковался в картах, а искусное исполнение карточных фокусов требует настоящего профессионализма.

Как и многие другие проекты Гудини, этот тоже не был оригинальным. Были многочисленные «исправившиеся» шулера, долгие годы выступавшие на ярмарках. Их демонстрации нечестной игры, карточных подтасовок и хитростей собирали множество любопытной публики.

Между тем еще далеко не все возможности были исчерпаны и в показе уловок спиритов. Можно было повторить снова друга Гудини Эла Джонсона, вместе с которым он основал клуб артистов: «Не уходите, ребята, вы еще не все видели!»

Осенью мечта Гудини сбылась. Он отправился в турне, подготовив полное вечернее представление. В прошлом он дважды пытался осуществить это, но терпел неудачу. Теперь он был твердо намерен костями лечь, но довести дело до конца.

Варьете яростно боролось за существование, но полное вечернее шоу все еще могло иметь шумный успех в провинции, где не было больших эстрадных театров и где, как был уверен Гудини, жаждали сенсационных зрелищ.

Представление, впервые показанное осенью, длилось два с половиной часа. Гудини почти непрерывно был на сцене. В первом акте он показал свою интерпретацию «Мечты скупца», которую назвал «Деньги ни за что». Он также показал свою версию знаменитой «лампы йога» Гарри Келлара: вначале зрители видят лампу, светящуюся сквозь наброшенный на нее носовой платок, затем произносятся магические слова, платок быстро поднимается... лампы нет. После этого фокуса Гудини показывал множество других, основанных на использовании шелковой ткани. Затем неожиданно появлялся живой кролик; девушка превращалась в розовый куст; сжигались, а затем снова восстанавливались куски разорванного одним из ассистентов тюрбана. Затем следовал трюк с иглами. На сцене появлялась Бесс, которую Гудини представлял публике, следующим образом: «Вот девочка, с которой я путешествую уже тридцать один год». Вместе они исполняли «метаморфозу»: радиоприемник, из которого лилась громкая музыка, накрывался

шелковым платком и сразу же исчезал, причем в момент дематериализации музыка резко обрывалась. Один из фокусов был настолько стар, что большинство зрителей его никогда не видело, да и не слышало о нем: пять карт, выбранных одним из зрителей, разрывались на мелкие кусочки, которые засыпались в волшебное короткоствольное ружье с раструбом. Ружье выстреливало в позолоченную звезду, а карты, совершенно целые, появлялись на кончиках пальцев фокусника. Под шелковым платком обнаруживался аквариум с живыми золотыми рыбками. Оглушительно звеня, исчезали и появлялись будильники.

Второй акт начинался с освобождения из смиренной рубашки; затем Гудини быстро отвязывался от столбов, выходил из гробов, разного рода ящиков и так далее. Заканчивал он обычно камерой для пыток водой.

Третий акт был посвящен разоблачениям местных медиумов, сведения о которых его тайные агенты собирали в течение нескольких дней, предшествующих началу гастролей. Тут он пускал в ход всю свою тяжелую артиллерию. Медиумам, казалось, льстило внимание Гудини, они, как правило, посещали его представления. Гудини, разглядев их среди публики, высвечивал их прожектором и делился со зрителями различными забавными случаями из их практики, известными ему благодаря агентам или даже построенными ими: то одна женщина, бывшая, конечно, агентом Гудини, получила на сеансе послания от своих мужей, тогда как на самом деле она была старой де-вой, то девушка получила послание от своей якобы умершей матери, хотя ее мать, жившая в Бруклине, пребывала в добром здравии.

Медиумы, освещенные прожектором и осыпаемые градом обвинений, поспешно ретировались из зала. Иногда, правда, впоследствии выяснялось, что медиум, подвергшийся таким нападкам на сцене, вовсе не медиум, а один из дальних родственников Гарри или Бесс, нанятый Гудини для этой цели. Ну что ж, тогда все это можно было объявить забавной шуткой.

Высказывались предположения, что самые сенсационные разоблачения медиумов на сеансах, на которых Гудини появлялся в облике выжившего из ума старика, часто были инсценировкой. Кое-кто из медиумов, будучи уверенным, что преданность их поклон-

ников непоколебима, были не прочь участвовать в таком спектакле за вознаграждение. Все это вполне вероятно, хотя мы так и не знаем, какие из этих разоблачений были настоящими, а какие — подстроенными. В любом случае газетная шумиха гарантировала надежную рекламу.

В этом можно убедиться, просмотрев заголовки в балтиморской «Ньюс» только за одну неделю гастролей Гудини в этом городе. На первой полосе этой газеты от 3 ноября 1925 года была помещена такая «шапка»: **ГУДИНИ РАЗОБЛАЧАЕТ БАЛТИМОРСКИХ МОШЕННИКОВ.** «Ньюс» поможет разоблачить темные махинации. Гудини, известный исследователь спиритизма, почетный лейтенант нью-йоркской полиции, всемирно известный иллюзионист бросает смелый вызов балтиморским медиумам. Приходите в музыкальную академию 9 ноября».

Далее перечислялись многочисленные денежные призы (тысячи долларов), предназначенные тем, чьи «явления» или «послания» будут признаны подлинными.

На следующий день та же газета поместила почти такое же объявление (случай очень редкий в журналистской практике): **ГУДИНИ НАМЕРЕН РАЗОБЛАЧИТЬ БАЛТИМОРСКИХ МОШЕННИКОВ.** На этот раз под заголовком был приведен рассказ самого Гудини и дано его фото на две колонки, на котором связанный Гарри прикован цепью к колесу локомотива.

Еще через день, 5 ноября, заголовок шириной в восемь колонок гласил: «Гудини собирается вывести балтиморских провидцев на чистую воду».

Под заголовком — фотография Гудини в наручниках и кандалах.

6 ноября: «Гудини готов ответить на любые вопросы о спиритических явлениях».

Под заголовком — рассказ о том, как Гудини договаривался со своими друзьями о посмертных закодированных посланиях и о том, что эти уговоры ни к чему не привели. Ни разу за все годы изучения спиритизма он не получил ничего существенного. Гудини отвечал на вопросы, присланные читателями. Кадр шириной в три колонки из фильма «Тайна тайн», на котором «эмиссары» связывают Гудини.

7 ноября: «Гудини вышел на тропу войны с медиу-

мами». Кадр из фильма на две колонки: Гудини, привязанный к крыльям мельницы.

Понедельник, 9 ноября, вечерний выпуск (день начала гастролей): «Гудини начинает войну с медиумами».

Ниже идет рассказ о том, как агенты Гудини за двадцать пять долларов выдавали себя на сеансах за приверженцев спиритизма. Фотография на две колонки: полицейский надевает на Гудини строгий жилет.

В следующем вечернем выпуске: «Гудини разоблачает секреты темной комнаты».

Среда, 11 ноября: «Гудини вызывает медиумов на испытание». (Впервые на первой странице нет фотографий Гудини.)

Рассказ о том, как за настоящее привидение был предложен приз пятьдесят тысяч.

Четверг: «Медиумы не отвечают на вызов Гудини».

Пятница, 13 ноября: «Вызов Гудини пока без ответа».

В течение десяти дней Гудини заполнял собой первую полосу газеты крупнейшего города страны. Но даже при самом тщательном изучении газетных сообщений нельзя сделать вывод, что Гудини на самом деле разоблачил хотя бы одного балтиморского медиума. Но зато сама рекламная кампания была проведена блестяще.

Но одно событие этого турне прошло почти незамеченным прессой на фоне хвастливой рекламной шумихи. Это был спектакль, данный Гудини по просьбе балтиморских фокусников, членов общества американских иллюзионистов. Выступления самого Гудини длилось на двадцать минут дольше обычного, после чего фокусники Балтимора показывали жителям родного города свои лучшие номера.

Гудини уже в восьмой раз избирался президентом этого общества.

Как-то накануне ежегодного банкета, даваемого обществом в Нью-Йорке, Гудини позвонил его ревностный поклонник, почти мальчик, отчаянно хотевший попасть на представление Гудини на этом банкете. Однако все фонды были уже исчерпаны. Мальчик срывающимся голосом упрашивал великого человека: «Мистер Гудини, мне страшно неприятно вас беспокоить, но... я должен быть на этом спектакле. Я просто

не могу иначе...» «Да, сынок, конечно. Я понимаю». «Может быть, я сумею купить билет в кредит?»

— «Не беспокойся, сынок. Ты сядешь за мой столик с миссис Гудини и моими родными. Назови только свое имя контролеру на входе. Дай-ка я запишу. Как тебя зовут?»

«Китинг, сэр. Фред Китинг».

Впоследствии этот мальчик стал одним из самых знаменитых магов, он блистал и в кино, и на Бродвее.

Такие маленькие проявления великодушия и щедрости обеспечивали Гудини преданную дружбу многих людей.

В конце сезона, когда Гарри прощался со своими коллегами-фокусниками, к нему снова подошел Китинг, очень подавленный и удрученный. В ответ на вопрос Гудини он сообщил, что умерла его мать. Глаза Гудини наполнились слезами. Он похлопал юношу по руке и произнес неожиданно хриплым голосом: «Я знаю, что это такое, мой мальчик. Это тяжело. Я знаю...»

Фред признался, что он хотел бы установить контакт с матерью при помощи одного из самых известных медиумов. Гудини в ответ чуть заметно улыбнулся. Улыбка была доброй, но одновременно отрешенной, почти олимпийской.

«Не надо, мой мальчик. Невозможно говорить с любимыми, если они ушли. Я знаю. С ними нет связи. Нам приходится страдать в одиночестве».

Но Китинг упорствовал. У него было такое чувство, что попробовать стоит. Гудини лишь пожал плечами.

«Мой дорогой, как можешь ты так говорить? Ведь я, Гудини, сказал тебе, что это невозможно!»

34.

Поверженный египтянин

Вашингтон, самый красивый город страны, оплот демократии, сердце сорока восьми суверенных штатов в 1926 году был переполнен хиромантами, астрологами, медиумами, получающими послания от умерших, предсказывающими будущее по магическим кристал-

лам. Город так и кишел всякого рода профессиональными оккультистами в тюрбанах и без оных. Особенно много их было в относительно небогатых жилых районах города, где почти всюду виднелись вывески с изображенными на них руками, воздетыми к небу. Почти в каждом особняке в таком квартале имелся специальный кабинет, где вел прием профессиональный предсказатель.

Почему именно Вашингтон стал своего рода Меккой для медиумов и чудотворцев, сказать трудно. Но вот 26 февраля 1926 года на рассмотрение властей округа Колумбия был представлен законопроект, представляющий собой поправку к статье закона об ответственности за оскорбление общественной нравственности. Поправка гласила: «Лица, пытающиеся за вознаграждение угадать, где находится украденное или потерянное, лица, которые при помощи каких-либо игр, в частности, картежных, основанных на ловкости рук, или путем гаданий мошеннически получают от других лиц деньги или имущество, лица, снимающие заклинания, торгующие заговорами для защиты или соединения разлученных, должны рассматриваться как виновные в нарушении общественного порядка. Те, кто нарушит предписания данного закона, должны быть приговорены к штрафу, не превышающему 250 долларов, или к тюремному заключению, на срок не более шести месяцев, или к тому и другому одновременно».

Конгрессмен Блум, один из авторов законопроекта, привел на слушание свидетеля, который на вопрос о своем полном имени ответил: «Гарри Гудини». На вопрос о роде занятий последовал ответ: «Я — писатель. Я являюсь экспертом по спиритизму для научных журналов всего мира, кроме того, я иллюзионист».

Он обратил внимание членов комитета, что в округе Колумбия любой человек может заняться гаданием как бизнесом, уплатив за лицензию двадцать пять долларов. Далее Гудини заметил, что у него нет желания нападать на спиритизм как на религию, но ведь под этим словом часто понимают лишь взаимодействие медиума с умершими. «Есть два типа медиумов, — продолжал он, — одни просто умственные дегенераты и должны находиться под наблюдением общества, другие — преднамеренные мошенники. Я не поверил

такому медиуму, даже если бы он дал присягу. Нарушить клятву для медиума — плевое дело».

На слушание были приглашены несколько медиумов. Гудини предложил им угадать содержание смятой телеграммы, вынутой им из кармана. Поскольку медиумы хранили молчание, один из членов комиссии, смеясь, предложил самого себя в качестве ясно-видца: «Я думаю, там написано: пришлите, пожалуйста денег, ведь телеграммы чаще всего посылаются именно для этого».

В конце концов законодатели пришли к выводу, что предложенный законопроект квалифицирует, как преступников, даже детей, играющих в карты в своем собственном доме, или гадающих друг дружке, а деревенскому парню может помешать бросить в аппарат монету для получения фотографии своей будущей невесты. По мнению законодателей, существующие законы округа Колумбия вполне достаточны, чтобы дать гражданину средства судебной защиты от мошенничества, независимо от того, связано ли оно с гаданием.

При обсуждении Гудини спросили, верны ли утверждения спиритов, что он сам использовал при демонстрации своих чудес присущие ему сверхъестественные способности. Гудини решительно заявил, что никакими сверхъестественными способностями он не обладает. Тогда один высокоученый джентльмен озадачил его таким вопросом: «А как вы можете это доказать?»

Гудини вновь повторил, что у него нет таких способностей. При обсуждении было упомянуто утверждение Маккензи о том, что Гудини дематериализовался для выхода из камеры пыток. На настойчивый вопрос о том, как же он все-таки это сделал, Гудини ответил просто: «Я делал это так же, как сделал бы любой из вас». Этот ответ, по-видимому, поставил в тупик любопытного, но дальнейшие расспросы прекратились. На вопрос, верит ли он в астрологию, Гудини ответил: «Нет, не верю. Невозможно по удаленным на миллионы миль глыбам предсказать судьбу».

В качестве свидетельницы, вызванной конгрессменом Блумом, выступила мисс Роуз Маккенберг, одна из главных помощниц Гудини. Ее рассказ о том, как миссис Джейн Коутс «угадала» различные подробности ее «незаконной любовной связи» (мисс Маккенберг была почтенной старой девой), вызвал живейший

интерес законодателей. Когда ее спросили о других откровениях миссис Коутс, свидетельница упомянула о существовании списка американских сенаторов, которые, по утверждению миссис Коутс, горячо верят в спиритизм и часто обращаются к медиумам за советом.

Все это завело бы слушания слишком далеко, если бы Гудини своевременно не отвлек внимание членов комитета и слушателей демонстрацией того, как медиумы вызывают голоса при помощи труб.

Слушания были отложены и снова открылись в мае. К этому времени вышингтонские спириты хорошо продумали тактику атаки. Его преподобие Стрек, секретарь национальной ассоциации спиритов Америки, дородный, величественный и красноречивый, произнес изящную речь в защиту спиритизма как религии, обвинив Гудини в нападении на свободу вероисповедания. Гудини привел подтвержденное клятвой признание бывшего медиума, женщины, воспроизводившей голоса при помощи трубы. Она заявила, что, покинув медиумов, она освободилась от тяжелого груза, лежавшего на ее совести.

Затем Гудини попросил позволения показать как создаются послания, появляющиеся на грифельных досках во время сеанса. Он выбрал находящуюся в комнате жену одного сенатора, с которой не был знаком ранее, и получил «доказательное послание» для нее на внутренней стороне одной из двух сложенных вместе грифельных досок, поверхность которой была до этого чистой. По просьбе председателя комитета он рассказал, что накануне, когда женщина входила в комнату, он шел впереди нее и услышал, как она сказала: «Я хотела бы получить спиритическое послание». Выяснив ее имя, Гарри постарался узнать о ней что-нибудь полезное для сеанса. Затем он объяснил зрителям, как, демонстрируя грифельные доски, он сумел вместо четырех поверхностей показать только три, так как четвертая как раз и содержала заранее написанное им «послание».

Когда начала давать показания должным образом присягнувшая миссис Джейн Коутс, члены комитета и все присутствующие почувствовали себя как на веселом спектакле, который давался в их честь медиумом, прижатым к стенке. Она набросилась на агента

Гудини Роуз Макенберг с упреками и обвинениями, не всегда выдержанными в вежливом тоне.

В конце концов комитет под нажимом спиритов вынужден был отметить, что законопроект, предложенный Солом Блумом по совету Гудини, в случае его принятия сделал бы незаконным для спиритов осуществление требований их религии, а именно использование божественного дара пророчества. Кроме того, спириты утверждали, что в округе Колумбия все шло отлично, что полиция в полной мере осуществляла контроль за обманщиками и мошенниками до тех пор, пока не вмешался Гудини со своими советами.

При таких парламентских перепалках Гудини, будучи не особенно красноречивым, не мог одержать верх. Это стало ясно, когда преподобный Альфред Терри, пастор первой спиритуалистской церкви в Вашингтоне, заявил, что уже существующий закон при надлежащем его исполнении не позволит ни одному мошеннику действовать в Вашингтоне. Такой поворот темы был весьма неприятен для конгрессменов.

Когда Терри спросили, почему покойная мать не может войти в контакт со своим сыном без медиума, он объяснил, что это связано с большим духовным совершенством медиумов, усердно упражняющихся в выявлении спиритических способностей, которые в усыпленном состоянии присутствуют в каждом человеке. Медиум является только инструментом. Это как телефон, при помощи которого мы говорим со своими любимыми, хотя и удалены от них на огромные расстояния.

Против законопроекта высказался также джентльмен по имени Палмер, проработавший тридцать пять лет клерком в пенсионной конторе. Мистер Палмер был ярым сторонником спиритизма и приводил в качестве доказательства истинности своей религии Лоджа, Крука, Ломброзо, Фламмарiona и Хиурда Каррингтона.

При упоминании имени Каррингтона Гудини не выдержал и вскочил. Набросившись на это имя, как ястреб на курицу, он отозвался о знаменитом писателе в резких выражениях и был почти невменяем в своей ярости.

Покончив с Каррингтоном, Гудини вернулся к вопросу о продаже талисманов и амулетов, заявив, что они могут принести вред. По этому вопросу выступи-

ла женщина-адвокат, мисс Ларримор Кили. Она выразила опасение, что утверждение законопроекта делает незаконной продажу чудотворных амулетов католической церкви.

Законодатели комитета, по-видимому, приходили во все большую растерянность. Им отнюдь не помогло выступление свидетеля, который начал аналогию спиритизма с того, что объявил внесение законопроекта проявлением давления официальной религии на спиритуалистские церкви! Свидетель с глубоким возмущением напомнил комитету, что две тысячи лет тому назад Иуда предал Христа, что Иуда был евреем и что теперь этот законопроект тоже представлен двумя... Тут раздалось громкое постукивание председательского молотка.

Ненамного прояснило вопрос и выступление леди, заявившей, что на спиритическом сеансе она встретилась со своей умершей матерью. Желая убедиться, что это не обман, она протянула руку и дотронулась до одежды привидения, обнаружив при этом, что ткань какая-то «ползучая».

Председатель: «Ползучая?»

Свидетельница: «Ползучая, ну вы знаете, как китайский креп».

Этот законопроект больше никогда не рассматривался. Тем не менее от проведенных слушаний выиграли все стороны. В течение нескольких дней имя Гудини упоминалось в сообщениях телеграфных агентств. Для медиумов, хиромантов и астрологов это была хорошая реклама: их кабинеты продолжали работать до глубокой ночи, принимая всех жаждущих. Опубликованные протоколы слушаний послужили прекрасным ориентиром для медиумов в их столкновениях с противниками.

Не успев еще остыть от напряженных баталий в Вашингтоне, Гудини снова ввязался в битву.

Как-то после полуночи 31 мая Джим Коллинз и его жена Мод были разбужены настойчивым телефонным звонком.

«Коллинз, Коллинз! — раздался знакомый голос, мы должны ему показать! Этот Каррингтон, этот ловкач, он где-то раздобыл мошенника-йога, чтобы показать погребение заживо. Это дешевый трюк. Он хочет ввести йога в приличные дома! Медиумные способности — вот чем, по его мнению, обладает этот йог!

Сверхъестественные способности! Мы должны дать им по рукам!»

Коллинз, несколько успокоив босса, обещал все обдумать и опять завалился спать.

Причиной всего этого переполоха был темнокожий артист по имени Раман Бей. Говорили, что он — дервиш из Египта и может контролировать при помощи оккультных методов функции своего тела. Хиуорд Каррингтон увидел его впервые в Европе и страшно заинтересовался его способностями.

Ярость Гудини объяснялась тем, что Каррингтон снял сцену в театре «Селвин» для представлений дервиша. В качестве импресарио факира, Каррингтон перед выступлением произнес краткую сдержанную речь, в которой упомянул о необычайных возможностях человеческого организма, развитых на Востоке приверженцами тамошних мистических учений.

Раман Бей начал представление с типичных карнавальных трюков: останавливал пульс, проталкивал сквозь щели шляпные булавки так, что следы крови были почти не заметны, ложился, опираясь плечами на один ятаган, а ногами — на другой, при этом ассистент разбивал тяжелой кувалдой лежащий на его животе кирпич. Он демонстрировал также простые трюки, основанные на слепом видении. Он пытался, правда, без особого успеха, анализировать произвольные движения избранных им зрителей. Он ложился на гвозди (расположенные так тесно, что они не протыкали кожу). Все это было в лучших традициях карнавального шоу. Затем наступила очередь главного номера — погребения заживо.

Именно эта способность Бея интересовала Каррингтона. Остальное было обычными трюками, многие из которых описывал еще сам Каррингтон в своей книге «Цирковое искусство и трюки с животными», кстати сказать, более информативной, чем книга Гудини «Торговцы тайнами».

Перед погребением заживо Раман Бей сделал вид, что впал в каталептический транс. Затем его положили в гроб, крышку забили гвоздями, гроб поставили посередине сцены на кусок линолеума и засыпали небольшим слоем песка.

Старый приятель Гудини Джо Ринн, будучи членом наблюдательного комитета, вышел на сцену и, внимательно осмотрев переднюю часть гроба, распо-

ложенную вдали от рампы вне поля зрения публики, обнаружил трещину в досках передней панели, через которую «обитатель» гроба мог просунуть соломинку или трубочку для дыхания.

Однако Раману Бею, очевидно, не понадобилось ничего подобного, так как «захоронение» продолжалось всего несколько минут.

Гудини больше всего задело намерение Бея опуститься в водонепроницаемом металлическом гробу на дно Ист-Ривер. Этим, в основном, объяснялся взрыв его негодования во время телефонного разговора с Коллинзом. Ведь дервиш, можно сказать, наступал на пятки всемирно известному маэстро. В течение многих лет, с 1911 года, Гудини показывал этот номер. И он знал, что для этого совсем не нужно впадать в каталептический транс. Сохраняя спокойствие и дыша как можно экономнее, можно жить в гробу или любом другом ящике на удивление долго!

Выступление египтянина состоялось в июле. Он был уложен в цинковый гроб, крышку которого надежно запаяли оловом. Но еще до того, как гроб опустился на дно, зазвенел сигнальный звонок. Когда гроб подняли и сняли крышку, все увидели, что дервиш по-прежнему в трансе. По-видимому, египтянин мог звонить, даже находясь в бессознательном состоянии!

Из газетных отчетов об этом событии стало известно, что Раман Бей был итальянцем арабского происхождения, посвятившим двадцать шесть лет жизни изучению тайн восточных учений, что и позволило ему совершать свои подвиги.

Второе погребение этого итальянского араба состоялось в бассейне хорошо известной плавательной школы. На этот раз Раман оставался в гробу целый час, хотя под водой находился всего двадцать четыре минуты: гроб периодически поднимали, чтобы сменить людей, стоящих на нем, благодаря чему он и погружался.

Гудини не присутствовал на демонстрации, но его представлял там Джо Ринн, который тщательно все записывал, чтобы Гудини мог «разоблачить факира». Затем Гудини вызвал бурю в прессе, заявив, что он готов повторить то, что сделал дервиш, но естественными средствами. Он назначил дату, 5 августа, и ме-

сто — плавательный бассейн отеля «Шелтон» в Нью-Йорке.

Для контроля времени был выбран Джо Ринн. Среди свидетелей был Джозеф Даннингер, тайно изучавший оккультное искусство, друг Гудини и поклонник его методов. За исключением членов комитета, избранных для наблюдения вблизи бассейна, все остальные наблюдатели по настоянию Гудини были отведены на галерею для зрителей. Там, на галерее, он заметил знакомое лицо и воскликнул: «Что делает здесь этот человек? Он должен уйти». «Этот человек, Хиуорд Каррингтон, спокойно ответил, что он является корреспондентом журнала, и это было истинной правдой. Гудини позволил ему остаться на галерее.

Гроб, выбранный Коллинзом для испытания, был сделан из гальванизированной стали и снабжен сигнальным звонком, подобным тому, который был у Рамана Бея, и телефоном. Коллинз поддерживал с боссом телефонную связь в течение всего испытания, разговаривая с ним каждые пять минут, чтобы быть уверенным, что с ним все в порядке.

Гроб, крышка которого была надежно припаяна, был погружен на дно бассейна и удерживался при помощи сменяющих друг друга людей, стоящих на нем. Через полчаса они случайно соскользнули с гроба, который поднялся на поверхность. Однако Гудини сказал, что он не ушибся, и гроб снова погрузили на дно.

По прошествии часа Коллинз стал звонить Гудини каждую минуту. Но тот все еще не отдавал приказа к подъему. Через час с четвертью Гудини сообщил, что вода стала просачиваться в гроб. Однако он все еще не просил поднять его.

Время объявлялось каждые тридцать секунд. По прошествии полутора часов Гудини сказал Коллинзу: «Я думаю, мне лучше подняться. Я немного замерз».

Пульс Гудини после освобождения вырос с 84 до 142, диастолическое давление крови упало с 84 до 42. Гудини немного дрожал и выглядел измученным, однако он довольно бодро обратился к газетчикам, заявив, что доказал способность человека довольно долго находиться в ящике без дополнительного притока воздуха и без помощи чего-либо сверхъестественного.

Джо Ринн, описывая впоследствии знаменитое погребение в воде, намекнул, что Гудини имел в гробу

устройство, выделяющее кислород и (или) поглощающее углекислый газ.

Хиуорд Каррингтон в своей книге «Психические исследования», написанной в 1931 году, очень упирал на тот факт, что пульс и давление крови у Гудини после испытания сильно отличались от нормы и что Гудини был бледен и покрыт потом, тогда как у Рамана Бея никаких физиологических изменений обнаружено не было. Каррингтон отнесся с подозрением к тайнственным батарейкам аварийного звонка Гудини, находившимся внутри гроба, и намекал что в них можно было спрятать химикалии, выделяющие кислород и поглощающие углекислый газ. Звонок никто не проверял, а необходимость в нем объяснялась возможным выходом из строя телефонной связи.

Возможно, что все это так, но подлинный секрет гроба, который не принимали во внимание тогдашние медики, заключается в том, что в нем содержится достаточно воздуха, чтобы продержаться полтора часа. Медики же считали, что воздуха может хватить на три-четыре минуты.

К тому же, остались неизвестными размеры гроба Гудини. Если верить служащему отеля Фрэнку Санчесу, размер гроба составлял 6 футов и 6 дюймов на 22 дюйма. Это намного больше, чем нужно при росте Гудини.

С тех пор в этой области были проведены многочисленные исследования. Интересующиеся могут найти таблицы в «Справочнике врача подводного флота США». По этим таблицам можно рассчитать время, необходимое для выживания в герметически замкнутом пространстве. Там же указано, что если за двенадцать часов до теста испытуемый ограничит свою диету белками и жирами и не будет употреблять углеводы, потребление кислорода будет в два раза меньше, чем у тех, кто перед экспериментом съел большое количество сахара.

Как бы там ни было, подвиг Гудини захватил воображение нации. Его имя снова было на первых полосах газет и на устах каждого американца.

К осеннему сезону Гарри выпустил специальный буклет, посвященный своему «погребению заживо» и содержащий выполненные литографическим способом в четырех цветах восемь листов. В буклете сообщалось, что египетские факиры повержены, и приводи-

лись фотографии бронзового гроба без крышки. В гробу сидел Гудини, глядя на египетскую гробницу и, очевидно, готовясь к погребению в песках. На самом же деле Гудини никогда не бывал в Египте.

Еще до того, как прекратилась борьба между Гудини и Раман Беем, бруклинской газете «Дейли игл» удалось найти настоящего египтянина, который согласился взять интервью у Рамана Бея. Выяснилось, что Бей не говорит по-арабски.

Однако вся эту шумиха вокруг погребения в воде оказалась неожиданно полезной. Американская публика узнала, что если вы случайно окажетесь запертым в стенном шкафу, погребу, склепе и тому подобных местах, то вряд ли задохнетесь через пять минут. Если вы сохраните спокойствие и будете неглубоко дышать, как это делал Гудини, то вы сможете прожить там довольно долго и дожждаться помощи.

Сказанное можно проиллюстрировать случаем, происшедшим несколько лет спустя во Флориде. Муж, жена и двое детей ехали на машине по шоссе вдоль канала. У машины лопнула передняя шина, и она упала в канал, погрузившись на глубину пяти футов. Когда на место происшествия прибыла патрульная машина, доброволец нырнул и привязал к бамперу автомобиля трос. Машину вытащили, она оказалась неповрежденной, а все находившиеся в ней люди — живыми и здоровыми.

Когда машина опускалась, отцу удалось быстро закрыть окна. Затем он успокоил семью, сказав, что вода проникает в машину очень медленно и что в салоне хватит воздуха, если они не впадут в панику и будут дышать размеренно и не спеша. На шоссе полно машин, их падение видели и поэтому скоро придет помощь. Он наверняка вспомнил о Гудини, погруженном в бассейн отеля «Шелтон»!

35.

Последний вызов

В конце лета Гудини усердно готовил к новому сезону двухчасовое представление. Если он и раньше, в те времена, когда прыгал с высоты в воду в наруч-

никах, трудился как пчелка, то теперь и вовсе работал как одержимый. Он действительно был одержим страхом, что его забудут, что его станут считать человеком из прошлого.

Голова у него была забита различными планами. Вашингтонские слушания еще раз показали, что ораторское искусство не входит в число его достоинств. Это удручало Гарри. Он всегда знал, что ему не хватает общей культуры, а теперь понял, что это может стать помехой на пути к вершинам славы. Он говорил Бесс, Коллинзу и другим близким друзьям, что летом после окончания сезона постарается подготовиться к поступлению в Колумбийский университет, чтобы прослушать там столько курсов английского языка, сколько только можно. Для человека пятидесяти двух лет, имеющего международную известность, это было проявлением известного мужества.

Джо Даннингер вспоминает несколько интересных случаев из этого последнего периода жизни Гудини, жизни, которую вполне можно назвать мелодрамой.

«Подобно многим гениям, Гудини был чрезвычайно эгоцентричен. Другие люди интересовали его лишь постольку, поскольку они были связаны с ним какими-либо отношениями. Так как он никогда не спал ночью больше четырех-пяти часов, ему было невдомек, что другим нужно восемь часов ночного сна. Когда у меня раздавался телефонный звонок в три или четыре часа утра, я всегда знал, кто звонит. Однажды утром страшно возбужденный Гудини разбудил меня ни свет ни заря. «Джо, приезжай. У меня есть пара живых рук!» Я пытался выяснить, что все это значит, но Гудини повторял только одно: «Я не могу описать их. Это просто пара человеческих рук. И они живые, Джо. Они живые!» Я сказал себе: я должен это увидеть. Я оделся и подъехал к дому на 113-й улице.

Гудини впустил меня в дом. Было заметно, что он пребывает в чрезвычайном волнении. «Сюда, Джо, они здесь». Он ввел меня в библиотеку, где на столе я увидел восковой слепок рук Гудини. «Посмотри на них, Джо! Разве они не выглядят как живые? Подумать только: мои руки, мои бедные руки не будут знать смерти, будут жить вечно! Разве это не чудо?» Я выразил должное восхищение и поехал домой, надеясь поспать еще пару часов. Тщеславие Гудини часто принимало такие странные детские формы, что его

проявления скорее трогали, нежели вызывали раздражение.

У меня нет ни малейшего сомнения, что вначале у Гудини теплилась надежда на общение с умершими. Но затем, когда все медиумы, которых он наблюдал, оказались мошенниками, а методы их — какой-то грубой и оскорбительной буффонадой, душа Гарри наполнилась гневом. Его предубеждение против медиумов, вполне обоснованное, как я могу судить на основании своих длительных исследований психических явлений, перешло к сожалению, на все явления, которые он не мог объяснить более или менее обыденно. Так, например, несмотря на наличие обширной научной литературы по этому предмету, он убедил себя, что гипноз — это обман чувств, в который впадает как гипнотизер, так и пациент. По собственному ответу я знаю, что гипноз — это факт, и притом очень важный для изучения тайн человеческой психики. Но для Гудини это было мошенничество, и переубедить его было невозможно. Если я стоял на своем, наша беседа превращалась в ссору. Он также полностью отрицал возможность телепатических озарений. Гудини был на море, когда умерла его мать. Бесс Гудини часто вспоминала, как он, проснувшись среди ночи, разбудил ее, сказав, что ему приснился сон о смерти матери. Впоследствии он утверждал, что это было всего лишь простым совпадением. Все же, несмотря на свой упорный скептицизм, он, по-видимому, предчувствовал собственную смерть. Однажды в два часа ночи (дело было в октябре 1926 года) раздался телефонный звонок. Гудини сказал: «Джо, я только что приехал в город и должен сразу ехать обратно. Я хочу увезти из дома кое-какие материалы. Не сможешь ли приехать на машине?» Я сказал, что выезжаю. Когда я приехал на 113-ю улицу, Гудини уже ждал меня у входа в дом. Дождь лил как из ведра. С Гудини был полицейский, который по его просьбе отключил сигнальное устройство, чтобы не беспокоить жильцов. Гудини вместе с полицейским вынес несколько тюков газет и журналов и погрузил их в машину. На Гудини был поношенный костюм и соломенная шляпа (помните, это было в октябре!), несколько «обкусанная» спереди. Бесси все время тщетно пыталась спрятать от него эту шляпу. Уложив пакеты, Гудини дал полицейскому пятьдесят центов и сказал мне: «А, пошли, перекусим». Мы

зашли в закусочную за углом, где съели по бутерброду. Вернувшись, мы сели в машину, и Гудини сказал: «Едем через парк, Джо». Когда мы выезжали из Сентрал-Парка возле 72-й улицы, он схватил меня за руку и глухим трагическим тоном воскликнул: «Едем назад, Джо!» — «Куда назад?» — «Обратно к дому, Джо». — «Зачем? Ты что-то забыл?» — «Не задавай вопросов, Джо. Просто развернись и поезжай».

Я поехал назад к дому. Дождь лил еще сильнее, но Гудини не обращал на это внимания. Он вышел из машины, снял шляпу и стоял так, глядя на темный дом, в то время как потоки дождя струились по его лицу. Затем он вернулся в машину, и мы молча поехали. Когда мы снова подъезжали к западному выходу из парка, его плечи задрожали от сдерживаемых рыданий. Наконец он сказал: «Я видел свой дом в последний раз. Я никогда не увижу его снова». Насколько я знаю, так оно и было. В молчании мы продолжали наш путь, и тут Гудини внезапно спросил: «Джо, ты помнишь бронзовый гроб, который я сделал, чтобы разоблачить этого мошенника Рамана Бея? Я сделал его не только для этого. Я хочу быть похороненным в нем».

Как всегда в таких случаях, мы не можем знать, посещали ли сходные предчувствия Гудини раньше, но в тот раз я сам был этому свидетелем». Так Даннингер внес свой вклад в легенду, созданную вокруг Гудини.

Но Гудини не всегда пребывал в таком подавленном состоянии. В другие, более светлые моменты, он строил честолюбивые планы на будущее. Одним из таких планов было создание университета магии. Любопытно проследить, как возникла эта идея. По всей видимости, источником ее было давнее намерение Гарри обучать фокусников, высказанное в трудный период его жизни, в девяностые годы, когда, проживая на 69-й улице, он в отчаянии рассылал подобного рода предложения по почте. Теперь этот план приобрел новые очертания, чему немало способствовали идеи его старог врага, а теперь близкого друга доктора Уилсона, издателя журнала «Сфинкс».

Они вместе разработали для предполагаемого университета полную учебную программу, состоящую из девяти курсов. Вводный курс для начинающих назывался «магия как искусство и наука», далее следова-

ли «история магии» (тема, очень любимая Гудини), «философия магии, психология магии» (здесь Гудини мог бы поделиться со студентами богатым опытом по отвлекающим маневрам, секретами открывания запоров и замков» и других эффектных трюков), «этика магии» (сюда Гудини включил бы обсуждение реальности сверхъестественных способностей медиумов, а также этические вопросы, связанные с насилием над чужими убеждениями); затем следовали курсы, названные «подготовка к карьере мага», «описание иллюзионной аппаратуры», «вопросы рекламы» (в этом Гудини был непревзойденным мастером) и, наконец, последний и всеобъемлющий курс «искусство организации зрелищ». Предложенный Гудини подход был новаторским в том смысле, что он впервые четко выделял основные компоненты магического искусства. С тех пор именно такому принципу следовали многие руководства, посвященные этой теме, в том числе знаменитый курс Тарбелла.

Но все эти планы были отложены на неопределенное время в связи с началом нового осеннего гастрольного турне Гудини. В это турне он всегда брал с собой бронзовый гроб, который использовал во время рекламных представлений в Уорчестере.

Давать в одиночку такие большие концерты, даже с таким режиссером, как Коллинз, и таким казначеем, как Бесс, было невероятно трудно и изнурительно. По сравнению с прошлым сезоном представление было дополнено еще несколькими «чудесами». Три действия были полностью заняты фокусами, освобождениями и разоблачениями спиритов. Это два с половиной часа напряженного труда перед аудиторией и ни минуты отдыха. Гордость не позволяла Гудини признаться, что ему тяжело. Для него самым сладостным зрелищем на свете был вид переполненного театра, самым сладостным звуком — гром аплодисментов. «Выйдем и дадим им жару!»

Гастроли открылись 31 октября в Провиденс. Через несколько дней, в четверг, внезапно заболела Бесс: пищевое отравление. Она чувствовала себя так плохо, что Гудини пришлось нанять сиделку для ухода за ней. В пятницу он сидел около нее всю ночь, не сомкнув глаз. То же было и на следующий день. Бесс стало лучше, но она была очень слаба, когда он поехал в театр на заключительный концерт. После представления

он занялся упаковкой вещей и реквизита к переезду в Олбани. Он отправил туда сначала Бесс с сиделкой, а сам вместе с Коллинзом поехал в спальном вагоне в Нью-Йорк на поезде, отправлявшемся вскоре после полуночи. Им надо было сделать множество мелких неотложных дел и обсудить новые идеи, появившиеся у Гудини в связи с предстоящими спектаклями. Весь воскресный день в Нью-Йорке он был занят устройством дел и подготовкой к поездке на Запад.

Когда у Гудини не было времени, он обычно вместо обеда выпивал десяток яиц, взболтанных в кружке молока, но в этот день Гарри пригласил на обед его адвокат Бернар Эрнст. Когда он пришел к Эрнстам, семейство еще не вернулось из-за города. Служанка пригласила Гудини в дом. Он прилег на софу в гостиной и дремал минут двадцать, впервые за последние трое суток. Когда хозяева прибыли, он проснулся и отобедал с ними. После обеда ему нужно было обсудить с Эрнстом кое-какие юридические вопросы. Он собирался уехать в Олбани восьмичасовым поездом, но передумал и остался еще на несколько часов. Он позвонил Фрэнку Дюкро, торговому агенту и поставщику реквизита для фокусников, который владел магазином, называемым «Дворцом магии». Наконец, он сел на поезд, отправляющийся в Олбани, куда прибыл в семь часов утра. Вагон был спальный. В Олбани он застал Бесс почти здоровой и прилег вздремнуть часок перед тем, как поспешить в театр на представление, после которого нужно было проверить, все ли готово к специальному вечернему выступлению в понедельник, где должен был присутствовать Эл Смит, губернатор штата Нью-Йорк и старый друг Гарри.

В этот вечер, в понедельник 10 октября, и произошел инцидент, который в силу ряда обстоятельств привел к несчастью. Когда Коллинз в конце второго акта стал закреплять деревянные колодки на лодыжках Гудини перед камерой для пыток водой, тот почувствовал сильную, почти нестерпимую боль. Когда ассистенты перемещали Гудини в воздухе на подъемном кране к тому месту, откуда он должен был прыгнуть в бассейн, Гарри едва не потерял сознание от боли. Коллинз сразу же дал указание помощникам опустить его на сцену и освободить ноги. Гудини сел на сцену и некоторое время массирует лодыжку. Затем, робко улыбаясь, Гарри спросил обратившись

к публике, нет ли в зале врача: у него болит голень. Нашелся врач-хирург. Пока он поспешно шел к сцене, занавес опустили. Осторожно осмотрев ногу, врач пришел к заключению, что сломана малая кость лодыжки и посоветовал немедленно сделать рентген. Гудини улыбнулся. «Доктор, я должен сначала закончить представление!» Врач покачал головой и наложил шину. Больше он ничего сделать не мог.

Вместо трюка «вниз головой» Гудини показал трюк с иголками, прыгая на одной ноге и доставая иголки изо рта. Отдохнув во время антракта, он полностью исполнил программу третьего акта (разоблачение спиритов) и только потом согласился на тщательное обследование.

Рентгеновское исследование в Мемориальной больнице полностью подтвердило диагноз доктора Хэннока: перелом кости лодыжки. Был наложен гипс.

Этой ночью в гостинице Гудини снова не ложился, боль была такой сильной, что заснуть он не мог. Однако он использовал это время, придумывая специальное устройство для фиксации лодыжки, которое дало бы возможность продолжать выступления.

Гастроли в Олбани должны были длиться меньше недели. Дав там последнее представление в среду, он уехал в Шенектади.

Даже в гипсе лодыжка продолжала болеть, но на сцене Гарри не подавал и виду, что ему больно.

Следующим гастрольным городом был Монреаль, Квебек; первый спектакль давался в понедельник 17 октября в театре «Принсесс». Кость хорошо срасталась. Врач в Монреале подтвердил это, одновременно посоветовав Гудини дать ноге отдых в течение нескольких недель. К этому совету сверхчеловек отнесся добродушно-пренебрежительно. Он привык к легким повреждениям — порезам, ушибам, ссадинам, растяжениям мышц, переломам. Все это не раз случалось с ним. Обычно он игнорировал все это: главное — выйти к публике с хорошим представлением.

Гудини договорился со знаменитым монреальским университетом Макгилл о прочтении в его стенах лекции по спиритизму, и она имела шумный успех среди студентов и преподавателей. Один из выпускников университета, специализирующийся по искусству, сделал набросок портрета Гудини и показал его Гарри после лекции. Гудини рисунок понравился, и он при-

гласил парня зайти к нему за сцену, чтобы сделать еще несколько набросков.

Молодой художник появился в театре в пятницу утром с альбомом для рисования. Он привел с собой двух приятелей, один из которых был чемпионом колледжа по боксу.

К этому времени переписка Гудини приняла ошеломляющие размеры. Частично это объяснялось его общественной деятельностью: мало того, что он был президентом американского общества иллюзионистов, он еще вступил в «Клуб Сохаты»¹ и масонскую ложу. Много писем было от скептиков, поздравлявших его с успешными разоблачениями спиритов. Но еще больше писем присылали приверженцы спиритизма, эти письма были полны оскорбительных выпадов.

Когда трое юношей пришли, Гудини лежал на кушетке, просматривая почту. Он извинился, объяснив, что хотел рассортировать почту, чтобы выбрать наиболее важные письма личного характера.

Молодой боксер напомнил Гудини его слова, сказанные на лекции, что праведная жизнь и регулярные упражнения сохранили ему юношеское здоровье и что любой удар, нанесенный ему выше пояса, за исключением лица, не принесет вреда, даже если бить будет человек, намного превосходящий силой самого Гудини.

— Мистер Гудини, можно я изо всех сил ударю вас в живот?

— Никакого мистера, просто Гудини. Да, конечно.

— Прямо сейчас?

— Валяйте.

Не успел Гудини встать с кушетки, как парень нанес ему страшный удар.

Гудини задохнулся и схватился за живот. Парень в ужасе отпрянул. Король магии с трудом поднялся на ноги, он едва дышал и был бледен. Затем он собрал всю свою волю и, глядя в растерянное лицо юноши, проговорил: «Не так... дайте мне подготовиться». Он выпрямился и напряг пресс. «Вот теперь можете бить. Валяйте».

Парень нанес удар. На этот раз брюшной пресс Гудини был тверд как доска. На парня это произвело должное впечатление.

¹ Клуб национальной прогрессивной партии, созданный в 1912 году Т. Рузвельтом.

Когда студенты ушли, Гудини немного потерял живот, чувствуя, что первый удар, к которому он не был готов, по-видимому, повредил какую-то мышцу. Но потом боль утихла, и он погрузился в работу.

Во время дневного концерта он временами чувствовал боль в правом боку, но старался не обращать на нее внимания.

Вечером боль усилилась. Она донимала его в течение всего спектакля, и ночью в гостинице он пожаловался Бесс. По его просьбе она протерла ему живот спиртом. Гарри не мог уснуть. Сиделка Бесс предложила вызвать врача, но Гудини наотрез отказался.

На следующий день во время дневного представления усталость накатывалась на него волнами: сцена, сверкающая бутафория, суетящиеся ассистенты — все временами теряло четкость очертаний, виделось как бы в мерцающем тумане. Затем голова снова становилась ясной, и он мог продолжать представление.

В перерыве между дневным и вечерним представлениями он лежал на раскладушке в артистической уборной, то дрожа от озноба, то обливаясь потом.

Этот последний концерт состоялся в субботу вечером. Следующим пунктом гастролей был Детройт.

По настоянию Бесс, Коллинз послал из поезда предупреждающую телеграмму. На перроне в Детройте их встречал врач. Температура у Гудини была сто двадцать градусов¹, но ехать в больницу он отказался. Прибыв на квартиру, он с трудом добрался до кровати и попросил Бесс укрыть его несколькими шерстяными одеялами. Почти полчаса он дрожал так, что тряслась кровать.

Несмотря на бурные протесты Гарри, Бесс послала за консилиумом врачей. Диагноз был единодушным: аппендицит. Необходима срочная операция.

Слезные увещания Бесс прекращались лишь, когда Гудини впадал в тяжелую дремоту. Незадолго до начала спектакля Гарри попросил позвонить в театр. Оттуда сообщили: «Все билеты проданы, полный аншлаг». Это решило дело. «Помогите мне, — сказал Гарри. — Они заплатили деньги, чтобы увидеть Гудини. Клянусь, они увидят его». Температура в тот момент была сто четыре градуса.

Поведение Гарри было и мужественным, и безрас-

¹ По Фаренгейту (прим. ред).

судным. Зрители вряд ли могли представить себе, что творится на сцене на самом деле: им было невдомек, что они смотрят представление умирающего.

Его улыбка, как всегда, была широкой и пленяющей. Но замедленные движения производили впечатление некой отрешенности, словно на сцене происходило сомнамбулическое действо. За кулисами Гарри не мог самостоятельно держаться на ногах. Но, выходя на сцену под огни рампы, он расправлял плечи и старался двигаться как ни в чем не бывало.

При показе фокуса, когда пустая кабина вдруг оказывалась полна девушками, Гудини обычно обходил кабину и затем перепрыгивал через заднюю стенку, чтобы продемонстрировать отсутствие зеркал.

На этот раз, пытаясь поднять ногу, чтобы перенести ее в кабину, Гудини застыл в этом положении, глядя внутрь кабины так, словно увидел там что-то необычное. Боль парализовала его. Коллинз поспешил на подмогу.

Когда он начал показывать другой фокус, состоявший в том, что из маленького стеклянного кубка вытягиваются длинные полоски яркого шелка, произошло то же самое. Он снова замер на сцене.

«Коллинз, продолжай», — прошептал он.

Джим Коллинз довел фокус до конца.

Все. Гудини сломался.

В больнице все уже было готово к операции.

Когда Гудини ввозили в операционную, санитары услышали, как он хрипло прошептал: «Я все еще могу уложить вас обоих».

Хирурги определили гнойный аппендицит с серьезным перитонитом. До появления антибиотиков вирулентная инфекция брюшной полости вела к неизбежной смерти. Выжить можно было лишь чудом.

Бесс снова стало хуже, и ее положили в ту же больницу. Раз в день ее подвозили к постели Гудини.

Победителю наручников и смиренных рубашек предстоял теперь бой с совсем другим, не похожим на прежних противников, но он вел эту свою последнюю схватку с прежней бульдожьей цепкостью, вел день за днем, и каждые выигранные двенадцать часов казались чудом дежурным врачам.

Инцидент произошел утром 21 октября. Операция была проведена в ночь с 24 на 25 октября.

29 он все еще продолжал бороться и даже почув-

ствовал себя немного лучше. Когда Бесс привезли к нему днем, он подозвал ее поближе к себе и прошептал: «Мама так и не вступила со мной в контакт. Если... что-нибудь случится... ты должна быть готова. Запомни послание: «Розабель, поверь». Когда ты услышишь эти слова.. знай, говорит Гудини».

Сиделка Софи Розенблат поспешила увезти Бесс, чтобы не волновать пациентов.

Знаменитый мастер побега, победитель тюремных заповоротов продолжал борьбу.

Послали за Хардином, и он провел рядом с братом много часов. Наконец, 31 октября в самом начале второго, Гудини пробормотал: «Дэш...» — Брат сжал его руку. — «Дэш... Я устал бороться. Понимаешь, это сильнее меня».

Он закрыл глаза, чтобы никогда не открыть их снова.

Дэш взял на себя руководство гастрольями и закончил турне.

Гудини вернулся в Нью-Йорк в большом бронзовом гробу, в котором он опускался в воду во время погребения заживо. И в нем же он был похоронен; пакет с письмами его матери был положен ему под голову вместо подушки.

Отпевание состоялось в «Клубе сохатых» на 43-й улице, причем началось оно в 11 часов, в час Памяти «сохатых». Затем последовала масонская церемония, во время которой на гроб была положена белая овечья шкура, а собравшиеся масоны проходили гуськом, бросая каждый по еловой ветке — символ никогда не прекращающейся жизни. В конце церемонии представитель общества американских иллюзионистов преломил над гробом церемониальную волшебную палочку. Затем раввин Драхман прочитал торжественную заупокойную молитву.

Среди удостоившихся чести нести гроб были Мартин Бек, благодаря которому молодой фокусник двадцать семь лет тому назад смог добиться своего первого успеха; Уильям Моррис, счастливый победитель в борьбе с Кейтом в далекие бурные дни варьете; здесь были Джо Ринн, друг Гудини с детских лет; старик Оскар Тил, иллюстрировавший книги Гудини; Бернард Эрнст, его адвокат, был здесь вместе с Адольфом Охсом из «Таймс» и Орсоном Манном из «Науки

в США». Шоу-бизнес был представлен Чарлзом Диллингемом, Адольфом Цукором и Ли Шубертом.

Над могилой Гудини на кладбище Мэкнила, где он похоронен рядом с отцом и матерью, возвышается обелиск, увенчанный бюстом великого мастера освобождения. Это очень красивый памятник. Гудини сам проектировал его.

ЭПИЛОГ

Телеграмма с того света

Ураган стих. Бесс Гудини могла спокойно спать, и никто не будил ее среди ночи, заставляя восхищаться новыми гениальными проектами или выслушивать проклятия в адрес мошенников-спиритов.

Теперь она могла всю ночь спать спокойно... Если бы она вообще могла спать.

Тридцать два года жила она будто на вулкане, и вот источник неукротимой энергии иссяк. Не было больше рискованных вызовов, не было и нежных любовных писем, оставленных под подушкой.

После смерти Гарри, как, впрочем, и при жизни, дела его были в состоянии невообразимого хаоса, в котором мог разобраться только он сам. Теперь наводить порядок предстояло Бесс.

Беатрис решила продать дом, и через несколько недель он действительно был продан вместе со всеми тайными люками и раздвижными перегородками.

По завещанию Гудини, его коллекция книг по магии, насчитывающая пять тысяч двести томов, среди которых были настоящие раритеты, была передана библиотеке Конгресса.

Это завещание представляло собой типичный для Гудини документ; оно много раз переписывалось Бернаром Эрнстом по мере того, как его неугомонный клиент мирился со старыми врагами и заводил новых. Гудини делал новые распоряжения и вычеркивал старые. Он был человеком страстей. Коллекция театральных афиш, программ и документов с многочисленными пометками Линкольна тоже должна была быть продана. Кроме того, часть движимого имущества, передаваемая по завещанию Гудини другим лицам, должна была инвестироваться в недвижимое имущество Манхэттена, а доход идти Бесс.

Хардин получил реквизит, наручники и камеру для пыток водой, которая была слишком мала для него.

Говорили, что у Гудини была самая большая коллекция собственноручно написанных Линкольном писем. Гудини обладал также автографами почти всех, кто подписал в свое время Декларацию Независимости (не хватало лишь двух росчерков).

После того, как все это было продано, Бесс стала получать партии товаров, заказанные Гудини у торговцев всего света. Всего за эти посмертные поставки она выплатила свыше двадцати тысяч долларов. В то же время, за проданную коллекцию не связанных с магией театральных афиш она получила тридцать пять тысяч. Когда Гордиев узел финансовых дел Гудини был, наконец, распутан Бернардом Эрнстом, наследство, оставленное Бесс составило около пятисот тысяч долларов. Даже после посмертных пожертвований Бесс была обеспечена на всю жизнь. Теперь перед ней стоял вопрос, чем заняться. Трудно сразу изменить образ жизни, к которому привыкаешь почти тридцать лет. С девятнадцати лет главной заботой ее жизни было следить за тем, чтобы Гарри одевался должным образом, чтобы он регулярно ел, хотя на это у него всегда не хватало времени; чтобы не было нужды в деньгах, особенно во время гастролей, так как Гудини, увидев на аукционе редкую вещь, которую, по его мнению, он должен приобрести, входил в раж и не считался с расходами. Теперь ей уже не нужно было заботиться о деньгах, их у нее было достаточно. Не нужно было больше ждать освобождения Гудини из подводной камеры или из смиренной рубашки на крыше небоскреба. Вообще ждать было больше нечего...

Одно из самых губительных, разрушительных переживаний для писателя состоит в том, чтобы продать кропотливо создававшийся роман, который он и не надеялся опубликовать, киношникам и увидеть его выставленным на всеобщее обозрение. Подобно глубоководной рыбе, привыкшей выдерживать давление морских глубин, а затем внезапно поднятой сетью на поверхность, писатель часто не переносит этого испытания и разрушается как личность.

Что касается Беатрис Гудини, то она, утратив смысл жизни, просто поплыла по течению. Вначале она попыталась открыть в Нью-Йорке салон чаепитий, но поскольку не могла позволить себе брать плату с фокусников, затея оказалась разорительной.

Затем ей пришла в голову мысль организовать свои собственные представления, ведь недаром она работала вместе с Гудини, когда была его женой. Однако дальше репетиций дело не пошло.

Вдова средних лет, все еще привлекательная и с приличным доходом неизбежно становится объектом притязаний мужчин, а Бесс всегда была доверчивой и щедрой.

Теперь рядом не было человека, который следил бы, чтобы она не выпивала больше двух бокалов шампанского. Правда, вместо шампанского были скверный джин и апельсиновый сок, которыми так стремительно завершился век джаза.

Сделать выбор — это искусство, которое требует опыта. Такой выбор сделал Гудини в ту далекую ночь на Кони-Айленде, когда он впервые обнял ее. А теперь Бесс плыла по течению, полагаясь на случай, окруженная легионом старых друзей, большинство из которых были фокусниками или журналистами.

С одним из таких друзей-журналистов, жившим в Гринвич-Виллидж, она часто посещала знаменитое кафе Губерта на Шери-дан-Сквер. Здесь она познакомилась со многими журналистами, работающими в «Ивнинг Грэфик», в том числе и с высокой пепельной блондинкой, подписывавшей свои статьи псевдонимом Ри Джор.

Все еще в силе было предложение Бесс выплатить десять тысяч долларов тому медиуму, который сможет получить кодовое послание, о котором Гудини договорился с ней и о котором напомнил ей перед смертью. Послания приходили косяками, но ни одно из них не было подлинным, ни к одному Бесс не могла отнестись с доверием. И вот в конце 1928 года она аннулировала свое предложение. Ведь все равно ни один ясновидец, ни один спирит не мог получить послание, состоящее из двух тайных слов.

Но вот на сцене появляется одна из самых загадочных личностей нашего времени, преподобный Артур Форд.

Несколько лет тому назад этот красивый молодой священник христианской апостольской церкви снял сцену цирка в Чатокуа для чтений лекций и проведения дискуссий по проблемам спиритизма, обсуждения его проблем и достижений, выражающихся в по-

лучении многочисленных свидетельств существования загробной жизни.

Уроженец Флориды, он отличался изысканными манерами южанина. Казалось, Артур Форд сделал девизом своей жизни слова напутствия Христа, посылающего своих учеников с проповедями в мир: «Будьте мудры как змеи и кротки как голуби».

Мудр как змея и кроток как голубь был преподобный Артур Форд. Он вызвал фокусника Говарда Терстона на диспут в Карнеги-Холл и вышел победителем. Пресс-агент Терстона был обвинен в том, что он опубликовал сообщение о разоблачении медиума, которое не было письменно подтверждено фокусником.

Разнесся слух, что обаятельный молодой медиум — Форд стал пастором первой спиритуалистской церкви Манхэттена и планирует провести лекционный тур совместно с Бесс. Предполагалось, что Беатрис Гудини будет защищать убеждения своего покойного мужа и рассказывать о случаях разоблачения им мошенничества спиритов, тогда как Форд станет подробно обосновывать свою веру в истинность подобных явлений, особенно доказательных посланий, которые могут прийти лишь от бестелесных существ.

Ри Джор представляла тип женщины-репортера, очень распространенный в бурные двадцатые годы и, слава богу, исчезнувший из американской журналистики вместе с такими изданиями, как пресловутый «Грэфик».

Эта бульварная газетка сослужила хорошую службу другим ньюйоркским газетам: по контрасту все остальные подобного рода издания выглядели респектабельно. Газетка была основана Бернардом Макфаденом, ярким пропагандистом физической культуры, голодания, соков и других причуд, которые овладевали его воображением.

К созданию газеты он сумел привлечь Бернара Гавро, ушедшего из ультраконсервативной газеты Новой Англии. Заместителем редактора стал другой ас журналистики, Билл Пламмер, высокий седовласый неуравновешенный человек, также выходец из Новой Англии. В редакции Гавро называли Маленьким Наполеоном, а Пламмера — железным герцогом. Как журналисты такого калибра могли выпускать год за годом низкопробную бульварщину вроде «Грэфик», — одна из загадок этой таинственной профессии. Ново-

сти газету не интересовали: они создавались и выдумывались в самой редакции прямо на ходу, за пишущей машинкой. Особенно преуспел в этом Боб Кэмпбелл.

Если Скотта Фитцджеральда можно назвать совестью Джазового Века, то Гавро со своими парнями были его горлопанами. Одно из их изобретений в области изящного искусства, так называемый компосограф, в дальнейшем привело к появлению пульверизаторной живописи. Принцип компосографа состоял в фотомонтаже, при котором головы знаменитостей присоединялись к туловищам моделей. Такие фальшивые фотографии должны были показать, что происходило, или должно было произойти там, куда не мог проникнуть фотограф. На одном из наиболее удачных таких произведений был изображен недавно умерший Рудольф Валентино в ангельских одеждах, эскортируемый на небеса также уже покойным Энрико Карузо. Чтобы несколько сгладить возможную неловкость, к фотомонтажу было добавлено послание от Валентино, по видимому, полученное через медиума.

Ри Джор рассматривала события со своей женской точки зрения. Пролистав в постели очередной номер «Грэфик», она около двух часов дня бежала перекусить в кафе Губерта. При этом она старалась не пропустить что-нибудь «жареное». Встречая Бесс Гудини, она пыталась вытянуть из нее какие-нибудь факты, которые могли свидетельствовать, что долгая совместная жизнь с Гудини не была такой идиллической, какой описала ее Бесс в книге «История его жизни по воспоминаниям и документам Беатрис Гудини». Автор книги, Гарольд Келлок, писавший ранее неплохие книги по бизнесу и финансам, был рекомендован Бесс издателями. Он был полным профаном в магии, но вполне профессионально справился с задачей, излагая все так, как хотела Бесс. В книге было много сентиментальных историй, рисующих повелителя чудес как идеального любовника и мужа. У Ри Джор были сомнения на этот счет.

Возможно, эти сомнения поддерживались намеками одной из самых озорных маленьких кокеток, когда-либо пролезавших через потайной люк, чтобы оказаться в кабине фокусника. Эту крошечную, прекрасно сложенную, рыжеволосую, зеленоглазую женщину звали Дейзи Уайт. Зная пуританское и ультраконсер-

вативное отношение Гудини к женщинам, Дейзи, чтобы только проверить, что произойдет, написала Гудини несколько бурных любовных писем. Гудини никогда не выбрасывал ни один клочок бумаги, за исключением, может быть, тех газетных вырезок, где расхваливались его имитаторы. Он сохранил и эти шуточные любовные письма. После его смерти Бесс нашла их и, как говорили, долго не могла прийти в себя, пока Дейзи не успокоила ее, объяснив, как было дело.

В декабре 1928 года Ри Джор сумела как-то расположить к себе Бесс и вытянула из нее обещание дать серию статей в «Грэфик», под общим заголовком: «Жизнь и любовные истории Гудини». Писать, естественно, должна была Ри, а Бесс только подписываться.

Однако болезнь Бесс помешала осуществлению этого плана. Бесс положили в больницу накануне Рождества, и рождественская елка стояла у нее в палате.

Ри захотела, чтобы фотография Бесс, лежащей на больничной койке, была помещена в газете одновременно с началом публикации воспоминаний, но служащие больницы наотрез отказались пропустить журналиста-фотографа, который мог потревожить больных. Тогда Ри решила изменить стратегию. В газете ее знали как женщину, которая ни перед чем (в буквальном смысле этого слова) не остановится, лишь бы опубликовать материал.

Ри позвонила в редакцию «Грэфик» и попросила прислать ей Большого Мака. Это был уникум. Пожилой, высокий и толстый мужчина с огромным животом. Если его вымыть, побрить, одеть в приличное пальто и выглаженные брюки, то он мог бы сойти за сенатора, судью, зрителя медицинских учреждений, словом, за какую-нибудь важную птицу, которую не посмеют остановить у больничной проходной. В больнице он представился как специалист, вызванный миссис Гудини для консультаций. Войдя к ней в палату, он вытащил из своей черной сумки фотоаппарат, зажигалку и коробочку с порошком магия. В случае надобности Большой Мак мог быть и фотографом. Однако на этот раз он действовал неловко, в результате при взрыве магия вспыхнули сухие иголки рождественской елки. Возникла паника. На Бесс все

это повлияло так сильно, что она больше слышать не желала ни о Ри Джор, ни о ее эмиссарах, ни о ее работе. Джор кипела от негодования, когда Бесс сказала ей, что она не хочет иметь ничего общего ни с ней, ни с Маком, ни с порошком магия, ни с «Ивнинг Грэфик».

Покидая со скандалом больницу, Ри поклялась, что она расквитается с Бесс за нарушение данного ей слова. Правда, позже она постаралась наладить отношения.

Бесс покинула больницу и укрылась в доме своей сестры, жившей в верхнем Манхэттене.

Тем временем преподобный Артур Форд в состоянии транса получил через духа послание от матери Гудини, в котором содержалось кодовое слово «прости». Во всяком случае, такие ходили разговоры. Сам Форд, подобно большинству медиумов, всегда утверждал, что будучи в трансе, он не знает, что происходит на сеансе, и поэтому содержание посланий, передаваемых через духа, он может узнать лишь из пересказа присутствовавших. Послание, содержащее слово «прости», пришло 8 февраля 1928 года.

7 января 1929 года Дейзи Уайт, случайно встретив на улице Джозефа Даннингера, сказала ему, что в газете намечают опубликовать нечто сенсационное, связанное с Гудини и Бесс. В подробности она не вдавалась.

На следующий день, 8 января, в «Грэфик» появилась следующая заметка:

«Из бездны Неведомого вчера донесся голос Гарри Гудини, облегчивший страдания его вдовы Беатрис.

Миссис Гудини, сама находящаяся почти при смерти, ни в малейшей степени не сомневается в том, что голос из могилы принадлежит ее любимому мужу, поскольку кодовые слова, произнесенные им, известны только великому иллюзионисту и его преданной спутнице жизни.

Слова, всего их было девять, медленно исходили из уст медиума, сидевшего в присутствии свидетелей у постели больной:

«Розабелла-ответь-скажи-молись, ответь-посмотри-скажи-ответь, ответь-скажи-».

В соответствии с кодом, разработанным Гудини не-

сколько лет тому назад, из этих мистических слов образуется единственное слово: «поверь».

Преподобный Форд, через вселившегося в него духа Флетчера, получил послание от Гудини, содержащее кодовые слова. Этот факт был подтвержден несколькими друзьями Форда, честность которых никогда не подвергалась сомнению. Эти друзья сообщили обо всем Бесс и на следующий день устроили сеанс у нее дома. Они пришли к Бесс вместе с Ри Джор. Во время сеанса голос Флетчера, чем-то напоминавший голос самого Форда, снова произнес послание от Гудини, содержащее девять слов и объясняющее, как из этих слов возникает доказательное слово «поверь».

Один из присутствующих на сеансе написал заявление, свидетельствующее, что было получено истинное послание от Гудини, и Бесс подписала эту бумажку.

Затем, 10 января, на первой полосе «Грэфик» появился такой интригующий заголовок: «РАЗОБЛАЧЕНА ТАИНА ПОСЛАНИЯ ГУДУНИ!» Сеанс заранее подготовлен медиумом и вдовой. Подробности на стр. 3. На третьей странице подробности помещены под заголовком: «ПОСЛАНИЕ ГУДИНИ — СПЛОШНОЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО!» Форд признается, что он получил секретный код от жены фокусника». Заметка была подписана Эдвардом Черчилем, очевидно, одним из псевдонимов Боба Кэмпбелла. Она начиналась так: «Грэфик» разоблачает одну из самых скандальных мистификаций, когда-либо устроенных американской публике спиритами, — послание, якобы пришедшее из загробного мира от Гарри Гудини его вдове Беатрис. Газета собрала доказательства, что сенсационное послание было тщательно отрепетировано задолго до «премьеры».

Газета располагает также свидетельствами того, что миссис Гудини, заявлявшая, будто была почти не знакома с Артуром Фордом, тем медиумом, через которого пришло послание, более года поддерживала с ним тесные дружеские отношения.

На самом деле Ри Джор, репортер «Грэфик», подготовила «послание» за двадцать четыре часа до начала сеанса.

Однако мисс Джор задержала публикацию, посчитав нужным собрать дополнительные сведения об этой мистификации».

Почему «Грэфик» напечатала историю о «послании», которая была написана за сутки до того, как произошла в действительности, так и осталось тайной. Возможно, редакторы газеты считали, что уже приучили своих читателей к «уткам».

Далее в заметке рассказывалось, как вечером накануне сеанса два представителя редакции «Грэфик», заместитель редактора Уильям Пламмер и Эдвард Черчилль, спрятались в уголке квартиры мисс Джор, где обычно хранились душевые шланги. Спрятались они в одиннадцать часов, а через двенадцать минут по телефонному звонку Ри явился Артур Форд. Разговор журналистки с медиумом был приведен во всех подробностях. Ри вынудила Форда признать, что год назад он был на вечеринке вместе с ней и Бесс. Когда Ри сказала Форду о своем намерении засвидетельствовать, что тайна кода и послания были известны ей за сутки до сеанса, Форд сначала предложил ей взятку, а затем пытался ублажить ее другим способом, но безуспешно. Когда Ри напрямик спросила его, получил ли он послание от духа Гудини, Форд ответил: «Знаете, Ри, это у меня никогда не выходило».

Затем последовала перебранка, из которой можно было понять, что Форд и Бесс планировали совместное лекционное турне.

Даннингер бросился защищать Бесс от обвинений в тайном сговоре с Фордом. Он заявил, что секретный код, при помощи которого было получено слово «поверь», использовался Гудини еще в молодые годы для «чтения мыслей» и был напечатан в книге Келлока, где его мог прочитать любой желающий. Кроме того, медицинская сестра Софи Розенблат, находившаяся рядом с Гудини в его последние часы, слышала, как он перед смертью шептал Бесс эти два слова: «Роза-белл, поверь». Мисс Розенблат могла без всякого дурного умысла сказать кому-нибудь об этом, и вполне вероятно, что об этом мог узнать Форд.

Бесс написала горькое письмо фельетонисту Уолтер-у Уинчеллу, который хоть и работал по контракту в «Грэфик», был непримиримым врагом Гавро; в письме она утверждала, что не сделала ничего, что могло бы выглядеть как предательство по отношению к покойному мужу.

Церковное начальство выразило Форду порицание и отстранило его от должности за поведение, недо-

стойное спиритуалистского священника. Правда, вскоре он был восстановлен в прежнем положении.

Объявился еще какой-то странный человек, называвший себя торговцем рыбой, который заявил, что его подруга, дружившая с Дейзи Уайт, рассказывала, будто Дейзи давно знала секретный код от самого Гудини.

Об этом было напечатано в нью-йоркской «Телеграмм» 11 января. Заметка кончалась так: «Маленькая Дейзи Уайт призналась, что она немного знакома с торговцем рыбой, но все остальное отрицала».

22 июля 1935 года в интервью, опубликованном в «Лос-Анджелес Геральд-Икземинер», Бесс сказала: «Я получаю множество посланий, о которых говорится, что они пришли от Гудини во время спиритических сеансов, но все они ничего не значат для меня. Очень часто я сама хожу на сеансы, надеясь и молясь, что услышу сигналы, которые Гудини передаст мне. Но послания все никак не приходят».

Имя Розабелл не было ее домашним именем, как считали. Она говорила впоследствии: «Гарри обычно звал меня Бесс или Майк». Это было название сентиментальной песенки, которую Бесс пела в мюзик-холле Кони-Айленда. Бесс и Гарри считали ее своей песней.

Преподобный Артур Форд продолжал красноречиво пропагандировать спиритизм. Однажды я просидел целый час в гостиной его прекрасно обставленного дома в Корал-Гейблз во Флориде, надеясь, что он сможет потратить несколько минут на интервью со мной, но этот джентльмен был слишком занят или слишком осторожен, чтобы разговаривать с незнакомым посетителем.

Мудр как змей, кроток как голубь. В своей автобиографии он утверждает, что в тот вечер он не был дома у Ри Джор и что кто-то выдавал себя за него. Вполне возможно, что так оно и было. Пламмер и Кэмпбелл, действительно, не видели человека, чей голос они слышали. А Ри Джор стремилась любым способом «достать» Бесс. Если она все это подстроила, то месть, несомненно, была весьма изощренной! Сейчас ее уже нет в живых, так же как Билла Пламмера и Эмиля Гавро. К счастью, приказала долго жить и «Грэфик». Даже ее старые подшивки исчезли из нью-йоркской публичной библиотеки!

Бесс после многих лет одиночества и смятения обрела, наконец, тихую пристань. В этом ей помог импресарио Эдвард Сент. Он был фокусником из Калифорнии, на своих представлениях «читал мысли» и разоблачал спиритов почти так же, как Гудини. Это был франтоватый маленький подвижный человечек с блестящей лысиной, нафабранными усами и аккуратной, в стиле Ван Дайка, седой бородкой. Он носил короткие гетры и трость, в рукояти которой виднелся большой камень, «кошачий глаз», зажатый в золотом клюве птицы.

Почти все, о ком рассказано в этой книге, уже унесены временем. Доктор Крендон умер в 1938 году, а через три года за ним последовала «белокурая ведьма» Марджори. 11 февраля 1943 года в поезде, идущем из Калифорнии в Нью-Йорк, умерла от сердечного приступа Бесс Гудини. Хардин скончался в 1945 году. Он — единственный, кто знал многочисленные тайны жизни своего брата, но в годы войны внимание писателей было сосредоточено совсем на других вещах, и то, что Хардин мог бы рассказать, так и осталось никем не записанным.

Дейзи Уайт, женщина с насмешливыми глазами и белоснежной грудью, также «присоединилась к большинству», как выражались, в Викторианский век. Умер и преданный Джимми Коллинз.

После Гудини остались кипы писем, ящики, набитые наручниками и ключами, аппаратура, при помощи которой он создавал свои волшебные иллюзии. Но легенда о нем будет жить даже тогда, когда наручники съест ржавчина.

Он прожил свои пятьдесят два года так бурно, что событий этой жизни хватило бы на десятерых. То, что он был фокусником, знают все. Как это ни странно, обычные фокусы не очень удавались ему. Но в остальных областях магии, там, где он считал себя специалистом, Гарри не было равных. Никто не умел освобождаться от оков, находясь под водой или высоко в воздухе, прыгать со связанными ногами и руками в воду, открывать замки и засовы лучше, чем он. Гудини был одним из первых авиаторов, историком магии, исследователем спиритизма, писателем и редактором, гением рекламы. Он успешно исполнял сложные трюки в кинофильмах. В течение двадцати лет он был звездой варьете. Он принимал у себя королей и

дружил с президентами. Он был доброжелателен и мстителен, щедр и скуп одновременно. Как маленький мальчик, он мог забыть вымыть уши и сменить одежду. Его опрятный вид стоил Бесс больших усилий. Он никогда не отказывался давать бесплатные представления в пользу обитателей богаделен и тюрем. Гордыня не позволяла ему носить очки, и Гарри в последние годы жизни таскал с собой мощную лупу для чтения. Гарри не курил и, когда ему надо было чем-то занять руки, он перекатывал по костяшкам пальцев монету. Это — один из самых трудных и эффектных трюков в магии. Он был слишком рассеян, чтобы водить машину. Любивший кладбища, он подолгу сидел на могилах своих друзей. Атлет и артист, коллекционер и автор памфлетов, он будет продолжать жить в памяти поколений прежде всего как «человек, проходивший сквозь стены».

Содержание

Пролог. Пляшущий вигвам	3
1. Открытие, сделанное при свете газового фонаря	11
2. Книга откровений	15
3. Братья Гудини	22
4. Волшебный остров	26
5. Аншлаг	32
6. Полоса неудач	36
7. Бывают же провалы!	45
8. Призраки	52
9. Побег из тюрьмы	56
10. В наручниках и цепях	64
11. Ищущий да обрящет	71
12. Молодой Самсон	73
13. Под водой	78
14. Именем Кайзера	83
15. Неуязвимый ящик	87
16. Осложнения и нетерпеливые толпы	94
17. Обитель тайны	103
18. Великие времена	111
19. Тюремные камеры и ледяная вода	116
20. Вызов и ответ	122
21. Удивительный бидон	127
22. Вызов профессионала	134
23. Аэронавт	140
24. Золотой дождь	146
25. Тьма и бездна	151
26. Сквозь кирпичную стену	156
27. Слоны и орлы	163

28. Жестокая игра	172
29. Сказка рыцаря	178
30. Кинозвезда или банкрот?	186
31. «Духи не пришли»	194
32. Белокурая ведьма из Бостона	197
33. Мечты сбываются	213
34. Поверженный египтянин	220
35. Последний вызов	230
Эпилог. Телеграмма с того света	242

Уильям Грэшем
ЧЕЛОВЕК ПРОХОДИТ СКВОЗЬ СТЕНУ
(Правда и вымысел о Гарри Гудини)

Технический редактор В. Корнилова
Корректор В. Хоренко

Сдано в набор 05.05.93. Подписано к печати 11.08.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская, № 2.
Литературная гарнитура. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13,44. Тираж 50000 экз. Заказ № 117.
Цена договорная.

Общество по изучению тайн и загадок Земли,
при участии коммерческой фирмы «Мистерия».
123317. Москва, а/я 4.

Изготовлено в книжной типографии Министерства печати
и информации России
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7



**ED
MAGIC**

SECTION

The **World**

EDUCATION as well as **ENTERTAINMENT**

Founded by
The World-Famous

Houdini



**Человек проходит
сквозь стену**

